

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ**

Бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет»
Кафедра социально-гуманитарного образования

На правах рукописи

Мостовенко Максим Станиславович

**Государственная политика в области использования биоресурсов на
Севере Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине
1980-х гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история
Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент Е.И. Гололобов

Сургут 2017 г.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Научное изучение, охрана и правовое регулирование рационального использования биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.	39
1.1. Становление и развитие научных исследований в сфере изучения биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.	39
1.2. Охрана и нормативно-правовое регулирование рационального использования биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.	69
Глава 2. Освоение биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.	97
2.1. Коренные малочисленные народы Севера Западной Сибири в системе советской экономики и социальной сферы во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.	97
2.2. «Социалистическая реконструкция» традиционных отраслей экономики Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.	118
Заключение	173
Список использованных источников и литературы	178

Введение

Актуальность исследования. В современной России вопросы изучения и использования природных ресурсов относятся к числу наиболее острых. Понимание исторической обусловленности особенностей взаимодействия общества с тем или иным ресурсом, как меняется значение определенного ресурса в жизни общества в разные периоды, а также региональных аспектов этих процессов не могут быть осмыслены без исторических исследований.

Во второй половине XX в. на Севере Западной Сибири началось активное промышленное освоение, отразившееся на состоянии природы вообще, и биологических ресурсов в частности. Данный процесс был неотрывной частью модернизации страны, характерной чертой которого в СССР стала центральная роль государства. Советское руководство стремилось поставить все природные ресурсы страны, включая биологические, под полный рациональный контроль. Это в полной мере соответствовало идеологическим взглядам правительства страны: «Русские модернизаторы, в особенности революционного толка, видели себя миссионерами, призванными создавать новое справедливое общество на основе завоеванной покоренной природы, управляемой «новым человеком», познавшим весь мир и сознающим себя всемогущим хозяином на земле»¹.

Регион в беспрецедентно короткое время прошел уникальный «исторический» путь от очагового освоения территории, где надо было лишь контролировать объемы добычи определенных ресурсов, до сплошного индустриального освоения с необходимостью комплексного обеспечения охраны окружающей среды.

Безусловно, это требовало от государственной власти активных действий в области регулирования процессов использования биоресурсов. Исследование направлено на решение научной проблемы, связанной с

---

¹ Вайнер Д. Экология в Советской России: Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М, 1991. С. 11 - 12.

необходимостью осмысления исторического опыта управления использованием биологических ресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине XX в., с одной стороны, и отсутствием комплексных исследований в этой области – с другой. Изучение обозначенных аспектов даст возможность расширить предмет исследований по истории не только Севера Западной Сибири, но и Российского Севера в целом. Научно-исследовательская работа позволит расширить профессиональный диалог по проблемам экологической истории.

Экологические проблемы невозможно решить без исторического осмысления, поскольку естествознание не может самостоятельно понять их источники и причины, так как они заключены в политической, экономической, социальной и культурной деятельности общества. Экологические проблемы Севера Западной Сибири имеют глубокие исторические корни, связанные с «ресурсным» подходом государства к северным территориям.

Исследование государственной политики использования биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине XX в. и ее последствий для системы «человек–природа» в историческом контексте вносит существенный вклад в формирование регионального экологического сознания. При этом в основе изучения вышеназванной проблематики лежит понимание человека как части природы. Авторы научной работы подчеркивают, что светлое будущее государственной политики и истории в целом невозможно без сохранения окружающей среды.

Степень изученности темы.

Для детальной прорисовки картины государственной политики и особенностей использования человеком биологических ресурсов, необходимо обратиться к концепции экологической истории, изучающей проблемы взаимоотношений государства и общества в контексте освоения природных ресурсов в различные исторические периоды.

В первую очередь следует выделить работы известных экологических историков, посвященные теории и методологии экологической истории: Д. Ворстер (Worster D.)², Д. Вайнер (Weiner D.)³, Дж. Р. МакНилл (McNeill J. R.)⁴, У. Кронон (Cronon W.)⁵, Дж. Ричардс (Richards John F.)⁶, Д. Хугс (Huges D.)⁷, Т. Миллиантус⁸, Й. Радкау⁹, А. Кросби (Crosby A.)¹⁰, Э. Маулдин (Mauldin Erin Stewart)¹¹. Они убедительно показали, что человеческая история всегда развивается в рамках биологического и физического контекста, который, в свою очередь, сам развивается, то есть носит исторический характер.

Североамериканские и европейские исследователи в своих работах акцентировали внимание на проблемах взаимодействия человека и природы, на важности исторического и философского подхода к изучению экологических проблем, на необходимости осознания невосполнимости

---

² Worster D. *The Wealth of Nature: Environmental History and the Ecological Imagination*. Oxford, 1993. 389 с.; *Его же*. *The Two Cultures Revisited: Environmental History and the Environmental Sciences* // *Environment and History*. Cambridge, 1996. Vol. 2. P. 3–14; *Его же*. *Nature's Economy: A History of Ecological Ideas*, 2nd ed. Cambridge and New York. 1994. 450 с.

³ Вайнер Д. Экологическая идеология без мифов // *Человек и природа: экологическая история*. СПб., 2008. С. 132–160; *Его же*. *A death-defying attempt to articulate a coherent definition Environmental history*. *Environmental History*. 2005. № 10. С. 404–420.

⁴ МакНилл Дж. Р. О природе и культуре экологической истории // *Человек и природа: экологическая история*. СПб., 2008. С. 23–83; *Его же*. *The Anthropocene: Conceptual and Historical Perspectives* // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2011. Vol. 369. P. 42–67; *Его же*. *Observation on the Nature and culture of Environmental history* // *History and Theory*. Wesleyan University. 2003. P. 34–60.

⁵ Кронон У. Место для историй: природа, история и повествование // *Человек и природа: экологическая история*. СПб., 2008. С. 84–131; *Его же*. *Ecological Prophecies*. New York, 1995. 250 с.

⁶ Richards John F. *The unending frontier: an environmental history of the early modern world*. Berkeley and Los Angeles, 2003. 241 с.

⁷ Donald J. Huges *What is Environmental History*. Wellie, 2006. 258 с.

⁸ Myllyntaus T., Saikku M. *Environmental History. A New Discipline with Long Traditions*. Athens, 2001. 263 с.

⁹ Радкау Й. *Природа и власть. Всемирная история окружающей среды*. М., 2014. 505 с.

¹⁰ Crosby A. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900*. Cambridge, 1986. 250 с.

¹¹ McNeill J. R., Mauldin E. S. *A Companion to Global Environmental History*. Blackwell, 2012. 298 с.

природных ресурсов и изменения потребительского сознания человека по отношению к природе.

В данных исследованиях формулируются основные методологические и теоретические основы экологической истории, рассматриваются различные подходы к ее изучению, а также определяются направления взаимодействия с другими отраслями гуманитарного знания.

Кроме того, подобные исследования формируют научное мировоззрение и намечают основные методологические подходы к изучению исторического материала. Следует отметить, что использование этого блока литературы в нашем исследовании позволяет существенно дополнить и расширить методологическую составляющую данного диссертационного исследования. Эти положения легли в основу диссертационного исследования.

В рамках изучения экологической истории особый интерес представляют региональные эколого-исторические исследования. Они дают возможность представить глобальные изменения на локальном уровне с учетом специфики того или иного региона. В связи с этим практическую значимость представляют работы Лаурэля МакДоуэлла (MacDowell Laurel)¹², Уильяма Миллера (Miller Shawn William)¹³, Конрада Тотмана (Totman Conrad)¹⁴, Пола Саттера и Кристофера Манганиэло (Sutter Paul, Manganiello Christopher)¹⁵, Луиса Варрена (Warren Louis)¹⁶ и др. Эти работы дают нам возможность проанализировать особенности использования данной методологической базы в рамках собственного исследования.

В зарубежных исследованиях не раз отмечалась слабая степень изученности российской экологической истории. Россия (СССР) до сих пор

---

¹² MacDowell L. S. An Environmental History of Canada. Ottawa, 2008. 271 с.

¹³ Miller S. W. An Environmental History of Latin America. Berkeley and Los Angeles, 2003. 389 с.

¹⁴ Totman C. An Environmental History of Japan. Los Angeles, 2000. 402 с.

¹⁵ Sutter Paul, Manganiello Christopher Environmental History and the American South. Los Angeles, 2005. 603 с.

¹⁶ Warren Louis American environmental history. Pittsburgh, 2011. 208 с.

остаётся одной из наиболее крупных и наименее исследованных с эколого-исторической точки зрения стран.

Эколого-исторической проблематике России посвящены отдельные работы: Дугласа Вайнера (Weiner D.)¹⁷, Пола Джозефсона (Josephson P.)¹⁸, Дэвида Муна (Moon D.)¹⁹, Стивена Брэйна (Brain S.)²⁰. Авторами рассматриваются следующие сюжеты из экологической истории России: создание и развитие системы заповедников, освоение и использование степных регионов, история лесного хозяйства в Российской империи и Советском Союзе. Данная группа исследований демонстрирует то, как менялись тематика и методологические подходы к изучению эколого-исторических сюжетов России в зарубежной исторической науке. Это позволяет сравнить различные подходы и выработать собственный путь к исследуемой проблеме. В то же время отсутствуют зарубежные специализированные работы по экологической истории регионов Сибири.

Труды отечественных исследователей по экологической истории России посвящены как теоретическим, так и конкретно-историческим проблемам. Они важны для сопоставления различных взглядов на историю освоения Севера и для сравнительно-исторического фона, необходимого для определения специфики его экологической истории вообще, а также Севера Западной Сибири в частности. Кроме того, это создает условия для научного диалога, который способствует взаимному обогащению идеями и исследовательскими практиками в контексте изучения истории использования биоресурсов Севера в условиях активного индустриального освоения территории.

---

¹⁷ Weiner D. R. *Models of Nature*. Los Angeles, 1990. 600 с.; *Его же*. *A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev*. Los Angeles, 1999. 556 с.

¹⁸ Josephson P. R. *An environmental history of Russia*. Cambridge, 2013. 200 с.; *Его же*. *The Conquest of the Russian Arctic*. Harvard, 2014. С. 441; *Его же*. *Industrialized Nature*. Island Press, 2002. 311 с.

¹⁹ Moon D. *Plough that broken steps*. Cambridge, 2014. 287 с.

²⁰ Brain S. *Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism 1905–1953*. Pittsburgh, 2011. 345 с.

Основные теоретические подходы к изучению экологической истории России отражены в исследованиях В. И. Дурновцева²¹, А. М. Каллимулина²², Н. Г. Смирнова²³. В своих работах авторы делают акцент на обязательном отказе от устаревших подходов к изучению событий прошлого и расширению поля историко-экологических исследований. Все это позволяет нам проанализировать особенности формирования российской эколого-исторической школы.

Экологическая история России на региональном уровне представлена публикациями А. М. Каллимулина²⁴, Е. И. Гололобова²⁵. В данных исследованиях проводится анализ изменения экологической ситуации на различных этапах существования человеческого социума, выявляются особенности существования традиционных форм хозяйствования в условиях

²¹ Дурновцев В. И. Экологическая история России: что впереди? // Проблемы экологии и устойчивого развития. М., 2010. С. 45–71; *Его же*. Становление экологической истории России (историографические наблюдения) / Социокультурные измерения в условиях глобализации: опыт России и Сербии ; под ред. Д. Ж. Марковича, С. Н. Глазачева, С. А. Степанова. Ниш ; М., 2011. С. 249–260.

²² Калимуллин А. М. Проблемы экологической истории // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 160–164.

²³ Смирнов Н. Г. Историческая экология: между повседневностью и вечностью, или поиск решений на перекрестке проблем // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 23. С. 84–98.

²⁴ Каллимулин А. М. Историческое исследование региональных исторических проблем. М., 2006. 369 с.

²⁵ Гололобов Е. И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930) исторические корни современных экологических проблем. Ханты-Мансийск, 2013. 222 с.; *Его же*. Взаимодействие человека и природы на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг. (теоретико-методологический аспект) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2009. № 3(6). С. 68–76; *Его же*. Природопользование и охрана окружающей среды на Севере Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 77–82; *Его же*. Environmental history of the North of Western Siberia: Developing nature resources and nature protection. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований : материалы Междунар. науч. конф. (г. Елабуга, 13–15 нояб. 2014 г.). Елабуга : Изд-во Елабужского ин-та КФУ, 2014. С. 86–106; *Его же*. Охрана окружающей среды на Севере Западной Сибири в XIX–XX вв. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4(37). С. 143–148; *Его же*. Методологические аспекты исторического исследования экологической политики государства (на примере Севера Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4(37). С. 195–201.

промышленного воздействия. Рассматриваются ключевые факторы, которые повлияли на процесс организации хозяйственной деятельности как на общегосударственном, так и региональном уровнях. Также анализируется экологическая политика крупных экономических единиц. Авторы акцентируют внимание на изучении исторических причин, региональных экологических проблем и природоохранной деятельности в региональном измерении.

Исследования Е. И. Гололобова позволяют более детально рассмотреть события прошлого на Севере Западной Сибири с учетом историко-правового аспекта, а также использования биологических ресурсов в 20-е гг. XX в. Работа А. М. Калимуллина посвящена истории технологического развития Поволжского региона. Автором анализируются экологические последствия в их историческом генезисе. Таким образом, данные труды позволяют проводить сравнительный анализ особенностей взаимодействия человека и природы не только в различных регионах, но и в различные временные периоды.

В отдельную группу научной литературы входят исследовательские работы отечественных этнографов по изучению традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири в XX веке: З. П. Соколова²⁶, Н. В. Лукина²⁷, В. М. Кулемзин²⁸, А. И. Пики²⁹, А. В. Головнев³⁰

---

²⁶ Соколова З. П. Современное положение малых народностей Томской области : материалы 2 пленума межвед. комиссии по проблемам Севера. М., 1964. С. 7; *Ее же*. Ямало-Ненецкий национальный округ (экономико-географическая характеристика) // Сов. этнография. М., 1966. С. 140–142; *Ее же*. Новая жизнь народов Севера. М., 1967. 118 с.; *Ее же*. Постановления партии и правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера / Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. С. 66–116; *Ее же*. Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера / История СССР М., 1990. С. 155–166; *Ее же*. Народы Советского Севера (1960–1980). Предисловие, гл. 1, 7, приложение Ханты-Мансийский автономный округ, заключение. М., 1991; *Ее же*. Этносоциальная ситуация и проблемы традиционного природопользования восточных хантов и лесных ненцев / Народы Сибири : сибирский этнографический сб. М., 1995. С. 5–20; *Ее же*. Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера / Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 61–79.

²⁷ Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.; *Ее же*. Традиции и инновации в культуре хантов Томской области // Из истории Сибири. Вып. 6. Томск, 1973; *Ее же*. Оленеводство ваховских хантов // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973; *Ее же*. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири / Институт истории, филологии и философии СО АН СССР ; отв. ред. И. Н. Гемуев, Ю. С. Худяков. Новосибирск, 1984; *Ее же*. Материальная культура восточных хантов в прошлом и настоящем // VI Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 24–30 июля. 1985 года : тез. докл. Сыктывкар, 1985. С. 90; *Ее же*. Историческая память и спасение Югры // Пути выживания народов ханты и манси : материалы науч.-практ. конф. п. Лянтор, 9–16 апреля 1992 г. Ханты-Мансийск, 1993. С. 34, 35; *Ее же*. Материалы по оленеводству восточных хантов (конец XIX – 70-е годы XX в.) // Советская этнография. 1979. № 6. С. 110–121; *Ее же*. История и культура хантов : сб. ст. Томск, 1995. 162 с.; *Ее же*. Народы Северо-Западной Сибири : сб. ст. Вып. 2 / Научная лаборатория этнографии и этнолингвистики Ямала. Томск, 1995. 216 с.; *Ее же*. Народы Северо-Западной Сибири : сб. ст. Вып. 3 / НИИ ВОУН. Томск, 1996. 80 с.

²⁸ Кулемзин В. М. Некоторые наблюдения над деградацией культуры чулымцев, селькупов и хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 126–129; *Его же*. К вопросу о механизме разрушения традиционных культур // Questions siberiennes. Сибирские вопросы. Paris, 1992. № 2. С. 48–87; *Его же*. Взаимодействие культур и его результаты // Западная Сибирь: проблемы региональной культурологии. Томск, 1992. С. 92–95.; *Его же* Взаимоотношения культуры и среды: прошлое, настоящее и перспективы // Научные труды / НИИ ВОУН. Ханты-Мансийск, 1995. С. 34–92; *Его же*. Ханты: чужие на своей земле? // Народы Сибири: права и возможности / отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 140–147; *Его же*. Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения // Культурологические исследования в Сибири. Вып. 1. Омск, 1999. С. 209–221.

²⁹ Пика А. И. Социальные и культурные изменения в образе жизни сосвинских манси // Социальные и демографические проблемы социалистического образа жизни. М., 1982. С. 78–120; *Его же*. Формирование Западно-Сибирского ТПК и народы Севера // Социальные аспекты советского народа, как новой социально-исторической общности людей. М., 1982. С. 156–198; *Его же*. Охрана и рациональное использование охотничьих животных и промысловых рыб на Севере Западной Сибири // Охрана и рациональное использование биоресурсов Крайнего Севера. М., 1983. С. 38–42; *Его же*. Полевые социально-демографические исследования в национальных поселках Крайнего Севера // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 48–78; *Его же*. Демографическая политика в районах проживания народов: проблемы и перспективы // Региональные проблемы социально-демографического развития. М., 1987. С. 78–95; *Его же*. Большие проблемы малых народов // Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 4. С. 2–7; *Его же*. «СОС» из сургутско-бермудского треугольника (тревожная ситуация на оз. Пякуто) // Северные просторы. 1990. № 3. С. 10–28; *Его же*. Индустриальное развитие Севера и проблемы коренного населения // Проблемы обеспечения рациональной занятости малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в общественном производстве : материалы науч.-практ. конф. Якутск, 1992. С. 6–14.

³⁰ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с.; *Его же*. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров.

и др. Конкретно-исторический материал, содержащийся в них, необходим для понимания фундаментальных основ традиционного хозяйства, особенностей его существования в условиях активного индустриального освоения региона. Кроме того, на наш взгляд, в данную группу необходимо включить исследования М. Е. Бударина³¹. Несмотря на то, что он не является профессиональным этнографом, в его наработках представлен процесс изменения социокультурных традиций у коренных северных народов Сибири в период модернизации хозяйства.

Во второй половине XX в. Север Западной Сибири стал ареной интенсивного индустриального освоения. В короткие сроки на территории региона был создан крупнейший в СССР Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (*далее* – ЗСНГК). Ввиду этого особое место в изучении истории освоения природных ресурсов Севера Западной Сибири во второй половине XX в. занимают исследования, посвященные становлению и развитию ЗСНГК. Они позволяют оценить значимость темы для научного сообщества и возможности формулирования «природопользовательской», «экологической» тем в рамках исторической проблематики. Соответственно, особый интерес для нашего исследования представляют работы В. П. Карпова³², Г. Ю.

Екатеринбург, 1995. 607 с.; *Его же*. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и нефтегазовые месторождения. Екатеринбург, 2014. 232 с.

³¹ Бударин М. Е. Социалистические преобразования в национальных районах Севера Сибири : дис. ... д-ра ист. Наук : в 2 т. Т. 1. Омск. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1971. 280 с.; *Его же*. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму: КПСС – организатор социалистических преобразований в национальных районах Севера Западной Сибири. Омск, 1968. 476 с.

³² Карпов В. П. «Это было спасением!» (к 50-летию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса) // Нефтяное хозяйство. 2014. № 5. С. 119–120; *Его же*. Энергетика и геополитика: тюменский фактор // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 2. С. 84–91; *Его же*. Нефть, политика и научно-технический прогресс // ЭКО. 2013. № 9(471). С. 51–61; Карпов В., Ганопольский М. За туманом и за запахом тайги? Проблемы заселения нефтегазового Тюменского севера // Родина. 2013. № 2. С. 74–76; *Его же*. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960–1980-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 234–239; *Его же*. Стратегия освоения нефтегазовых ресурсов Ямала (1960–80-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. Т.

Колевой³³, В. В. Алексеева³⁴, В. Л. Некрасова, Е. А. Хромова, О. Н. Стафеева³⁵, Н. Ю. Гавриловой³⁶.

3. № 2. С. 69; *Его же*. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень, 2002. 174 с.; *Его же*. «Третье Баку». Формирование нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960–90-е годы // Ежедневник ТОКМ: 2001. Тюмень, 2002; *Его же*. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960–80-е годы) // Отечественная история. 2003. № 5. С. 112–132; *Его же*. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005. 307 с.; *Его же*. Прометеи Ямальского газа. Очерки истории освоения нефтегазовых ресурсов региона. Салехард–Екатеринбург, 2007. 232 с.

³³ Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления : в 2 ч. Ч. 1. Тюмень, 2005. 152 с.; *Ее же*. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления : в 2 ч. Ч. 2. Тюмень, 2005. 159 с.; *Ее же*. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977–1989 гг.). Тюмень, 2006. 184 с.; *Ее же*. Газовая промышленность Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2006. № 6. С. 74–82; *Ее же*. Нефтяная промышленность Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2006. № 5. С. 65–73; *Ее же*. Стратегия развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300. С. 95–102.

³⁴ Алексеев В. В. Прометеи сибирской нефти : монография. Свердловск, 1989. 288 с.

³⁵ Стафеев О. Н. Образ региона. Индустриальное освоение Севера Западной Сибири в общественном сознании // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 360–370; Стафеев О. Н., Некрасов В. Л. Источниковедческий анализ исследований по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 68–86; Стафеев О. Н. Воспоминания Ф. К. Салманова как исторический источник развития нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960–80-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 166–169; Некрасов В. Л., Хромов Е. А. Н. С. Хрущёв и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 123–126; Некрасов В. Л. Модели региональной политики и социально-экономического развития регионов Севера Западной Сибири (1957–1965 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4–2. С. 183–189; Некрасов В. Л., Хромов Е. А. Партийные, региональные и ведомственные группы интересов в формировании политики освоения западносибирской нефтегазовой провинции (1961–1965 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2. С. 45; Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития / Е. А. Хромов, О. Н. Стафеев, В. Л. Некрасов. Сургут : РИО СурГПУ, 2012; Некрасов В. Д., Стафеев О. Н. Проекты индустриального обновления регионов Севера Западной Сибири (1950-е – первая половина 1960-х гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 72–83.

³⁶ Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002. 239 с.

Вышеназванными историками подробно изучены вопросы становления и развития ЗСНГК. В своих работах они описывают различные аспекты экономической, социальной и культурной политики государства на Севере Западной Сибири в контексте освоения энергетических ресурсов. При этом, делая упор на историческую оценку значимости периода с опорой на конкретные исторические факты. Эколого-исторические аспекты этих процессов рассматривались в общем контексте развития ЗСНГК в русле констатации негативного влияния комплекса на окружающую среду. Вопросы государственной политики освоения и использования биоресурсов специального рассмотрения не получили.

Данные исследования дают понимание экономического и исторического контекста, в котором развивалось использование биоресурсов на Севере Западной Сибири, позволяет определить место отраслей, связанных с биоресурсами в экономике региона.

Изучением специализированных сторон освоения природных и биологических ресурсов Севера Западной Сибири занимались многие специалисты – экономисты, биологи, географы и т.д. Следует сказать, что подобные работы в рамках проводимых изысканий носят узкопрофессиональный характер, отражающий взгляд специалистов из различных научно-исследовательских областей. Поскольку выбранная тема носит ярко выраженный междисциплинарный характер, труды ученых социально-экономического и естественно-научного направлений дают возможность более глубоко понять как общие, так и частные аспекты освоения Севера и его биологических ресурсов. К числу таких работ относится исследование В. Б. Нефедова, связанное с дискуссиями о техногенном воздействии на окружающую среду в условиях северных территорий³⁷.

---

³⁷ Нефедов В. Б. Исследование состояния природной среды на Севере Западной Сибири в связи с хозяйственным освоением и охраной природы // Вестник Московского ун-та. 1967. № 5. С. 56–72. (Сер. № 5. География).

В 70–90-е гг. XX в. возрастает интерес экономистов и географов к проблеме индустриального освоения Севера Тюменской области (Славина С. В.³⁸, Котлякова В. М., Агранта Г. А.³⁹, Алексеева Л. И.⁴⁰, Андреева В. Н.⁴¹, Михайлова Ю. П.⁴² и другие⁴³).

Анализ ключевых сходств и различий по вопросам охраны окружающей среды в связи с активным нефтегазовым развитием региона был проведен в работах Г. А. Аграната⁴⁴. Автор сравнивает различные принципы, методы и подходы, которыми руководствовались зарубежные специалисты при освоении «своих» северных территорий, с тем, как протекал данный процесс в нашей стране. В качестве сравнительного фона представлены северные провинции Канады и штат Аляска. Также автором анализируются особенности экономической деятельности крупных нефтяных компаний, их

³⁸ Славин С. В. К истории развития современного хозяйства СССР. Современные проблемы освоения севера СССР. М., 1970. С. 54–62; *Его же*. Освоение Севера. М., 1975. 200 с.

³⁹ Котляков В. М. Как лучше осваивать север? // Вестник Академии Наук СССР. 1991. № 9. С. 12–23.

⁴⁰ Алексеев Л. И. Охрана окружающей среды и социально-экономические условия освоения Севера Западной Сибири вахтовым методом. Л., 1987. 178 с.

⁴¹ Андреева Е. Н. Экологические проблемы новых районов освоения. Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 1990. № 7. С. 45–72.

⁴² Михайлов Ю. П. Географическое изучение Обского Севера в связи с его освоением. Проблемы развития районов с экстремальными природными условиями. Иркутск, 1986. С. 4–16.

⁴³ Куницын Л. Ф. Освоение Западной Сибири и проблема взаимодействия природных комплексов и технических систем. Россия и социально-экономическое развитие Сибири. Тюмень, 1982. 379 с.; Абазаев И. А. Основные направления развития сельского и промыслового хозяйства Крайнего Севера : тр. науч.-исслед. ин-та сельского хозяйства Крайнего Севера. Т. 18: Вопросы сельского и промыслового хозяйства Крайнего Севера. М., 1970. 230 с.; Белорусов Д. В. Эффективность комплексного развития производительных сил в районах нового освоения Западной Сибири. М., 1971. 219 с.; Витязева В. Основной метод освоения Севера. Якутск, 1969. 89 с.; Дьяконов К. Н. Физико-географические аспекты изучения влияния нефтедобывающей техники на природную среду Среднего Приобья. М., 1974. 118 с.

⁴⁴ Агранат Г. А. Проблемы освоения канадского севера. М., 1979. 150 с.; *Его же*. Зарубежный Север: опыт освоения / под ред. С. В. Славина. М., 1970. 414 с.; *Его же*. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки / ред. К. С. Лосев. М., 1983. 164 с.; *Его же*. Освоение Севера: Мировой опыт и региональные проблемы. М., 1983. 136 с.; *Его же*. Экономический опыт СССР в освоении Севера (некоторые сопоставления с зарубежным Севером) // Вопросы экономики. 1972. № 11. С. 45–74; *Его же*. Региональные проблемы исследования и освоения Севера. М., 1973. 175 с.

политика в области сохранения окружающей среды, ключевые моменты экологического законодательства США и Канады.

Вопросы охраны окружающей среды Севера Западной Сибири рассматривались в контексте негативного влияния со стороны нефтегазового комплекса в работах следующих исследователей: С. Т. Будькова⁴⁵, М. М. Барбакова⁴⁶, А. В. Епишевой⁴⁷, Б. Г. Иоганзена⁴⁸, В. В. Крючкова⁴⁹, Ю. Г. Маркова⁵⁰. Особенности функционирования экологических систем в условиях активной нефте- и газодобычи – главный вопрос, который интересует исследователей. В их трудах акцентировалось внимание на необходимости усиления природоохранной политики, в особенности в области ужесточения законодательства и более активной защиты окружающей среды.

В связи с тем, что во второй половине XX в. на Севере Западной Сибири был создан мощный индустриальный комплекс, особый интерес для исследования представляют специальные работы, посвященные изучению использования биологических ресурсов региона в этих условиях. В данном ключе прежде всего можно выделить труды биологов и специалистов в области рыболовства (Венглинский Д. Л.⁵¹, Вышегородцев А. А.⁵², Замятин В. А.⁵³).

---

⁴⁵ Будьков С. Т. Нефть, газ и природа севера. М., 1984. 180 с.

⁴⁶ Барбаков М. М. Некоторые экологические проблемы научно-технического прогресса в Западной Сибири. Тюмень, 1980. 139 с.

⁴⁷ Епишев А. В. Проблемы охраны окружающей среды в связи с развитием газовой промышленности в северных районах. М., 1981. 119 с.

⁴⁸ Иоганзен Б. Г. Охрана природы в газонефтеносных районах Западной Сибири. Томск, 1970. 202 с.

⁴⁹ Крючков В. В. Особенности природоохранных мер в условиях Севера Западной Сибири в связи с его освоением. Иркутск, 1971. 289 с.

⁵⁰ Марков Ю. Г. Политика охраны окружающей среды в условиях промышленного освоения Севера. М., 1992. 150 с.

⁵¹ Венглинский Д. Л. Экологические аспекты рационального использования запасов Сиговых рыб Севера Западной Сибири и Урала // Биологические проблемы севера : VI симпозиум. Вып. 2: Ихтиология. Гидробиология. Энтомология. Паразитология. Якутск, 1974. С. 221–224.

Кроме использования рыбных ресурсов, традиционной отраслью экономики Севера Западной Сибири была охота. В связи с этим особый интерес для исследования представляют работы, посвященные анализу развития охотничьего хозяйства в СССР (Юргенсон П. Б.⁵⁴, Дёжкин В. В.⁵⁵, Пилитович С. С.⁵⁶, Майнтефель П. А., Кузнецов Б. А.⁵⁷).

Вопросы рациональной организации охотхозяйств в Сибири рассматриваются в работах В. Н. Скалона⁵⁸. Автором на обширном статистическом и фактическом материале описывается состояние пушного промысла в стране в целом, и в Сибири в частности, а также анализируются особенности биологического существования промысловых животных. Ф. Р. Штильмарк посвятил изучению данной проблемы целый ряд исследовательских работ, в которых поднимаются вопросы организации заповедников и охотничьего промысла⁵⁹.

Особенности развития охотничьего хозяйства Севера Западной Сибири рассматриваются в работах П. Н. Вострякова⁶⁰ и В. А. Забродина⁶¹. В их трудах подняты вопросы организации рационального использования биологических ресурсов, проблемы охраны промысловой фауны и среды ее обитания.

⁵² Вышегородцев А. А. Перспективы воспроизводства пеляди в озерах Кондинского и Сургутского районов Тюменской области. Научные основы охраны природы и их преподавание в высшей и средней школе. Томск, 1970. 112 с.

⁵³ Замятин В. А. Состояние и перспективы развития рыбного хозяйства ХМНО и ЯННО Тюменской области : тез. докл. к науч.-практ. конф. СибрыбНИИпроект по развитию Тюменского рыбохозяйственного комплекса. НТО. Тюмн. обл. совет. НТО пищевой промышленности. Тюмень, 1975. С. 102–107.

⁵⁴ Юргенсон П. Б. Биологические основы охотничьего хозяйства в лесах. М., 1973. 207 с.

⁵⁵ Дёжкин В. В. Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. 194 с.; *Его же*. Эколого-экономические основы ведения охотничьего хозяйства // Охотоведение. М., 1975 С. 55–71; *Его же*. Охота и охотничье хозяйство мира. М., 1983. 185 с.

⁵⁶ Пилитович С. С., Правоторов В. В., Дёжкин В. В. Промысел и заготовки пушнины. М., 1971. 137 с.

⁵⁷ Майнтефель П. А., Кузнецов Б. А. Спутник промыслового охотника. М., 1954. 60 с.

⁵⁸ Скалон В. Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск, 1957. 70 с.

⁵⁹ Штильмарк Ф. Р. Отчет о пережитом. М., 2006. 527 с.

⁶⁰ Востряков П. Н. Северное оленеводство и пушной промысел. Размещение и специализация сельскохозяйственного производства РСФСР. М., 1971. 178 с.

⁶¹ Забродин В. А. Охотничье хозяйство Севера. М., 1989. 357 с.

Поиски способов интенсификации системы охотничьих хозяйств в XX веке осуществлялись в рамках совершенствования звероводства. Это повлекло за собой появление звероводческих ферм, ставших наряду с традиционными охотничьими хозяйствами источником поступления мехов. Особенности функционирования подобных предприятий рассматриваются в работах Л. В. Балаша⁶² и А. Д. Игнатовича⁶³.

Таким образом, специфика предметного поля исторических исследований, посвященных Северу Западной Сибири во второй половине XX в., позволяет говорить о доминировании нефтегазовой тематики.

На этом фоне традиционные отрасли хозяйства региона – рыболовство и охотничье-промысловое – оказались в тени экономического развития «западносибирского нефтегазового исполина». Это обстоятельство в дальнейшем повлияло и на исследовательский интерес историков, сосредоточившихся на изучении различных аспектов становления и развития ЗСНГК.

Зарубежные исследователи сформулировали основные положения экологической истории, на которые опирается работа. Отечественные региональные эколого-исторические исследования дают возможность проведения сравнительно-исторического анализа государственной политики использования биоресурсов в XX в.

Этнографические исследования позволили сформировать представления о традиционной материальной культуре коренных народов Севера Западной Сибири и путях ее трансформации в условиях второй половины XX в. Между тем вопросы развития традиционных отраслей экономики региона, промыслового хозяйства народов Севера, государственной политики освоения биологических ресурсов на Севере

---

⁶² Балаш Л. В. Звероводство в ХМАО Тюменской области. Охота, пушнина и дичь : сб. науч.-техн. информации ВНИИОЗ. Вып. 35–37. М., 1972. С. 35–62.

⁶³ Игнатович А. Д. Содержание лисиц и песцов на Крайнем Севере. Красноярск, 1969. 138 с.

Западной Сибири в условиях интенсивной индустриализации остаются недостаточно изученными. Следовательно, для экологической истории региона эти вопросы являются актуальными.

Экономистами, биологами, географами был накоплен научный материал по различным специальным вопросам развития охотничьего хозяйства, рыболовства и оленеводства. Наработки исследователей позволяют с эколого-исторических позиций подойти к осмыслению реконструкции государственной политики в сфере использования северных биоресурсов.

Между тем, вопросы развития традиционных отраслей экономики региона, промыслового хозяйства народов Севера, государственной политики освоения биологических ресурсов на Севере Западной Сибири в условиях интенсивной индустриализации остаются недостаточно изученными. Для экологической истории региона эти вопросы, безусловно, актуальны.

Таким образом, обращение к государственной политике освоения биологических ресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине XX в. с позиций экологической истории представляется на данном этапе развития науки актуальным и обусловлено направлением развития исторической мысли.

Цель: выявить условия формирования и механизмы реализации государственной политики в области использования биологических ресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

Объект: процесс трансформации природопользования на Севере Западной Сибири во второй половине XX в.

Предмет: государственная политика в области использования биоресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

Для реализации поставленной цели сформулированы следующие **задачи:**

- определить исторические условия формирования государственной политики СССР в области использования биологических ресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.;
- выделить основные направления государственной политики в области развития традиционного промыслового хозяйства (рыболовство, охота, оленеводство) коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири во второй половине 1950 – первой половине 1980-х гг.;
- выделить основные направления государственной политики в области развития рыбной промышленности, звероводства на Севере Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.;
- охарактеризовать влияние Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на состояние биологических ресурсов Севера Западной Сибири в 1950-х – первой половине 1980-х гг.;
- раскрыть и обосновать механизмы реализации государственной политики использования биологических ресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

Хронологические рамки охватывают период второй половины 1950-х – первой половины 1980-х гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена решениями XX съезда партии об ускорении освоения богатых природных ресурсов восточных районов. Речь шла о кардинальном изменении места Сибири в экономике страны.

С этого периода на Севере Западной Сибири начинает формироваться крупный территориально-производственный комплекс, полностью ориентированный на масштабную добычу минеральных ресурсов. Экономическая роль природопользования, связанного с использованием биологических ресурсов, с этого времени неуклонно снижается. Наблюдается ухудшение общей экологической ситуации в регионе. Это приводит к тому, что традиционные отрасли хозяйства постепенно теряют свою

экономическую значимость в контексте закономерностей развития советской социально-экономической системы.

Верхняя хронологическая граница определена серединой 1980-х гг., когда страна вступает в полосу резких политических перемен, результатом которых стало изменение модели экономического развития и природопользования. Эффективность советской модернизационной модели развития региона ставится под сомнение. Все большую актуальность начинают приобретать вопросы оценки и осмысления экологических последствий «ресурсного» подхода освоения западносибирского Севера.

Территориальные рамки исследования охватывают Север Западной Сибири – исторически сложившийся географический регион традиционного северного промыслового хозяйства, испытавшего на себе во второй половине XX в. давление индустриализации, стержнем которой стало становление и развитие ЗСНГК. Это пространство севера Тюменской области с входящими в ее состав Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами и северные районы Томской области.

Методология исследования.

На современном этапе развития в отечественной исторической науке произошли серьезные изменения. В методологический аппарат стали включаться методы из смежных направлений, что позволяет проводить качественную оценку изучаемых проблем, определять новые грани объектов исследования.

В первую очередь определим понятие «биологические ресурсы». Это источники и предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ, заключенные в объектах живой природы⁶⁴. Так как количество объектов живой природы очень велико, в данной работе они ограничены промысловыми объектами традиционных отраслей экономики Севера Западной Сибири (охота, рыболовство, оленеводство).

---

⁶⁴ Реймерс Н. Ф. Охрана природы и окружающей человека среды : словарь-справочник. М., 1992. С. 228.

Государственная политика использования биологических ресурсов имела многоплановый характер. Она включала в себя следующие компоненты: нормативно-правовой, научно-технический, социальный и экономический.

Для наиболее полного представления о месте и роли государственной политики использования биоресурсов в истории региона необходимо обратиться к концепции экологической истории и энвайронментализма, а также теории модернизации.

Энвайронментализм возник в начале 1960-х гг. в США. Ключевая идея этой концепции заключается в следующем: природа под воздействием технологических достижений общества изменяется многомерно и непредсказуемо. Для того чтобы избежать негативных проявлений своего воздействия на природу, социум должен комплексно подходить к взаимоотношениям с ней.

В работах по энвайронментализму отмечается, что во взаимоотношениях между природой и обществом существует элемент власти. Так, по мнению немецкого экологического историка Й. Радкау, история окружающей среды – это история господства и властных отношений⁶⁵. В процессе становления этого направления можно выделить два периода.

Первый период (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) характеризуется развитием интереса к экологии, проблемам антропогенного воздействия на окружающую среду. Второй период (вторая половина 1970-х – начало 1990-х гг.) связан с выходом экологических проблем на государственный и международный уровень. В целом же энвайронментализм заложил основу для развития большого числа подходов к изучению взаимодействия человека и природы: экофеминизм, экомарксизм и экосоциализм, движение экологической справедливости и т. д.

---

⁶⁵ Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014. С. 31.

Энвайронменталистский подход дает возможность включить в систему анализа взаимоотношений человека и природы элемент государственной власти, выражающийся в проводимой руководством страны экологической политике⁶⁶. Рассмотрение экологической политики в данном контексте позволяет учесть ряд таких факторов, как отсутствие государственных границ для экологических проблем, важность учета региональных особенностей, необходимость привлечения инструментария социальных наук.

Развитие энвайронменталистского направления в исследованиях и его интеграция с историческим знанием привели к возникновению концепции экологической истории. Экологическая история занимается изучением истории взаимодействия человека и природы в историческом прошлом. Она позволяет отойти от антропоцентричной основы истории и сделать природу полноправным участником прошлого. Актуальность данной концепции заключается еще и в том, что в современной исторической реальности наблюдается увеличение числа экологических кризисов как на региональном, так и на глобальном уровне. Необходимо отметить, что большинство причин этих кризисов лежат в прошлом, следовательно, найти пути их решения можно только обратившись к опыту взаимоотношений человека и природы на разных исторических этапах.

Выбранный объект исследования дает нам возможность применения теории модернизации, понимаемой как процесс осмысления новых стандартов «хозяйственного освоения» региона, в рамках которого уделяется особое внимание формированию экологических, природоохранных аспектов индустриального освоения. Она подразумевает рациональный контроль не только над социальным, но и природным окружением человека, осуществление научной революции, расширение прикладных научных

---

⁶⁶ Bredley B. Walters Environmental Politics; Shepard Krech III, J.R. McNeill, Carolyn Merchan - Encyclopedia of World Environmental History. Vol. 1. A-E. New York, 2004. P. 462–465.

исследований, распространение рационального взгляда на жизнь. Это дает возможность понять логику принятия тех или иных решений относительно вопросов осуществления государственной политики использования природных ресурсов, определить стандарты, идеальные модели, которыми руководствовались те или иные акторы данного процесса.

Вторая половина 60-х гг. XX в. для Севера Западной Сибири стала одной из ключевых точек в истории развития региона. На территории, прежде характеризовавшейся низким уровнем промышленного производства и практически полным отсутствием инфраструктуры, в короткие сроки был создан один из мощнейших промышленных комплексов страны. Это приводит к крупномасштабному наступлению человека на природу региона. Географический фактор естественным образом приобретает индустриальные черты. Ключевая роль в этом процессе была отведена государству.

Во-первых, рассматривая государство как общность людей, следует иметь в виду, что одной из его функций является поддержание уровня экономического развития и благосостояния граждан. Во-вторых, при реализации указанных функций государством в той или иной степени используются природные ресурсы. В результате этого процесса окружающая среда становится объектом политического управления, что не только открывает возможности преобразования природы, но и приводит к политизации экологических проблем.

В качестве подтверждения этой точки зрения можно привести высказывание немецкого экологического историка Йоахима Радкау, говорившего о том, что «экологические вопросы использования воды и леса очень рано стали частью большой политики – их брали под свой контроль высшие инстанции. <...> Охрана вод и лесов издавна давала властям возможность управления сверху, именно она породила представление об окружающей среде как общем достоянии, нуждающемся в защите от частной

корысти»⁶⁷. В итоге ситуация складывалась следующим образом: защищая природу от частнособственнических интересов, аргументируя это тем, что государство может лучше сохранить окружающую среду, властные структуры монополизировали право на широкое использование природных ресурсов.

В действительности же до определенного уровня ухудшения экологической обстановки государством игнорировались проблемы природы. Кроме того, «крайне редко администрации проявляли внимание к окружающей среде бескорыстно, обычно они это делали для интенсификации пользования»⁶⁸. Таким образом, «природа» в государственном понимании выступала лишь «элементом стратегий роста»⁶⁹. Однако, чтобы включить в оборот новый тип ресурсов или повысить эффективность от уже используемого, необходимо усовершенствовать существующие технологии. Это находит отражение в модернизации природопользования, которое включает в себя использование любых природных ресурсов как минеральных, так и биологических.

Подобный модернизационный подход несет в себе во многом негативный характер. В особенности, если он связан с принятием решений, основанных только на экономической составляющей, без учета возможных экологических и культурных последствий. Подтверждение данного тезиса можно найти в исследовании американского экологического историка Пола Джозефсона, который в своей работе «Industrialized Nature» отмечал, что «в результате промышленного преобразования традиционного природопользования коренных малочисленных народов Сибири «партийные работники сообщали о создании «индустриализованной охоты и автоматизации рыболовства». Однако в действительности все эти модернизационные усилия были лишь инструментом реализации принятых

---

⁶⁷ Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014. С. 122.

⁶⁸ Радкау Й. Указ. соч. С. 122.

⁶⁹ Там же. С. 253.

политических решений, основанных на определенном уровне технического оснащения, в итоге ставших причиной бесповоротного изменения традиционного образа жизни коренных народов»⁷⁰.

В особенности это касается индустриального подхода к освоению ресурсов. Стремясь извлечь максимальную прибыль от использования того или иного вида биологических ресурсов, государство принимает меры, направленные на модернизацию данной системы. Новый подход заключается в переходе от разрозненных хозяйств к централизованной системе получения ресурса, а также совершенствовании технологического процесса и т. д.

Создание крупных индустриальных объектов в регионах, чья экономика до их появления основывалась на традиционном способе организации хозяйства, привносит в их вектор развития модернизационные черты, связанные с комплексным преобразованием всего региона⁷¹. Это позволяет эффективней преодолевать ограниченность биологических ресурсов путем совершенствования технологий добычи, процесса переработки полученного сырья, а также лучшей организации промысла.

С другой стороны, модернизация традиционного природопользования, как правило, приводит к разрушению исторически сложившихся взаимоотношений между человеком и природой. Кроме того, стремление получить максимальную прибыль и возможное несовершенство правовых механизмов часто влечет за собой пренебрежение принципами рационального отношения к природе. Так, на заседании первой конференции Тюменской промышленной областной партийной организации в январе 1963 г. начальник Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье, говоря об открытии газовых месторождений на Тазовском полуострове, отмечал, что «Можно радоваться открытию Тазовского газа с многомиллиардными запасами <...>, но нельзя не огорчаться тем, что это открытие

---

⁷⁰ Josephson Paul R. Industrialized nature. Washington, 2002 . С. 154.

⁷¹ Josephson Paul R. Указ. соч. С. 131.

сопровождалось произвольным фонтанированием, приведшим к большому ущербу как в денежном отношении, так и, главное, в том, что на целый год задержалась оценка этого открытия»⁷². В результате становится очевидным, что для государства в первую очередь были важны объемы обнаруженных природных ресурсов, а также возможность их максимального быстрого получения, невзирая на экологические последствия.

В рамках рассматриваемой проблемы, в качестве базовой модернизационной парадигмы нами выбрана концепция парциальной или частичной модернизации, предложенная Д. Рюшемейром. Согласно данной теории, «во многих обществах модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом настоящего исследования. Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур»⁷³.

По сути дела, модернизация северных и восточных территорий страны во второй половине XX в. стала составной частью процесса внутренней колонизации региона, который советское руководство проводило под антиколониальными лозунгами⁷⁴.

---

⁷² ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

⁷³ Цит. по: Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение; под ред. Л. И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8. С. 153.

⁷⁴ Более подробно о культурных и социальных аспектах внутренней колонизации России см. сб. статей: Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей; под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М., 2012.

Применяя данную концепцию к теме исследования, можно говорить о том, что она позволила учесть объективные и субъективные факторы развития государственной политики в области использования биологических ресурсов в регионе в рассматриваемый период.

Используемый методологический инструментарий определил выбор методов исследования. Учитывая существующую в современной историографии систему принципов и методов познания, были выбраны основополагающие принципы осмысления исторического прошлого: целостности и историзма.

Применение принципа историзма при изучении использования биологических ресурсов в регионе позволяет рассмотреть особенности функционирования объекта исследования с учетом временного фактора, включающего в себя последовательную смену исторических событий и явлений.

Принцип системности позволил дать комплексную характеристику изучаемым событиям, что способствовало анализу всей совокупности модернизационных процессов в рамках изучаемой проблемы.

В исследовании применялись такие методы познания, как историко-генетический, проблемно-хронологический, историко-типологический, сравнительно-исторический.

Историко-генетический метод позволил последовательно раскрыть основные особенности изменения изучаемой исторической реальности. Также привлечение генетического метода способствовало установлению причинно-следственных связей, определению особенностей исторического развития изучаемого объекта исследования.

Проблемно-хронологический метод дал возможность разделить обширные темы на ряд проблем, которые изучаются в хронологическом порядке. Тем самым не только формируется точная картина происходившего, но и обеспечивается комплексный подход к изучаемой проблеме исследования.

С помощью сравнительно-исторического метода были соотнесены особенности в использовании биологических ресурсов на северных территориях в контексте развития нефтегазовой отрасли. Сравнение роли биологических ресурсов в социально-экономической среде на разных исторических этапах позволило создать полное представление об их значимости для экономики региона.

Научно-теоретическая основа, взятая в качестве основополагающей, а также совокупность использовавшихся методологических принципов и методов исследования позволили реконструировать государственную политику использования биологических ресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине XX в.

Выбор **источников** продиктован целью и основными задачами диссертационного исследования.

Для анализа государственной политики использования биологических ресурсов в том или ином регионе в первую очередь необходимо обратиться к обзору документов государственных учреждений, задействованных в обеспечении реализации принципов охраны природы и рационального природопользования, как на общегосударственном, так и региональном уровнях.

Классификация документов позволяет выделить пять групп источников, необходимых при изучении использования биологических ресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине XX века: законодательные акты, делопроизводственная документация, статистическая информация, периодическая печать, источники личного происхождения.

В первую группу входят **законодательные и иные нормативно-правовые документы**. В исследуемый период высшая законодательная власть осуществлялась Верховным Советом СССР, Верховным Советом РСФСР. Важно отметить, что, несмотря на формальное разграничение властных полномочий между ветвями власти и иерархией правовых норм,

закрепленных Конституцией СССР 1977⁷⁵ и Конституцией РСФСР 1978 гг.⁷⁶, для советского законодательства стало характерным размывание четких границ между законами и подзаконными актами. Большое распространение приобрела практика расширительного толкования законов, вплоть до понимания под ними в 1960–1970-е гг. любых нормативных актов.

Особую группу источников по истории советского периода составляли совместные постановления КПСС и правительства. Они были призваны подкрепить партийные директивы государственными решениями⁷⁷. Этот вид источника дает возможность определить приоритеты государственной политики и принципы их реализации, т. е. понимание того, «как должно быть». В целом необходимо отметить важную роль документов КПСС. Коммунистическая партия была единственной правящей политической силой. Решения ее высших органов (съездов, конференций, пленумов ЦК) лежали в основе законодательной и политической деятельности государства. В партийных документах отражались все принципиальные вопросы жизнедеятельности общества – это развитие народного хозяйства, национальная политика, идеология и т. д.

Конституция СССР 1977 г., а также законы «Об охране природы в РСФСР» от 27.10.1960 г. и СССР «Об охране и использовании животного мира» от 25.06.1980 г. обладают высшей юридической силой и являются документами, регламентирующими основные принципы охраны ресурсов в стране.

---

⁷⁵ Конституция СССР 1977 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения : 15.02.2016).

⁷⁶ Конституция РСФСР 1978 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/. (дата обращения : 20.02.2016).

⁷⁷ Об охране окружающей среды : сб. док-тов партии и правительства (1917–1985). М. : Политиздат, 1986. 230 с.; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1975. 720 с.; XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1–2; Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков ; под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. М., 1967–1988. Т. 1–16; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 517, 518.

Данная группа также включает в себя постановления Совета Министров СССР: постановление Совмина СССР от 11.05.1959 № 478 «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства», постановление Совмина СССР от 22.04.1960 № 425 «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР», постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20.07.1960 № 784 «О промысловой кооперации», постановление Совмина СССР от 04.10.1960 № 1060 «О мерах по увеличению заготовок пушнины и каракуля для производства пушно-меховых изделий и для экспорта», постановление Совмина РСФСР от 23.12.1960 № 1924 «О мерах по увеличению заготовок пушнины для производства пушно-меховых изделий и для экспорта», постановление Совмина СССР от 10.12.1965 № 1060 «О внесении изменений в Положение об охране рыбных запасов и о регулировании рыболовства в водоемах СССР», постановление Совмина СССР от 10.12.1969 № 940 «О мерах по усилению охраны рыбных запасов в водоемах СССР», постановление Совмина СССР от 18.07.1972 № 529 «О некоторых мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты», постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 29.12.1972 № 898 «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов». Эти документы регулировали деятельность в области охраны и использования биологических ресурсов на общегосударственном и региональном уровнях.

На основе анализа законодательных документов становится возможным определить основные направления государственной политики в области использования биологических ресурсов.

Вторая группа источников представлена *делопроизводственной документацией* органов власти. Важность делопроизводственных документов данной группы заключается в том, что они фиксируют одну из функций аппарата – управленческую. Без анализа этого вида документов невозможно определить механизмы реализации государственной политики. В XX в. значительно увеличивается объем делопроизводственной

документации, существенно возрастает ее роль в отражении всех аспектов жизнедеятельности общества. Также особую практическую ценность несут документы региональных (областные, окружные, районные и городские) комитетов КПСС, так как именно обкомы, окружкомы, райкомы и горкомы реально руководили на местах. Отличительной чертой делопроизводства партийной бюрократии была особая секретность. Принцип конспирации был на вооружении КПСС весь период ее существования.

Например, на всех изданных постановлениях Сургутских районных и городских партийных конференций о работе районного и городского комитета КПСС стоит гриф «Секретно»⁷⁸. Каждый изданный экземпляр имеет номер. Важная особенность государственного делопроизводства советского периода – искусственная разорванность информационной базы. В результате одна, менее значительная, часть управленческих функций отражается в документах общего делопроизводства. Другая, наиболее важная, дающая ключ к пониманию механизма принятия решений, фиксируется в секретных документах.

Вторая группа источников также включает в себя организационно-распорядительную, отчетную, плановую документацию надзорных и управленческих ведомств. В данную группу также включены отчеты о деятельности природоохранных организаций: Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийской районной государственной инспекции по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства, а также отчеты о деятельности Нижнеобского бассейнового управления Нижнеобьрыбвод.

Данная группа источников позволяет проследить взаимосвязь, а также степень эффективности деятельности предприятий, занимающихся

---

⁷⁸ Архивный отдел администрации г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

заготовкой биологических ресурсов в регионе, проанализировать реализацию постановлений на местах.

К третьей группе источников относятся *статистические данные* о деятельности организаций, непосредственно связанных с освоением биологических ресурсов Севера Западной Сибири. В нее входят статистические показатели эффективности охотхозяйств, оленеводческих хозяйств, зверпрохозов, промысловой кооперации и организаций, занимающихся заготовкой рыбы. Данная группа источников дает нам возможность проанализировать деятельность вышеуказанных организаций, а также определить тенденции развития промысловых форм хозяйствования, основываясь на количественных показателях⁷⁹.

К четвертой группе источников относятся материалы *периодической печати*, связанные с различными аспектами деятельности промысловых организаций, предприятий рыбной промышленности, опубликованные в средствах массовой информации, в первую очередь в профессиональных отраслевых журналах.

Особую значимость представляют журналы Министерства сельского хозяйства СССР и Министерства рыбной промышленности: «Охота и охотничье хозяйство» (1956-1985 гг.), «Рыбоводство и рыболовство» (1958-1984 гг.).

Для советской печати характерным было наличие цензуры, на страницах журналов и газет транслировались государственные задачи, достижение которых объявлялось делом всего советского народа. Советская периодическая печать стремилась показать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть, согласно официально выбранным приоритетам развития общества. Поэтому важно изучать не только то, о чем

---

⁷⁹ Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970). Статистика. ЦСУ РСФСР Статистическое управление Тюменской области. Омск, 1971; Народное хозяйство РСФСР : ежегодник. 1956–1986.

писали газеты и журналы, но и попытаться понять и определить то, о чем газеты не писали, а также почему они об этом не писали.

Вопросы, связанные с загрязнением окружающей природной среды в ходе промышленного освоения природных ресурсов, зачастую умалчивались. При этом о методах государственной экологической политики можно судить по отсутствию в печати информации об экологических последствиях промышленного развития в комплексе с архивными документами.

Особый интерес в данном случае представляют собой публикации в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Кроме публикаций писем и заметок простых охотников, егерей, лесников, в журнале представлены материалы специалистов в области охотничьего хозяйства. Данные публикации отражают взгляд специалистов на проблемы развития отрасли. Анализ этих работ позволяет соотнести отношение государства и профессионального сообщества к проблемам использования биологических ресурсов.

Пятая группа представлена *источниками личного происхождения*. Авторами воспоминаний, дневников являются непосредственные участники событий: ученые (биологи, этнографы), производственники (геологи, нефтяники, газовики), партийные руководители. Этот вид источников позволяет проследить взгляд «квалифицированных» очевидцев на происходящие события, определить отношение авторов к экологическим проблемам, уровень их экологического сознания, а также степень саморефлексии при принятии и реализации тех или иных решений.

Прежде всего следует отметить полевые дневники этнографа З. П. Соколовой⁸⁰ и воспоминания биолога-охотоведа, специалиста по заповедному делу Ф. Р. Штильмарка⁸¹. Имея богатый опыт полевых исследований, а также четкое представление о жизни коренных народов и особенностях функционирования природоохранных организаций, их

---

⁸⁰Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах: Полевые материалы, докладные записки и отчеты. М., 2015. 990 с.

⁸¹Штильмарк Ф. Р. Отчет о пережитом. М., 2006. 527 с.

воспоминания позволяют проследить те изменения, которые происходили с традиционными формами хозяйствования под воздействием масштабной индустриализации Сибирского Севера.

Воспоминания партийных и советских руководителей – Б. Е. Щербины, Г. П. Богомякова, Е. К. Лигачева – тех, кто занимал высшие руководящие посты в главных управлениях, связанных с деятельностью ЗСНГК, во многом несут на себе печать времени и часто противоречат друг другу, но содержат полезную и интересную информацию.

Воспоминания создателей ЗСНГК – Н. К. Байбакова, В. И. Муравленко, Ф. К. Салманова, Ю. Г. Эрвье – собраны в ряде сборников: «Нефтяная эпопея Западной Сибири», «Главтюменьнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях», «Соратники: поколение Виктора Муравленко» и др.⁸².

Таким образом, исследование базируется на комплексном анализе законодательных и делопроизводственных документов. Именно они отражают подходы государства к использованию биоресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине XX в. и степень их реализации на местах, сформулировать качественные характеристики данного процесса (исторические условия, основные направления, наличие или отсутствие реально действующих механизмов реализации государственной политики и т. д.).

Статистика дает возможность определить тенденции развития традиционных отраслей северного хозяйства в контексте количественных

---

⁸²Байбаков Н. К. Дело жизни. Записки нефтяника. М., 1984. 420 с.; *Его же*. Сорок лет в правительстве. М., 1993. 350 с.; *Его же*. Большая нефть Тюмени. Свердловск, 1965. 220 с.; Нефтяная эпопея Западной Сибири / под ред. М. М. Крол. М., 1995. 220 с.; Великопольский С. Д. Чудо XX века: книга воспоминаний. Тюмень, 2002. 238 с.; Соратники: Поколение Виктора Муравленко / сост.: С. Великопольский и Ю. Переpletкин. Тюмень, 2002. 504 с.; Главтюменьнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях / сост.: С. Д. Великопольский и Ю. Переpletкин. Тюмень, 2005. 632 с.; Муравленко В. И. Нефтяной гигант Сибири. Свердловск, 1966. 589 с.; Салманов Ф. К. Сибирь – судьба моя. М., 1988. 318 с.; Салманов Ф. К. Жизнь как открытие. М., 2003. 638 с.; Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968. 549 с.

характеристик (объемы производства, финансовые показатели деятельности отраслей, место в региональной системе производства и т. д.).

Периодическая печать, в частности отраслевые, специализированные журналы, являются источником конкретного фактического материала по различным вопросам планирования и реализации государственной политики использования биоресурсов на Севере Западной Сибири и сопредельных территориях, существенно дополняющего комплекс законодательных и делопроизводственных документов.

Мемуары, воспоминания и дневники являются дополнительными источниками, ценность которых заключается в наличии личностных характеристик происходящих с очевидцами событий.

Подводя итоги, отметим, что источниковая база исследования, состоящая из взаимосвязанного комплекса законодательных и делопроизводственных документов, статистических данных, периодической печати и источников личного происхождения, дает возможность всестороннего анализа государственной политики использования биологических ресурсов на Севере Западной Сибири в рассматриваемый период.

Научная новизна состоит в том, что впервые с позиций экологической истории произведен комплексный анализ развития государственной политики по освоению биологических ресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. Выделены основные направления государственной политики в отношении традиционного северного промыслового хозяйства, звероводства и рыбной промышленности. В работе раскрыт механизм реализации государственной политики по освоению биологических ресурсов Севера Западной Сибири, установлены причины, сдерживающие развитие традиционных отраслей северного хозяйства. В научный оборот введены ранее неопубликованные источники, позволяющие раскрыть особенности деятельности промысловых и рыбозаготовительных организаций в условиях комплексного

преобразования окружающей среды на Севере Западной Сибири в рассматриваемый период.

Теоретическая значимость работы определяется расширением предмета исследований по истории Севера Западной Сибири за счет изучения биологического контекста и его влияния на человеческое общество. Получено новое историческое знание о проблемах взаимодействия общества и природы в индустриальную эпоху.

Практическая значимость данного научного исследования заключается в том, что представленные результаты могут быть использованы при создании обобщающих работ, посвященных экологической истории России, Сибири, а также при разработке учебно-методических пособий, спецкурсов и семинаров для студентов высших учебных заведений.

Положения, выносимые на защиту:

1. На самом высоком государственном уровне подчеркивалась необходимость обеспечения благоприятного сочетания индустриального освоения природных ресурсов Севера с охраной природы и традиционным северным промысловым хозяйством, основанном на использовании биоресурсов. В реальности же за весь рассматриваемый период для промышленного освоения Севера и сохранения природной среды, необходимой для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, не было разработано государственных программ, необходимых законов и механизмов.
2. Колоссальные ресурсные возможности рыболовства, пушной охоты и оленеводства «коренным» образом не изменили малоперспективный для государства экономический статус региона. Это смогли сделать только нефть и газ. Их освоение стало первоочередной задачей центральных, региональных и местных партийных и хозяйственных властей в рассматриваемый период. Традиционные отрасли хозяйства – рыболовство, охота и оленеводство при всех «декларациях» о значимости

и важности в их адрес объективно оказывались на периферии государственных интересов.

3. Государственная политика освоения природных ресурсов, в том числе биологических, в которой экономически «целесообразным» могло быть только крупное и коллективное хозяйство, неизбежно делало убыточным традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера в системе советской плановой экономики.
4. Научная и научно-практическая деятельность по изучению биологических ресурсов заключалась в обосновании интенсификации традиционных отраслей по трем основным направлениям: проведение промысла в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре.
5. Во второй половине XX в. ухудшение качества окружающей среды приводило к принятию многочисленных решений «партии и правительства» об усилении природоохранных мероприятий, но они очень мало влияли на практическое природопользование в регионе. Природоохранное законодательство существовало на бумаге. Эффективное его использование тормозилось отсутствием реально действующих механизмов воздействия на нарушителей, в первую очередь, финансовых и правовых механизмов.
6. Государственная политика по освоению биологических ресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. стала составной частью процесса внутренней колонизации региона, которую советское руководство проводило под антиколониальными лозунгами.

Апробация исследования. Основные положения и результаты данного исследования изложены в 17 основных публикациях. Три статьи опубликованы в журналах, входящих в перечень рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки

Российской Федерации. Основные выводы исследовательской работы нашли отражение в докладах на научных конференциях международного, всероссийского уровней.

Промежуточные результаты исследования были апробированы на международных конференциях: «Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований» (г. Елабуга, 2014), XI Конгресс антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 2015), «The natural resources, landscapes and climate in history of Russia and neighbor countries» (г. Санкт-Петербург, 2015), XXVIII Международная научная конференция к 95-летию со дня рождения Е. И. Каменцевой «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» (г. Москва, 2016); всероссийских конференциях: «Эколого-экономическая эффективность природопользования на современном этапе развития Западной Сибири» (г. Омск, 2014), «Экология и природопользование в Югре» (г. Сургут, 2014), «Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направления исследований» (г. Сургут, 2015); «Россия и мир: история и современность» (г. Сургут, 2014, 2015, 2016).

Структура исследования.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы. В каждой главе отражены определенные задачи, раскрываются объект и предмет исследования, достигается поставленная цель. Основные выводы работы представлены в заключении.

Глава 1. Научное изучение, охрана и правовое регулирование рационального использования биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

1.1. Становление и развитие научных исследований в сфере изучения биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

Освоение Севера во второй половине XX в. являлось важной социально-экономической задачей. С 1960-х гг. затраты на освоение Севера удваивались каждые семь-восемь лет. По данным СОПСа, только за период 1960–1975 гг. при Госплане СССР капиталовложения в хозяйство северных территорий значительно превысили их объем за весь предшествующий более чем сорокалетний период⁸³. В первую очередь это было связано с развитием добычи нефти и газа на Севере Западной Сибири. За период с 1965 по 1980 гг. объем капитальных вложений в развитие ЗСНГК превысил 55 млрд. рублей⁸⁴.

Это обстоятельство объективно отодвигало в тень экономического развития оленеводческо-промысловое хозяйство коренных народов Севера и традиционные отрасли экономики: охоту и рыболовство. Тем не менее в официальных документах партии и правительства, научных публикациях подчеркивалось большое народно-хозяйственное значение освоения биологических ресурсов Севера СССР. Отмечалось, что традиционные отрасли: охота, рыболовство, оленеводство, «созданные в далеком историческом прошлом, до наших дней сохраняют большое значение в экономике коренных народов Севера, а также в создании местной

---

⁸³ Ракита С. А. Природа и хозяйственное освоение Севера. М., 1983. С. 5.

⁸⁴ Бudyков С. Т. Социально-экономические аспекты формирования Западносибирского территориально-производственного комплекса // Человек на Севере: тез. обл. науч.-практ. конф. Тюмень, 1988. Ч. 1. С. 3.

продовольственной базы для растущего населения в связи широкой индустриализацией Севера»⁸⁵.

Проблема использования природных биологических ресурсов Севера рассматривалась в контексте коренного улучшения ведения промысловых отраслей хозяйства. В решениях съездов КПСС, других официальных документах подчеркивалась необходимость планирования народного хозяйства и руководства хозяйственными процессами на строго научных основах⁸⁶.

Таким образом, научно-техническому компоненту государственной политики использования биоресурсов на Севере Западной Сибири придавалось большое значение.

В связи с этим в рамках политики по освоению ресурсов Севера Западной Сибири сложилось несколько дискуссионных проблем. Первая из них была связана с концепцией создания на территории Обского Севера территориально-промышленных комплексов. При этом стоит сказать, что проблема ТПК была во многом связана с существовавшим внутренним административным устройством СССР.

Процесс формирования административно-территориальных границ СССР имел ряд своих особенностей. Он носил «маятниковый характер», поскольку, рассматривая данный вопрос в рамках исторического развития, можно заметить, что количество и размер внутренних субъектов СССР постоянно менялись. Так, в период 1920-х гг. доминировала тенденция к укрупнению субъектов РСФСР. Административно-территориальные единицы формировались в рамках бывших губерний Российской империи. Таким образом, был запущен процесс укрупнения регионов. В 1940-е гг. начался обратный процесс разукрупнения административно-территориальных единиц. Например, была создана Тюменская область, сократилась территория

---

⁸⁵ Удачин Д., Смирняков Ю. Вклад государственных промхозов // Охота и охотничье хозяйство. 1971. № 10. С. 15.

⁸⁶ Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР / Проблемы Севера. М., 1968. Вып. 13. С. 18.

Свердловской и Омской областей.

С одной стороны, такой подход позволял упростить проблему управления, поскольку сохранялась система, существовавшая в царской России. С другой стороны, такое решение в будущем могло стать серьезной проблемой, так как учет производственных и ресурсных возможностей региона, а также управление и координация деятельности нижестоящих органов власти могли быть серьезно затруднены.

По мнению С. А. Тархова, данный процесс был обусловлен тем, что «укрупнение ячеек АТД всех звеньев иерархии отвечало духу времени: идеям переустройства общества сверху донизу, выравнивания уровней развития всех районов и окраин, громадьё хозяйственных планов»⁸⁷.

Создание Тюменской области в 1944 г. из части территорий Омской, Курганской и Свердловской областей означало не только изменение системы территориального устройства, но и общерегиональной государственной политики.

Происходит повышение роли этнополитического компонента в государственной политике. Вновь создаются национальные автономии ранее репрессированных народов, за исключением АССР Поволжских немцев.

Впоследствии в рамках новой Конституции СССР 1977 г. существовавшие в СССР национальные округа получили статус автономии и были преобразованы в национальные автономные округа. Следует отметить и тот факт, что данное решение было во многом принято под влиянием Хельсинской конференции 1975 г., которая обязывала советское руководство расширить права граждан внутри страны. Таким образом, система двухуровневого управления была сформирована в ряде регионов страны, в том числе и в Тюменской области.

Анализируя общую политику в области изменения административно-

---

⁸⁷Тархов С. А. Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России. Регионализация и развитие России: географические процессы и проблемы / под ред. А. И. Трейвиша, С. С. Артоболевского. М., 2001. С. 200.

территориальных границ, стоит отметить, что основной движущей силой данных преобразований в основном были политические мотивы. Данное утверждение применимо к советскому периоду в целом, когда в стране наблюдалась тенденция то к укрупнению территориальных единиц, созданию больших и экономически самостоятельных единиц, то разукрупнению территориальных единиц.

Говоря об основных моментах государственной политики в области административно-территориального деления, необходимо подчеркнуть, что она во многом носила «маятниковый характер». Процесс изменения административных границ был искусственен по своей сути, несмотря на то, что в основу разделения закладывался принцип экономической эффективности и необходимости учета национального состава внутренних субъектов. Создание дополнительных субъектов внутри СССР основывалось не на экономических расчетах, а на политических представлениях.

Особую роль в данном контексте сыграл и фактор научного обоснования процессов индустриализации рассматриваемого региона, который нашел свое отражение в дискуссии о создании Западно-Сибирского территориально-промышленного комплекса.

Итак, проблема развития северных регионов РСФСР назрела в первые послевоенные десятилетия, поскольку для восстановления экономики страны требовались мощные ресурсы. Одним из первых регионов, который подвергся «новой волне» освоения, стал Север Западной Сибири. Смысл выделения данной самостоятельной экономико-географической единицы в качестве особой территории заключался в том, что это предусматривало применение комплексного и сбалансированного подхода к экономическому управлению рассматриваемого региона, а также учета его специфики. Так, по замечанию С. В. Славина, «освоение новых районов в нашей стране выступает также как одно из основных звеньев в решении задачи рационального размещения производительных сил. Вся история индустриализации СССР является в то же время историей освоения новых

районов»⁸⁸.

Уникальность этого региона заключалась не только в суровых природно-климатических условиях, но и в значительном разнообразии природных ресурсов. Здесь уже существовали отдельные «очаги» промышленности в виде лесхозов, занимавшихся заготовкой древесины, и заводов по переработке рыбы, а также разбросанная и слабоорганизованная система промыслов. Кроме того, в северных условиях «необходимые затраты общественного труда в 3–5 раз больше, чем на освоенных территориях»⁸⁹. Помимо значительных затрат, ситуация усложнялась и предполагаемой площадью индустриального освоения. В рамках формируемого Западно-Сибирского территориально-промышленного комплекса 90 % этой территории приходилось на Север Западной Сибири или Обской Север, в состав которого входил Ямало-Ненецкий национальный округ площадью 750,3 тыс. кв. км и Ханты-Мансийский национальный округ площадью 523 тыс. кв. км⁹⁰.

В связи с этим для дальнейшего развития региона требовались не только материальные ресурсы, но и наличие определенной концепции развития. Впервые вопрос о комплексном развитии северных территорий был поднят в 1950-е гг.

В 1954 г. с целью координации научно-исследовательских работ из представителей академических, отраслевых и проектных институтов была создана Комиссия по проблемам Севера при Президиуме АН СССР, получившая в 1960 г. статус Межведомственной комиссии по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР под руководством академика Н. Н. Некрасова⁹¹.

---

⁸⁸ Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза. М., 1982. С. 31.

⁸⁹ Лузин Г. П., Рамета С. В. Север СССР как объект управления и планирования (природно-климатические особенности). Апатиты, 1989. С. 8.

⁹⁰ Славин С. В. Освоение Севера. М., 1975. С. 149.

⁹¹ Харитоновна В. Н. Экономические исследования проблем Севера: от плановой экономики к рыночной // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 286.

Ее главной задачей стала разработка теоретического и практического подхода к освоению северных районов. Также к числу основных задач деятельности данной комиссии относилась выработка такого подхода к освоению, который позволял бы не только поставлять необходимые ресурсы, но и трансформировать экономику регионов, чтобы она могла быть полностью самодостаточной.

Следующим шагом в развитии научных подходов к освоению Севера стал период 1970–1980-х гг., когда Сибирским отделением АН СССР была предложена научно-техническая программа «Сибирь». Главная цель данной программы – решение стратегических экономических и социальных проблем Сибири на основе фундаментальных научно-прикладных исследований комплексного освоения природных ресурсов⁹². К ее разработке были привлечены различные НИИ СО АН СССР, отраслевые проектные институты Сибири, СО ВАСХНИЛ, СО АМН СССР, а также крупные университеты Западной Сибири.

Углублению научных изысканий способствовала созданная под руководством А. Г. Гранберга и А. М. Позднякова в период с 1987 по 1990 гг. «Комплексная программа научно-технического прогресса в зоне Севера на период до 2015 года»⁹³. В этом докладе приводилась оценка не только проблем отрицательной динамики эффективности экономики Севера, но и увеличения экологической напряженности в северных регионах.

При этом в рамках научных дискуссий, посвященных дальнейшей модели по комплексному использованию природных ресурсов Западной Сибири, свое развитие получили две основные концепции.

Сторонники одного из подходов предлагали комплексное развитие ресурсов Западной Сибири с дальнейшим их использованием в других регионах. Так, энергию рек планировалось использовать для энергоснабжения предприятий Урала, а сами водные ресурсы направить на

---

⁹² Харитонова В. Н. Указ. соч. С. 286.

⁹³ Там же. С. 290.

орошение засушливых районов Средней Азии⁹⁴. Ключевой идеей данного проекта стало бы создание крупных ГЭС на реках Иртыш и Обь с обширными водохранилищами. При этом под затопление попали бы огромные площади земли. Это привело бы к негативным последствиям для сельского хозяйства и промысловой фауны региона.

Так, реализация проекта по созданию Нижне-Обской ГЭС в районе Салехарда привела бы, по свидетельству Д. Я. Арманда, к затоплению «от 5 до 10 млн. га земли»⁹⁵. При этом пришлось бы переселить население нижних и средних долин Оби и Иртыша, включая все местное коренное население⁹⁶. Изменениям подверглась бы и окружающая среда, и климат данной территории по причине изменения микроклиматических характеристик⁹⁷.

Вторая концепция заключалась в комплексном развитии самой территории за счет разностороннего использования ее природных ресурсов – недр, энергии рек, лесных и земельных фондов, пастбищ и торфяников, рыб и промысловой фауны⁹⁸. Причем в рамках реализации решения XXIII съезда КПСС планировалось расширение сети нефте- и газопроводов; строительство нефтехимического комплекса; создание новой транспортной инфраструктуры, а также поднятие производительности рыбного и пушного промысла⁹⁹.

Одним из основных подходов к комплексному развитию северных территорий стала разработанная советским ученым-экономистом Н. Н. Колосовским концепция создания территориально-производственных комплексов (*далее* – ТПК). Смысл создания ТПК заключался в организации сочетания предприятий и производств с учетом природных и экономических особенностей, транспортного и географического расположения региона.

---

⁹⁴ Герасимов И. П. Преобразование природы и развитие географических идей. М., 1967. С. 33.

⁹⁵ Арманд Д. Я. Нам и внукам. М., 1966. С. 81.

⁹⁶ Там же. С. 81.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Герасимов И. П. Указ. соч.

⁹⁹ Там же.

Предполагалось создать целую систему ТПК на территории СССР. В качестве базовой технологической основы планировалось использовать производственные объединения первичного характера.

Низовым звеном такой концепции должны были стать простые производственные объединения (*далее* – ППО) и артели. Предполагалось, что данные экономические единицы получат распространение в районах с преобладанием промысловых форм хозяйствования. Во многом это относится и к Северу Западной Сибири, где значительную долю составляли охотничьи хозяйства, а также рыболовецкие артели, являвшиеся основой экономического развития Севера Западной Сибири.

На самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и освоению ресурсов региона: «... проблемы развития народного хозяйства этого района не могут быть решены без широкого комплексного изучения его природных условий и ресурсов, с целью определения его основных направлений и разработки взаимно увязанных схем их освоения и хозяйственного строительства. Изолированное (или с недостаточным учетом интересов комплекса), рассмотрение вопросов использования отдельных видов ресурсов Обского Севера может привести к необоснованным с народнохозяйственной точки зрения решениям и нанести серьезный ущерб экономике страны»¹⁰⁰.

Тем не менее поиск оптимальной концепции освоения северных территорий явно смещался к индустриальному развитию северных регионов на основе добычи минеральных сырьевых ресурсов. Ряд таких ученых, как Н. Н. Баранский, В. С. Немчинов, Н. Н. Некрасов, А. Е. Пробст, Р. И. Шнипер, А. Г. Гранберг¹⁰¹ в своих работах вели дискуссии в рамках рассмотрения следующих задач:

---

¹⁰⁰ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 38.

¹⁰¹ Немчинов В. С. Перспективы развития производительных сил Сибири и Урала // Плановое хозяйство. М., 1956; Гранберг А. Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. М., 1973; Пробст А. Е. Размещение социалистической промышленности. Москва, 1962.

- изучение закономерности, принципов и факторов размещения производства;
- вопросы экономического районирования;
- методы планирования и регулирования территориального развития.

Необходимо отметить, что создание такого мощного промышленного объекта, как ЗСНГК было осуществлено по результатам работ данных ученых-регионалистов. В дальнейшем в систему экономического районирования были включены следующие принципы:

- 1) экономический;
- 2) энергетический;
- 3) комплексного развития хозяйства;
- 4) специализации с учетом территориального разделения труда;
- 5) перспективности;
- 6) тяготения к ядрам – промышленным центрам;
- 7) национальный.

Вместе с тем, по справедливому замечанию С. В. Славина, «освоение природных богатств в районах Севера экономически целесообразно тогда:

когда, несмотря на специфические для Севера удорожающие факторы, ценные качества данного вида природных богатств (более высокий процент содержания металла в рудах и россыпях, повышенный дебит скважин нефти и газа, лучшие условия залегания) обеспечивают более высокую или по крайней мере такую же производительность общественного труда, как и в обжитых районах;

когда освоение производится в силу необходимости, которая определяется потребностями народного хозяйства страны»¹⁰².

Как следует из вышесказанного, основной упор при создании Западно-Сибирского ТПК делался на энергетический эффект, а также комплексный подход к использованию ресурсов. Во многом такая парадигма в системе

---

¹⁰² Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза. М., 1982. С. 41.

экономического районирования и дала толчок для развития многих региональных экономик в РСФСР. В особенности данный подход стимулировал развитие северных регионов, экономика которых была основана на традиционных формах хозяйствования.

В данном случае мы можем говорить о формировании региональной экономической политики, основная цель которой заключается в «рационально-территориально-отраслевой организации хозяйственной деятельности в регионе: размещении объектов основного производства, переработке сырья, транспорта, стройиндустрии, энергетики, ремонта и социальной инфраструктуры»¹⁰³. Также следует отметить, что основными акторами в данном контексте должны были стать отраслевые ведомства и органы исполнительной власти, поскольку «региональная политика должна проводиться через сложившуюся систему документов территориального планирования»¹⁰⁴.

При анализе целесообразности усиления интенсификации промышленного развития Севера Западной Сибири встала проблема, каким методом осваивать данную территорию. Основные споры в данном случае велись вокруг трех основных подходов: стационарный, вахтовый, вахтово-экспедиционный.

Стационарный метод подразумевал под собой создание постоянно функционирующих поселков в рамках освоения газовых и нефтяных месторождений. В данном случае оказался показателен пример города Надыма, созданного для обустройства Медвежьего газового месторождения на Ямале. Численность строителей, возводивших месторождение, оказалась больше, чем количество эксплуатационного персонала. В связи с последующим оттоком персонала на освоение Уренгойского и Ямбургского месторождений в Надыме возникла серьезная проблема по привлечению в

---

¹⁰³ Лузин Г. П., Рамета С. В. Север СССР как объект управления и планирования (природно-климатические особенности). Апатиты, 1989. С. 10.

¹⁰⁴ Там же. С. 10.

него производственных кадров¹⁰⁵.

Вахтовый метод включал в себя систему «базовый город–вахта», где создавался небольшой вахтовый поселок для обслуживающего персонала. Все большее распространение этого подхода в организации работ на севере привело к тому, что Госкомитетом по труду и социальным вопросам СССР, Секретариатом ВЦСПС при участии Министерства финансов СССР было утверждено «Типовое положение о вахтовом методе организации работ на предприятиях и в организациях нефтяной, газовой и лесной промышленности, строительства, геологоразведки и железнодорожного транспорта»¹⁰⁶. В данном документе устанавливалось, что вахтовый метод работы «применяется при значительном удалении производственных объектов... от места нахождения предприятия. При этом под термином «значительное удаление» принималось расстояние в 500–700 километров.

Вахтово-экспедиционный метод предусматривает межрегиональное использование трудовых ресурсов. В этом случае, как отмечает Д. В. Белорусов, создается комплекс общежитий в системе «базовый город–вахта», в связи с тем, что базовый город находится на удалении в несколько тысяч км¹⁰⁷.

Несмотря на положительные стороны вахтового метода, он обладал и рядом существенных недостатков. Прежде всего это связано с тем, что персонал значительное время находится в пути, поскольку его доставка осуществляется с несколькими пересадками. Кроме того, в тех районах, где отсутствуют аэродромы, но необходима доставка персонала, их создание требует больших затрат¹⁰⁸.

Еще одним недостатком этого метода освоения территории является то, что у перемещаемых масс людей формируется психология «временщика». Им нет необходимости рационально подходить к использованию ресурсов, на

---

¹⁰⁵ Белорусов Д. В. Особенности освоения природных богатств Севера. М., 1983. С. 31.

¹⁰⁶ Там же. С. 33.

¹⁰⁷ Там же. С. 35.

¹⁰⁸ Там же. С. 40.

данной территории они находятся временно, а значит сохранять природу не нужно.

Использование вахтового метода приводило к «колониальному» развитию Севера Западной Сибири. Данный процесс протекал в рамках уже сложившейся модели «ресурсодобывающий Север – перерабатывающий Юг». Добывающий центр складывался в северных областях, а полученное сырье отправлялось в наиболее населенные и развитые южные районы. Так, для переработки поступающего сырья в Тобольске, Омске, Томске и Новосибирске создавался нефтехимический и газоперерабатывающий комплекс¹⁰⁹.

В конечном счете ставка была сделана на вахтовый метод освоения, ранее успешно применяемый при разработке северных регионов Канады. Опыт Канады был взят на вооружение в связи с тем, что там, как и в СССР, активная фаза развития отдаленных северных регионов пришлась на так называемый Дальний Север, включающий в себя Северо-Западные территории, Юкон и Нунавут, расположенные к северу от 60-й параллели¹¹⁰. Используя канадский опыт, межведомственная комиссия пришла к выводу о необходимости привлечения высококвалифицированных кадров.

Следующей ключевой научной проблемой являлось рациональное использование природных ресурсов. Говоря о подходах к изучению природных ресурсов Севера Западной Сибири, необходимо сказать о том, что «длительное время «северная политика» советского государства исходила из учета лишь внутрисоюзных факторов и интересов»¹¹¹. Данный тезис может быть подтвержден целым рядом фактов.

Начавшийся процесс создания ЗСНГК на первых этапах носил во многом хаотичный характер, несмотря на разработанную научными и проектными институтами Госплана СССР «Генеральную схему развития

---

¹⁰⁹ Славин С. В. Освоение Севера. М., 1975. С. 152.

¹¹⁰ Черкасов А. И. Канадский Север: хозяйство, люди, отношения с Россией // География. 2005. № 24. С. 15.

¹¹¹ Развитие производительных сил Севера СССР. Новосибирск, 1991. С. 4.

производительных сил района на период 1970–1980-е гг.»¹¹².

По мнению А. И. Тимошенко, роль научных учреждений, в особенности академических, стала возрастать лишь с конца 1960-х гг., когда уже индустриальный комплекс выходил на проектные показатели¹¹³. Только «с этого времени практически ни одно из хозяйственных решений правительства не обходилось без проведения обстоятельной научной экспертизы»¹¹⁴. Однако здесь возникает закономерный вопрос о том, насколько в Госплане СССР и отраслевых министерствах прислушивались к доводам ученых?

Многие вопросы использования природных биологических ресурсов, интенсификации сельского и промыслового хозяйства Севера в рассматриваемый период были слабо или вовсе не изучены. Недостаточно исследованы были общие теоретические основы сельскохозяйственного и промыслового освоения Крайнего Севера. Несколько лучше были разработаны биологические и особенно геоботанические аспекты этих проблем и совсем слабо – технические и экономические. Отставала также разработка социально-экономических проблем.

Генеральным направлением в освоении биологических ресурсов Севера была признана его интенсификация. Выделяли три основных направления интенсификации: проведение промысла в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре – разведению наземных и водных животных и растений¹¹⁵.

Во второй половине 1950-х гг. в охотоведческой науке сложилось два

---

¹¹² Белорусов Д. В. Западно-Сибирский территориально-производственный комплекс / Проблемы Севера. Вып. 21. М., 1983. С. 76.

¹¹³ Тимошенко А. И. Освоение Сибири: Ключевые решения Российской государственной политики // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 143.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Костяев А.И. Агропромысловые хозяйства Севера. Л., 1986. С. 82.

основных подхода, авторами которых были П. А. Мантейфель и В. Н. Скалон.

В рамках своей концепции П. А. Мантейфель основную ставку делал на проведение биотехнических мероприятий, особенно на интенсивную акклиматизацию промысловых видов из других регионов. Это позволяло бы увеличить плотность пушных зверей в охотничьих угодьях, и тем самым получить дополнительную прибыль большую, чем с обычных угодий.

Его оппонент – В. Н. Скалон – придерживался противоположной точки зрения. Он утверждал, что «охотоведение должно опираться на экономику, а попытки диктовать природе заведомо обречены на провал. Охотустройство не есть точная наука, оно реально, только если опирается на местный опыт»¹¹⁶. В. Н. Скалон настаивал на том, что охотничье хозяйство может быть прибыльным и способно перейти от кустарного промысла к мощному колхозному хозяйству, в особенности в Сибири, где существует значительное количество промысловых видов¹¹⁷.

Ключевой точкой противоречий представителей биотехнического направления П. А. Мантейфеля и сторонников охотохозяйственного производства В. Н. Скалона стал спор о том, в каком направлении должно развиваться охотничье дело в СССР. Если последний придерживался точки зрения о том, что природа самодостаточна и основная задача промысловиков ее сохранять и бережно осваивать, то П. А. Мантейфель настаивал на своего рода «реконструкции промысловой фауны»¹¹⁸. То есть речь шла об активном, целенаправленном воздействии человека на дикую природу с целью увеличения емкости угодий (главным образом их кормовых и защитных свойств) для охотничьих зверей и птиц, находящихся в состоянии естественной свободы. Эти действия по улучшению «качества жизни» диких животных были направлены на выполнение главной задачи – поддержания и

---

¹¹⁶ Штильмарк Ф. Р. Отчет о пережитом. М., 2006. С. 162.

¹¹⁷ Скалон В. Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск, 1957. С. 12.

¹¹⁸ Мантейфель П. А. Спутник Промыслового охотника. М., 1954. С. 10.

повышения биологической и хозяйственной продуктивности угодий¹¹⁹.

В конечном счете на государственном уровне победила точка зрения П. А. Мантейфеля. По свидетельству Ф. Р. Штильмарка, «по всей стране шли акклиматизационные работы, на глазах менялся состав и облик охотничьей фауны»¹²⁰. Причин победы биотехнической точки зрения было несколько.

Во-первых, «балашихская» школа охотоведения, сторонником которой являлся П. А. Мантейфель, была первой школой охотоведения в СССР, созданной еще Б. М. Житковым, имевшей давние традиции.

Во-вторых, немалую роль в этом споре сыграло то, что концепция П. А. Мантейфеля по биотехнии и акклиматизации во многом отвечала «существовавшему преобразовательскому духу времени, пафосу коренного изменения не только социального строя, но и всего мироздания»¹²¹.

В-третьих, имел место и личностный фактор, заключавшийся в том, что Петр Александрович Мантейфель долгое время работал в Балашихе, им была создана кафедра биотехнии. Он смог сплотить вокруг себя учеников и последователей, которые в дальнейшем продвигали идеи биотехнии в науке и на практике. Его самого часто в шутку называли «красным профессором», несмотря на отсутствие докторской степени, что в определенной степени свидетельствовало о его педагогическом таланте.

Однако победившая концепция акклиматизации и биотехнии оказалась в реальности не так эффективна, как это предполагалось. В этом плане показателен пример, приводимый Ф. Р. Штильмарком в своих воспоминаниях: «Еще более наглядный пример авантюризма в обращении с живой природой и ее объектами дал так называемый «уссурийский енот» или, точнее, енотовидная собака, тоже обитатель Дальнего Востока, которого в тридцатых годах стали выпускать в Европейской части СССР. <...> Тем не менее у вольера с этими енотами на ВДНХ я, как полагалось, толковал про

---

¹¹⁹ Львов И. А. Дикая природа: грани управления. Очерки биотехнии. М., 1984. С. 3.

¹²⁰ Штильмарк Ф. Р. Отчет о пережитом. М., 2006. С. 74.

¹²¹ Там же.

успехи в его расселении. Обычно слушали молча, но как-то раз худощавый мужичок-охотник взял меня, что называется, в оборот. Он кричал, перебивая мои объяснения: «Да ведь этих самых собак еотных окаянный Мантейфель, человек-черт, подложил нам, они всю дичь вытравили, а ему еще за это награды дают! Этого профессора надо всех званий лишить и под суд отдать!»¹²².

Активное промышленное освоение территории Севера Западной Сибири, начиная с 1960-х гг., оказывало большое влияние на традиционные отрасли экономики региона, базирующиеся на использовании биоресурсов, в том числе на охотничье хозяйство. В связи с этим остро встал вопрос о рациональном размещении и перспективах развития этих отраслей в новых условиях массивов индустриального освоения.

По поручению Госплана РСФСР Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничье хозяйство и звероводства (ВНИИОЗ) провел в 1971 г. исследования по выяснению современного состояния, возможностей развития и рациональному размещению охотничье хозяйство и звероводства ЯННО и ХМНО до 1980 г.¹²³.

В начале 1970-х гг. состояние охотничье хозяйство в северных округах Тюменской области характеризовалось хроническим уменьшением объемов добываемой продукции, что отразилось на снижении заготовок промысловой пушнины. За период с 1965 по 1970 гг. объем заготовок сократился более чем в два раза. Причины такого состояния охотничье хозяйство следующие: уменьшение численности охотников, снижение численности основных промысловых видов пушных зверей, «многоведомственная расчлененность» охотничье отрасли, развитие «черного рынка» и промышленное освоение территории¹²⁴.

Научные сотрудники ВНИИОЗ выделили прямое и косвенное влияние

---

¹²² Штильмарк Ф. Р. Отчет о пережитом. М., 2006. С. 75.

¹²³ ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5220. Л. 23–29.

¹²⁴ Там же. Л. 24.

промышленного освоения территории на охотничье хозяйство. Прямое влияние проявлялось в уменьшении площадей охотугодий в результате вырубок лесов, размещения нефте- и газопромислов, загрязнения земли и вод нефтью, роста фактора беспокойства. Косвенное влияние выражалось в росте воздействия на природу увеличившегося индустриального населения: рост браконьерства, хищническое использование дичных, ягодных, рыбных и других ресурсов¹²⁵.

Нейтрализовать отрицательные стороны влияния процесса индустриализации Севера Западной Сибири на охотничье хозяйство предполагалось проведением ряда мероприятий по упорядочиванию использования охотничьей фауны и усилению охраны природы. Специалистами был разработан целый ряд предложений:

1. Организация в ХМНО и ЯННО не менее 6 государственных заповедников и сети республиканских охотничьих заказников.

2. Повышение ответственности промышленных предприятий за ущерб, наносимый их деятельностью природе, для чего:

2.1. возложить на промышленные предприятия возмещение ущерба совхозам и промхозам за вывод из строя охотничье-рыболовных угодий;

2.2. установить отчисления с промышленных предприятий в окружные бюджеты на расходы по охране природы (содержание заповедников и заказников, охотинспекторов и т. п.) в размере до 0,2 % стоимости валовой продукции нефтегазодобычи и лесоразработок.

3. Защита жизненных интересов коренного населения Севера:

3.1. ограничить использование биологических ресурсов северных округов индустриальным населением как размерами добычи и сбора, так и местами добывания;

3.2. предоставить преимущественное право эксплуатации промысловых угодий местному коренному населению, живущему охотой и рыбной ловлей.

---

¹²⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5220. Л. 24.

4. Проведение в округах в 1972–1974 гг. межхозяйственного охотустройства с закреплением угодий за совхозами, промхозами и обществами охотников.

5. Усилить борьбу с браконьерством, укрепить и расширить штаты охотинспекции и снабдить их современным высокопроходимым мототранспортом.

6. Упростить организационную структуру охотничьего хозяйства, для чего:

6.1. освободить облохотуправление от производственно-заготовительной деятельности;

6.2. освободить от планов добычи и заготовок пушнины животноводческие совхозы Кондинский, Ильичевский и Карымский;

6.3. разукрупнить межрайонный Ханты-Мансийский коопзверопромхоз на районные промхозы;

6.4. рассмотреть вопрос о централизации охотничьего хозяйства и заготовок охотпродукции в едином ведомстве.

7. Для скорейшего восстановления запасов ондатры произвести в 1972–1973 гг. выпуски ондатры в угодья поймы Оби в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах.

8. Развернуть работы по реакклиматизации речного бобра в правобережной части Приобья (юг Ямало-Ненецкого и восток Ханты-Мансийского округов)¹²⁶.

Меры по повышению финансовой ответственности предприятий за нарушение природоохранного законодательства, упорядочению деятельности охотничьего хозяйства, расширению сети особо охраняемых природных территорий, учет интересов коренного населения ставились и обосновывались учеными и специалистами неоднократно, но так и не были реализованы на практике.

---

¹²⁶ ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5220. Л. 26, 27.

Еще одной важной отраслью хозяйства, основанного на использовании биоресурсов, было рыболовство. Эта исконная отрасль хозяйства коренного населения была для них одним из основных источников питания и денежных доходов, особенно в районах морского побережья, крупных рек и озер.

Для научного контроля за деятельностью нефтедобывающих предприятий, а также с целью помощи развитию рыбной промышленности был создан Сибирский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства (СибНИИРХ). Он включал в себя пять региональных отделений: Обь-Тазовское в городе Ханты-Мансийске, Новосибирское – в городе Новосибирске, Красноярское – в городе Красноярске, Уральское – в городе Свердловске и Якутское в городе Якутске¹²⁷.

К основным задачам данной организации относились, кроме экономических исследований рыбного хозяйства Сибири, и изучения состояния сырьевых запасов и определения оптимальных размеров добычи рыбы, еще и разработка мероприятий по воспроизводству ценных видов рыб, а также охрана рыбохозяйственных водоемов Сибири от загрязнения¹²⁸.

Вплоть до конца 1960-х гг. рыбные ресурсы, особенно внутренних водоемов, были изучены слабо, не были разработаны научные основы использования сырьевой базы. Отмечалось, что будущее рыбного и морского зверобойного промысла связано с рациональной эксплуатацией рыбных ресурсов¹²⁹. Сырьевую базу предполагалось укреплять за счет организации воспроизводства промысловых пород и обогащения водоемов новыми ценными породами рыбы. Это было тем более важно, так как к этому времени промысловые запасы высокоценных (осетровых и сиговых) пород в реках Печоре, Оби, Енисее сократились и нуждались в охране и воспроизводстве.

---

¹²⁷ КУ Государственный Архив Югры Ф. 297. Оп. 1. Д. 29. Л. 146.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Карпович И. Ю. Вопросы развития рыбного хозяйства в Ханты-Мансийском национальном округе / Проблемы Севера. Вып.13. М., 1968. С. 146.

Сокращение уловов рыбы предполагалось компенсировать за счет усиленного использования глубинных водоемов, организации озерных рыбных хозяйств, в частности на обских сорах.

Одним из крупнейших рыбопромысловых районов в системе внутренних водоемов РСФСР был Ханты-Мансийский национальный округ (с 1977 г. автономный). Основные рыбопромысловые водоемы округа – пойменно-речные. Обилие рыбы в этих водоемах по сравнению с другими бассейнами сибирских рек объясняется наличием обширной и высокопродуктивной поймы. Вылов рыбы в Оби в отдельные годы значительно колебался. Это было обусловлено величиной весеннего паводка Обь-Иртыша, определявшего степень затопления поймы, также длительностью половодного периода. В годы низкого уровня воды, когда полые воды заливают не все площади соров (особенно при быстром спаде воды), рыба из соров уходит рано, срок нагула ее сокращается на один-два месяца. Отсюда плохой рост и упитанность промысловых рыб и их молоди, резкие колебания добычи рыбы.

Специалисты выделяли следующие негативные факторы, влиявшие на продуктивность рыбного хозяйства Севера Западной Сибири. Низкий уровень воды и краткосрочность залития поймы Оби резко нарушали воспроизводительные циклы рыбы. Особенно неблагоприятным в этом отношении было десятилетие 1960-х гг.¹³⁰. Еще одним мощным негативным фактором, постоянно действующим с середины 1960-х гг., стало загрязнение водоемов нефтью и нефтепродуктами.

Учеными предлагался комплекс мер по нейтрализации вышеуказанных негативных факторов развития рыбного хозяйства.

Проблему гидрологического режима в бассейне Оби стремились решать путем его «улучшения», т. е. поддержания наиболее благоприятного

---

¹³⁰ Петкевич А. Н. Биологические основы рационального рыбного хозяйства в Обь-Иртышском бассейне / Проблемы рыбного хозяйства водоемов Сибири. Тюмень, 1971. С. 48.

для хозяйственной деятельности человека гидрологического режима реки. Предлагалось изменение способов эксплуатации наиболее ценных соров, чтобы независимо от режима уровня Оби-Иртыша обеспечивать удлинение сроков нагула промысловых рыб и их молоди. В очередной раз требовалось преобразовать природу, сделать ее «лучше». Этого предлагали добиваться путем регулирования стока воды из соров и осуществления рыбоводных работ в зарегулированных сорах¹³¹.

Технология использования зарегулированных соров поймы Оби-Иртыша предполагалась следующая. В первые два-три года весной необходимо свободно пропускать рыбу в зашлюзованные сору-пруды через открытые шлюзы. После окончания захода рыбы перед убылью воды шлюз следовало закрыть. Рыба, зашедшая в него, нагуливается до облова. Тем самым обеспечивался нормальный нагул рыб и их молоди и максимальный их привес независимо от уровня воды в реке. Такой способ эксплуатации зарегулированных соров, рассчитанный только на удлинение сроков нагула заходящих в них рыб, рассматривался как временное явление. При таком способе эксплуатации хозяйство не могло воздействовать на количество заходящей рыбы и ее качественный состав.

Отмечалось, что в сору станут заходить, наряду с хозяйственно ценными, и малоценные мелкочастиковые рыбы, которые будут «потреблять ценные корма без должной отдачи»¹³². По этой причине предполагалось использовать зарегулированные сору как пруды для выращивания ценных высокопродуктивных рыб. Весной при затоплении сора планировалось его закрывать специальными решетками либо с помощью специальных электрозаградителей. На речках, впадающих в сор, устанавливать верховины, не допускающие захода рыб в пруды.

---

¹³¹ Карпович И. Ю. Вопросы развития рыбного хозяйства в Ханты-Мансийском национальном округе / Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 146.

¹³² Там же. С. 149.

Для разработки перспектив развития рыболовства на таежных озерах в 1962–1963 гг. в ХМНО в округе работала экспедиция института Гидрорыбпроект. Основное внимание было сосредоточено на инвентаризации озерного фонда и разработке мероприятий по его освоению. В результате инвентаризации в округе было выявлено 25 тысяч озер площадью 1,7 млн. га¹³³. Большая часть озерного фонда не имела перспектив промыслового освоения. Небольшие бессточные озера площадью от 10 до 100 га, являвшиеся как бы «окнами» открытой воды среди обширных массивов непроходимых болот, составили по количеству 84 % и по площади 32 % всего озерного фонда. Многие озера были сильно удалены от рыбопромышленных предприятий и населенных пунктов, малодоступны в транспортном отношении.

В результате из огромного озерного фонда к первоочередному рыбохозяйственному освоению было намечено всего 351 озеро общей площадью 211230 га с возможным выловом 38580 ц. рыбы. В Самаровском районе ХМНО к первоочередному освоению была определена Сеульская группа озер площадью 12340 га. Для увеличения запасов промысловых рыб и улучшения гидрологического режима этой группы озер было намечено провести мелиоративные и рыбоводные работы, сооружение каналов с затратами на капитальное строительство, капитальные вложения предполагалось окупить за 12 лет¹³⁴.

Стоит отметить, что проектные работы по исследованию продуктивности водоемов Севера Западной Сибири проводились и ранее, однако с началом индустриального освоения региона данный процесс был вновь актуализирован. Так, согласно приказу начальника Ямало-Ненецкого производственного объединения по рыбной промышленности № 711 от 14.08.1965 г., в период с 1965–1966 должно было проводиться

---

¹³³ Карпович И. Ю. Указ. соч. С. 151.

¹³⁴ Там же. С. 149.

рыбохозяйственное исследование Гыданского полуострова¹³⁵. Для улучшения управления научно-исследовательскими работами по изучению бассейна реки Оби приказом № 157 от 06.07.1965 директора СибНИИРХа тобольский наблюдательный пункт Обь-Тазовского отделения был передан в подчинение лаборатории СибНИИРХа¹³⁶.

Как уже подчеркивалось, кроме выполнения изыскательных работ, одной из задач было проведение мероприятий по искусственному рыбозаведению, что в свою очередь позволило бы снизить промысловую нагрузку на уже используемые водоемы. Так, к началу 1970-х гг. Министерством рыбной промышленности должны были быть введены в строй Войкарский, Ханты-Мансийский, Тобольский, Томский и Новосибирский рыбозаводы¹³⁷.

Согласно исследованиям Обь-Тазовского отделения СибНИИРХа, для многолетнего выращивания ценных рыб можно было использовать 17 озер общей площадью 6 790 га, а их продуктивность могла достигать 1 150 центнеров¹³⁸. По предварительным данным, полное освоение исследованных работниками СибНИИРХа водоемов к 1975 г. могло ежегодно давать дополнительно порядка «4 120 центнеров рыбы (в том числе 4 тыс. центнеров сиговых рыб)»¹³⁹.

В качестве еще одного примера можно привести обследование озер Надымского района Ханты-Мансийского автономного округа, проведенное сотрудниками СибНИИРХа (так с 1971 г. стал называться СибНИИРХ) во второй половине 1970-х гг. В общей сложности было обследовано 26 озер Надымского района с суммарной площадью 4 664 га, при этом было установлено, что «шесть озер, имеющих связь с рекой Надым, могут быть

---

¹³⁵ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 297. Оп. 1. Д. 29. Л. 73.

¹³⁶ Там же. Л. 78.

¹³⁷ Там же. Л. 122.

¹³⁸ Там же. Д. 99. Л. 7.

¹³⁹ Там же.

использованы для промыслового лова, основанного на перемещении рыб из реки в озеро и обратно. Ежегодный вылов рыбы с них 100–150 центнеров»¹⁴⁰.

В рамках перехода к интенсивному пути развития исследовательскими группами Обь-Тазовского отделения СибНИИпроекта на период с 1970 по 1985 гг. был разработан блок научных тем, связанных с перспективами развития рыбной промышленности региона. В качестве основных тем можно выделить следующие:

1. «Оценка рыбных запасов СССР в озерах, реках и водохранилищах и определить возможные уловы на ближайшие годы и перспективы»¹⁴¹.
2. «Разработать методы интенсификации озерных товарных хозяйств лесостепной зоны и таежной Тюменской области и Красноярского края».¹⁴²
3. «Оценка рыбных запасов в озерах, реках и водохранилищах СССР и прогноз возможных уловов на 1977 год»¹⁴³.
4. «Разработка генеральной схемы искусственного воспроизводства рыбных запасов и развития товарного рыбоводства в Тюменской области на период до 1980–1985 гг.»¹⁴⁴.

К сожалению, многие научные разработки по указанным и по другим темам не внедрялись в практику. Один из немногих примеров успешного внедрения научных разработок в практику – результаты внедрения рекомендаций Обь-Тазовского отделения СибНИИпроекта по вылову рыбы оказались существенными. По данным Сибирского управления рыбной промышленности (Сибупррыбпром – *прим. автора*), за 1976 г. предприятиями рыбной промышленности Тюменской области было выловлено 18 883 тонны рыбы в то время как пятью годами ранее общий объем был меньше на 25 %. С точки зрения деятельности рыбзаводов

---

¹⁴⁰ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 297. Оп. 1. Д. 122. Л. 17.

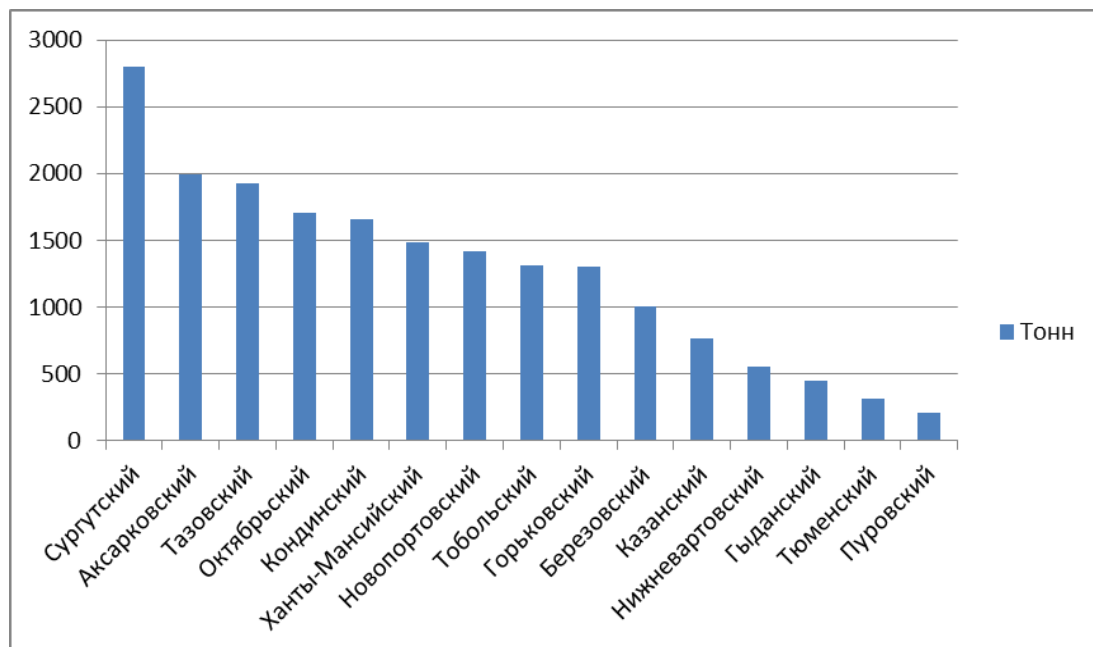
¹⁴¹ Там же. Л. 7.

¹⁴² Там же. Л. 14.

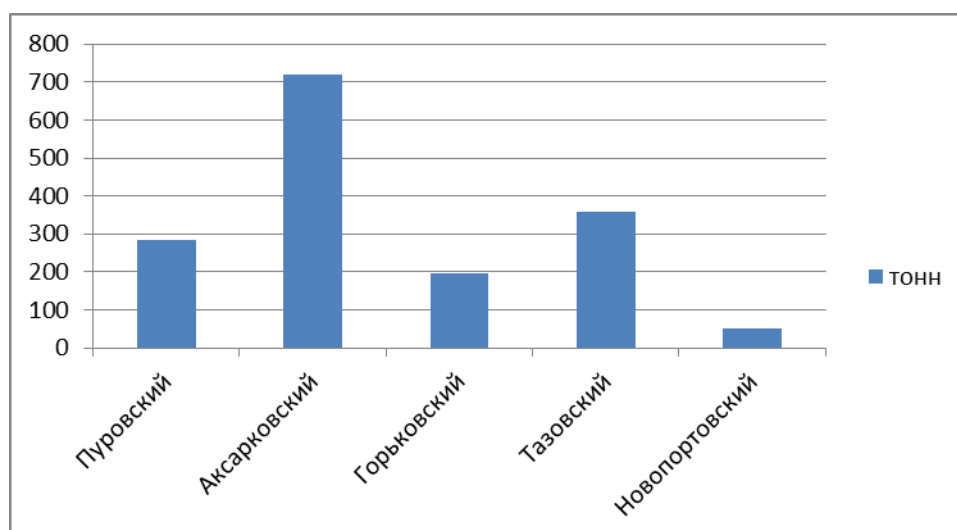
¹⁴³ Там же. Л. 14.

¹⁴⁴ Там же. Л. 16.

ситуация выглядела достаточно успешно (рис. 1). О результативности предложенных Обь-Тазовским отделением рекомендаций на Ямале можно судить по возросшему по отношению к началу 1970-х гг. уровню вылова (рис. 2).

Рис. 1. Вылов рыбы предприятиями рыбной промышленности Тюменской области в 1976 г.¹⁴⁵

Рис. 2. Результаты внедрения рекомендаций Обь-Тазовского отделения СибНИИпроекта по вылову рыбы в 1977 г.¹⁴⁶

¹⁴⁵ Будьков С. Т., Нефедова В. Б. Север Западной Сибири. Тюмень, 1977. С. 63.

Эти успехи способствовали развитию системы специализированных питомников. В 1976 г. началось строительство сиговых питомников на реках Обь, Иртыш, Северная Сосьва, которые могли обеспечить промысловый возврат рыбной продукции в размере 60–70 тыс. центнеров¹⁴⁷. Помимо этого было запланировано строительство осетрово-нельмово-сигового рыбозавода на Оби в пределах Томской области.

Важность и результативность проведенных мероприятий Обь-Тазовским отделением СибНИИпроекта, а также его взаимодействие с предприятиями рыбной промышленности региона была отмечена и на государственном уровне. В постановлении ЦК КПСС «Об организаторской работе Тюменского обкома партии по мобилизации производственных коллективов, ученых и специалистов рыбного хозяйства на увеличение в водоемах области запасов промысловых рыб и лучшее их использование» от 30 мая 1976 г. отмечалось, что «за годы девятой пятилетки улов рыбы увеличился в 1,7 раза <...> Средняя рыбопродуктивность в рыбхозах в расчете на гектар водного фонда возросла примерно в 10 раз. <...>

ЦК КПСС считает, что более интенсивное использование внутренних водоемов и особенно огромного речного фонда страны для рыбоводства и рыболовства является важным резервом увеличения производства рыбы. <...>

ЦК КПСС одобрил опыт работы Тюменской областной партийной организации по <...> более полному использованию внутренних водоемов для увеличения производства рыбной продукции и намеченные обкомом партии меры по доведению уловов рыбы в 1980 г. до 500–550 тыс. ц.»¹⁴⁸.

Однако, как ранее отмечалось, даже с учетом мероприятий по рыборазведению выполнить плановые показатели было невозможно, так как

---

¹⁴⁶ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 297. Оп. 1. Д. 126а. Л. 11.

¹⁴⁷ Рыбное хозяйство и итоги биологических рыбохозяйственных исследований в Западной Сибири за 1971–1975 гг. Томск, 1979. С. 16.

¹⁴⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1975–1979). М., 1977. Т. 11. С. 330, 331.

они формировались «от достигнутого» и постоянно увеличивались. Все это парадоксальным образом натыкалось на неудержимое стремление руководящих органов к постоянному расширению производства и на ограниченность кормовой базы водоемов.

Как уже отмечалось, с середины 1960-х гг. ученым приходилось решать проблему негативного влияния нефтегазового комплекса на рыбное хозяйство. Средняя Обь в пределах Тюменской и Томской областей была очень сильно загрязнена нефтью и нефтепродуктами. Они попадали в водоемы из фонтанирующих скважин, энергоустановок, при прорыве нефтепроводов, при загрузке танкеров, причалов, смыва замазученных территорий скважин. Тяжелые фракции нефти оседали на дно водоемов и выводили из строя нерестилища осетра, нельмы, сига, «пронизывая толщу воды, губя зоопланктон и бентос»¹⁴⁹.

Предприятиям нефтяной и газовой промышленности предлагалось повысить культуру природопользования: обваловывать буровые скважины, своевременно сжигать разлитую нефть, ликвидировать потери нефтепродуктов на заправочных базах, оборудовать суда установками по сбору подсланевых вод и передаче их на береговые станции¹⁵⁰.

Еще одной важной отраслью хозяйства, основанного на использовании биоресурсов, было оленеводство. Оно являлось одной из главных отраслей сельского хозяйства на Крайнем Севере СССР. Подчеркивалось социально-политическое значение оленеводства как основы для роста материального благосостояния малых народов советского Севера. Ежегодно прибыль от оленеводства составляла 20–25 млн рублей¹⁵¹.

Его изучением занимался Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера. Ученые этого института

---

¹⁴⁹ Петкевич А. Н. Биологические основы рационального рыбного хозяйства в Обь-Иртышском бассейне. Проблемы рыбного хозяйства водоемов Сибири. Тюмень, 1971. С. 51.

¹⁵⁰ Там же. С. 59–60.

¹⁵¹ Крючков В. В. Север: природа и человек. М., 1979. С. 89.

разрабатывали комплекс мер по рациональному ведению оленеводства: улучшение кормовой базы, механизация процессов производства, племенная работа и мероприятия по рациональному кормлению оленей¹⁵².

Во второй половине XX в. оленеводство коренным образом перестраивали. Создавались условия для превращения его в одну из форм отгонного животноводства с переводом оленеводов на оседлый образ жизни. Перевод на оседлость рассматривался как большая комплексная проблема, решение которой требовало не только изменения бытовых условий вторых членов семьи, их трудоустройства, но и коренного улучшения условий труда пастухов. «Преобразование оленеводства из примитивной формы кочевого хозяйства в отрасль отгонного животноводства связана также с перестройкой методов ведения оленеводства на основе интенсификации»¹⁵³.

Однако к середине 1980-х гг., специалисты стали отмечать, что проблема перевода кочевого населения на оседлость во многом противоречива как в социальном, так и экономическом отношении. Несмотря на систематически проводимые мероприятия, удельный вес кочующего населения в общей численности народностей Севера оставался достаточно высоким (по оценке различных специалистов – 15–20 %) ¹⁵⁴.

Решение проблемы требовало комплексного подхода, привлечения этнографов и историков, специалистов знакомых с традиционным бытом и жизнедеятельностью коренного населения Севера. Упрощенный, а порой даже формальный подход к данной сложной проблеме приводил к негативным последствиям. Проблема перевода кочующего населения на оседлость решалась просто: для каждой кочующей семьи строили дом на центральной усадьбе совхоза (колхоза) или в другом населенном пункте (базе оседлости). В результате в одних районах возникал острый дефицит

---

¹⁵² Дьяченко Н. О., Кузаков П. К. Пути развития и повышения экономической эффективности северного оленеводства / Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 40–52.

¹⁵³ Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР / Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 22.

¹⁵⁴ Костяев А. И. Агропромысловые хозяйства Севера. Л., 1986. С. 99.

пастушеских кадров, а в других – нерациональное использование капитальных вложений, так как оленеводы в предоставленных квартирах практически не жили. Дома стояли заколоченными и постепенно приходили в негодность¹⁵⁵.

Еще одной наиболее острой проблема была охрана оленьих пастбищ. Основной урон оленьим пастбищам наносился допускаяемым в колхозах и совхозах бессистемным выпасом оленей, превышением их поголовья существующей оленеемкости пастбищ и т. п.

Пути решения проблемы охраны пастбищ предполагалось определять на стадии предплановых разработок, перспективного и текущего планирования. Это схемы землеустройства оленьих пастбищ, проекты внутрихозяйственного землеустройства колхозов, совхозов, промхозов, схемы развития и размещения сельскохозяйственных и промысловых предприятий, зональные системы ведения сельского и промыслового хозяйства, планы организационно-хозяйственного устройства колхозов, совхозов, промхозов и др.¹⁵⁶.

Развитие геологоразведочных работ, интенсивное промышленное развитие территории Севера Западной Сибири также оказывало отрицательное влияние на функционирование оленеводческих хозяйств. Происходило перераспределение земель, менялись исторически сложившиеся маршруты кочевий и порядок использования угодий, увеличивалось количество пожаров, возрастала площадь использованной и нерекультивированной земли.

В Тюменской области на территории ЯНАО для промышленного строительства только за 10 лет (1975–1985 гг.) было отчуждено 77,5 тыс. га земельного фонда, пожарами уничтожено 1,5 млн га оленьих пастбищ и охотничьих угодий. По ХМАО ежегодно под промышленное строительство

---

¹⁵⁵ Гемуев И. Н. Традиционный образ жизни и проблема перевода на оседлость кочевого населения таежной зоны. Народности Севера: Проблемы и перспективы экономического и социального развития. Новосибирск, 1983. С. 37.

¹⁵⁶ Костяев А. И. Агропромысловые хозяйства Севера. Л., 1986. С. 110.

отводилось до 3 тыс. га оленьих пастбищ. Приведем конкретный пример влияния промышленного освоения и строительства коридоров газопроводов. На угодьях совхоза «Саранпаульский» была выявлена нехватка весенних (отельных) пастбищ на 3,9 тыс. голов, позднеосенних и зимних – на 4,5 тыс. голов¹⁵⁷.

Кроме того, остро стояла проблема рекультивации земель. Растительный покров пастбищ нарушался гусеничным транспортом, геологоразведочными и строительными организациями. Для территорий Крайнего Севера за рассматриваемый период так и не было разработано удовлетворительных методов проведения горно-технической, а особенно биологической рекультивации. Стандартные приемы, дающие хороший эффект в средней полосе, на Севере не работали, наоборот они приводили к негативным последствиям (образованию термокарстовых форм рельефа, оврагов, провалов)¹⁵⁸.

Таким образом, характеризуя весь спектр научных исследований биоресурсов Севера Западной Сибири необходимо отметить, что недостаточно изученными были общие теоретические основы, технические и социально-экономические проблемы промыслового освоения Севера. В большей степени были разработаны биологические и особенно геоботанические аспекты этих проблем.

Взаимодействие государственных органов власти и научного сообщества в сфере изучения возможностей рационального использования биоресурсов характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, значимость биоресурсов и основанных на их использовании отраслей сельского и промыслового хозяйства на официальном государственном уровне всегда подчеркивалась, существовала отраслевая наука со своими организационными структурами, профессиональными

---

¹⁵⁷ Социально-экономические проблемы Севера : науч. докл. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. С. 36.

¹⁵⁸ Там же. С. 38.

кадрами и системой их подготовки, отмечалась необходимость комплексного анализа проблем освоения природных ресурсов северных территорий. Вопросы рационального освоения биоресурсов неизменно включались в «генеральные схемы» освоения Севера.

С другой стороны, применительно к Северу вопросы промышленного развития, как правило, рассматривались отдельно от вопросов сельского и промыслового хозяйства в приоритетном порядке. В.В. Крючков справедливо отмечал, что «без совместного рассмотрения минеральных, энергетических и биологических ресурсов трудно составить взаимосвязанные планы действительно комплексного использования природных ресурсов конкретных районов»¹⁵⁹. Все возможности для такого подхода были, но на практике редко реализовывались. Наработки ученых не учитывались, если они мешали выполнению и перевыполнению производственных планов. Они имели значение для государственной политики освоения ресурсов Севера только в контексте увеличения плановых показателей добычи. Изучение топливно-энергетических ресурсов было в абсолютном приоритете. За весь рассматриваемый период изучение биоресурсов так и не попало в круг «узловых научных проблем эффективного освоения Севера»¹⁶⁰.

1.2. Охрана и нормативно-правовое регулирование рационального использования биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

Государственная политика в сфере использования биологических ресурсов Севера Западной Сибири была также непосредственно связана с их сохранением и использованием. Природоохранный аспект также важен,

---

¹⁵⁹ Крючков В. В. Крайний Север: проблемы рационального использования природных ресурсов. М., 1973. С. 35.

¹⁶⁰ Павленко В. И. Узловые научные проблемы эффективного освоения Севера. Проблемы Севера. Вып. 22. Основные научные проблемы хозяйственного освоения Севера. М., 1986. С. 8–20.

потому что в рассматриваемый период активизируется процесс формирования советского природоохранного законодательства¹⁶¹.

Принятые еще в 1920–1930-е гг. декреты «Об охоте» (1920, 1923 гг.), а также «Положение об охоте и охотничьем хозяйстве» (1930 г.) и общероссийские «Правила охоты» (1922 г.)¹⁶² носили ограничительный характер по отношению к «подзащитным» ресурсам, т. е. лимитировали количество их извлечения из природной среды и регламентировали процесс их добычи.

В таком виде система просуществовала без каких-либо значительных изменений до начала 1950-х, когда происходит частичное обновление охотничьего законодательства. Новые положения включали в себя вновь принятые «Положение об охоте и охотничьем хозяйстве» (1957, 1960 гг.), общероссийские «Правила охоты» (1951, 1957, 1961 гг.)¹⁶³.

Данные положения во многом регулировали наиболее важные аспекты охотничьего промысла, такие как установление порядка получения разрешительных документов на осуществление охотничьей деятельности (разрешение, путевка, лицензия, свидетельство), а также регламентировались условия осуществления промысловой деятельности (способы и виды, места и сроки, орудия промысла). В этих решениях устанавливались полномочия различных органов власти, порядок осуществления и установления надзора и контроля за деятельностью охотничьих хозяйств.

---

¹⁶¹ Артемов Н. Н. Исторический опыт государственной политики СССР в сфере природопользования и охраны окружающей среды в 1960–1980-е : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 30 с.; Приходько Ю. С. Экологическая политика государства на Севере Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2015. 24 с.; Савчук Н. В. Социально-экологические проблемы хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона (1950–1991 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2007. 51 с.; Шмыглева А. В. Экологическая политика в Западной Сибири (1970–1990-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. 18 с.

¹⁶² Мостовенко М. С. Проблемы развития охотничьих хозяйств на Севере Западной Сибири в 20–60-е годы XX в. // Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований : Материалы междунар. науч. конф. (г. Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.). Елабуга, 2014. С. 180.

¹⁶³ Краев Н. В. Государственная политика в области охоты и охотничьего хозяйства в СССР. М., 2010. С. 69.

В октябре 1957 г. Советом Министров РСФСР было издано постановление № 1177 «О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных лесах Сибири, Дальнего Востока и Севера Европейской части РСФСР»¹⁶⁴. Данный документ прежде всего был ориентирован на предприятия Роспотребсоюза (в структуру которого входили промхозы) и Главлесхоза.

В начале 1960-х гг. принимается еще один пакет документов, связанный с деятельностью охотопромысловых организаций. 16 января 1962 г. Советом Министров РСФСР принимается постановление № 53 «О дополнительных мерах по использованию природных ресурсов»¹⁶⁵. Данное постановление обязывало Главохоту до 1965 г. создать на территории РСФСР 40 государственных промысловых хозяйств, которые действовали бы в рамках проводимой в стране системы хозяйственного расчета. Согласно решению, госпромхозы должны были вести комплексное хозяйство.

Улучшению ситуации на местах также способствовало принятие в июле 1965 г. постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства и повышению его доходности»¹⁶⁶. Данное постановление обязывало две основные заготовительные организации – Главохоту РСФСР и Роспотребсоюз разработать мероприятия для государственных промысловых хозяйств, которые обеспечивали бы в полной мере выполнение планов заготовок пушнины, а также оказание необходимой для нормального функционирования материально-технической поддержки. Это решение также касалось и регионального руководства, которое на местах должно было оказывать поддержку охотничьим хозяйствам.

---

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. А259. Оп. 42. Д. 7506. Л. 16.

¹⁶⁵ Там же. Оп. 46. Д. 322. Л. 4.

¹⁶⁶ Там же. Оп. 45. Д. 3151. Л. 5.

Третий раздел постановления обязывал «Советы Министров Бурятской, Коми, Тувинской, Якутской АССР, Красноярский, Приморский, Хабаровский крайисполкомы, Архангельский, Амурский, Иркутский, Камчатский, Магаданский, Томский, Тюменский, Читинский облисполкомы и Министерство сельского хозяйства РСФСР разработать и осуществить мероприятия по развитию охотничьего промысла в колхозах и совхозах таежных и тундровых районов»¹⁶⁷.

Анализ данного раздела делает очевидным то, что главная задача, а именно развитие охотничьего промысла, возлагалась на региональные власти. Кроме того, на региональный уровень передавались полномочия по борьбе с браконьерством за счет расширения «прав охотоведов районной службы охотничьего надзора и директоров госпромхозов Главохоты РСФСР [...] в части применения мер взыскания (кроме штрафов)»¹⁶⁸.

В дополнение к постановлению 1965 г. в целях дальнейшего стимулирования и развития охотничьих хозяйств в феврале 1966 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О мерах по увеличению закупок пушнины и мехового сырья»¹⁶⁹. Основной целью данного постановления было развитие материально-технической базы действующих звероводческих совхозов, а также развитие звероводческого промысла в регионах. В особенности отмечалась необходимость «выделения организациям, осуществляющим заготовку пушнины [...] продовольственных товаров для продажи охотникам на сезон промысла на сумму до 50 процентов стоимости закупаемой у них пушнины»¹⁷⁰. Данная мера должна была не только стимулировать развитие охотопромысла, но и способствовать экономическому развитию промысловых хозяйств.

---

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. А259. ОП. 45. Д. 3151. Л. 5–5об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 6.

¹⁶⁹ Там же. Д. 4799. Л. 1.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. А259. ОП. 45. Д. 4799. Л. 1об.

Однако во многом все это носило частный характер и серьезного влияния на охрану и регулирование рационального использования природных ресурсов не оказывало. Первым этапом появления четкой системы природоохранного законодательства стало принятие в 1960 г. закона «Об охране природы в РСФСР». Хотя он носил обобщенный характер, его значимость в деле охраны природы была неоспорима. Принятием этого законодательного акта государство демонстрировало изменение отношения к окружающей среде, признание необходимости решения возникших экологических проблем. Появление подобного закона свидетельствует о том, что на государственном уровне начинается процесс осознания необходимости более рационального использования доступных природных ресурсов.

Закон «Об охране природы в РСФСР» послужил импульсом для последующего принятия подобных документов как на общесоюзном уровне, так и республиканском. Интересен тот факт, что решение о необходимости принятия этого документа было инициировано центральным руководством страны, поскольку законодательная инициатива о принятии других подобных документов исходила во многом от регионального руководства.

С середины 1960-х гг. складывающаяся в стране экологическая ситуация начинала вызывать опасения у центрального руководства. Так, в рамках совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 июня 1966 г. «О мерах по дальнейшему развитию рыбного хозяйства в стране, улучшению качества и ассортимента рыбной продукции» сообщалось о том, что «рыбопродуктивность внутренних водоемов низка, медленно развивается прудовое рыбоводство. Реки, озера и водохранилища загрязняются сточными водами промышленных предприятий, засоряются отходами лесосплава, водные ресурсы часто используются без учета

интересов рыбного хозяйства, в крайне недостаточных объемах проводится рыбоводно-мелиоративные мероприятия на нерестилищах»¹⁷¹.

Следующим шагом в сфере формирования нормативно-правового регулирования использования биологических ресурсов стало принятие Верховным Советом СССР в 1969 г. новых правил рыболовства в Обь-Иртышском бассейне. Новые правила рыболовства ужесточили контроль за сроками разрешенного вылова рыбы. Статья 3 данных правил гласила: «Предприятия, колхозы и другие организации, занимающиеся добычей рыбы, обязаны ... производить расчистку, рыбоводные и мелиоративные работы. Содержать в надлежащем санитарном состоянии закрепленные береговые участки и водоемы»¹⁷². Данный пункт правил интересен тем, что он возлагал ответственность за поддержание функционального использования водоемов на организации, занимающиеся рыбным промыслом, основные же задачи органов рыбоохраны заключались в контроле за проведением хозяйственных работ на водоемах.

Примечательна и 19 статья данных правил, которая запрещала в течение всего года вылов осетра и нельмы специализированными орудиями лова, а также лов нельмы в бассейнах притоков реки Обь и в реках Иртыш (выше г. Тобольска), Тобол, Тура и Тавда¹⁷³. Появление данной статьи во многом объясняется запоздалой попыткой руководства рыбной промышленности восстановить численность этих двух промысловых видов после начала эксплуатации плотины Новосибирской гидроэлектростанции.

В дополнение к новым правилам 10 декабря 1969 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по усилению охраны рыбных запасов»¹⁷⁴. В число задач данного решения входило повышение роли

---

¹⁷¹ О мерах по дальнейшему развитию рыбного хозяйства в стране, улучшению качества и ассортимента рыбной продукции. постанов. от 10 дек. 1969 / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 6. С. 119, 120.

¹⁷² ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4855а. Л. 67.

¹⁷³ Там же. Л. 75.

¹⁷⁴ ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 3991. Оп. 1. Д. 31а. Л. 84.

общественности в сохранении рыболовных ресурсов, расширение прав инспекторов рыбнадзора, а также усиление внимания к вопросам рыбоохраны со стороны государства.

С конца 1960-х гг. государственная политика делает акцент на усиление контроля за использованием природных ресурсов в целом и биологических ресурсов в частности. Так, принятие в проектах директив ЦК КПСС XXIV съезду партии по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. декларировалось следующее: «Усилить охрану природы, повысить ответственность предприятий, учреждений и организаций за рациональное использование природных ресурсов: земли, воды, атмосферы, полезных ископаемых, а также за воспроизводство растительного и животного мира»¹⁷⁵.

Дополнительно предполагалось увеличение капиталовложений в развитие природоохранной инфраструктуры. Также в решениях съезда отводилась существенная роль ускорению ввода в эксплуатацию очистных сооружений, ужесточению контроля за выполнением законодательства, касающегося охраны природы¹⁷⁶.

Об этом свидетельствуют принятые в 1972 - 1973 гг. Верховным Советом СССР и Советом Министров СССР следующие постановления: «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов», «Об усилении охраны природы и улучшению использования природных ресурсов»¹⁷⁷ и «О некоторых мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты»¹⁷⁸. Во всех этих документах отмечалась необходимость совершенствования государственного

---

¹⁷⁵ Там же. Л. 103, 104.

¹⁷⁶ Банников А. Г. Охрана природы. М., 1977. С. 63.

¹⁷⁷ О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов: Постановление от 20.09.1972 № 3351; Об усилении охраны природы и улучшению использования природных ресурсов : Постановление от 31.05.1973 №296 / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1974. Т. 9. С. 271.

¹⁷⁸ Банников А. Г. Указ. соч. С. 64.

управления в области охраны природы, использования природных ресурсов и развития научных исследований.

Постановление Совета Министров № 898 от 29 декабря 1972 г. «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов», на наш взгляд, преследовало в качестве основной цели именно актуализацию экологической проблематики, поскольку в преамбуле этого постановления отмечалось, «что многие министерства, ведомства, предприятия и организации не занимаются еще должным образом вопросами охраны окружающей природной среды от загрязнения и обеспечения рационального использования природных ресурсов»¹⁷⁹.

Во втором разделе этого постановления указывались ответственные ведомства, которые должны были отвечать за ведение охотничьего хозяйства и борьбу с браконьерством. В данном документе устанавливалось, что «Министерство сельского хозяйства СССР: осуществляет контроль за правильным ведением охотничьего хозяйства и за соблюдением действующего законодательства по сохранению и обогащению полезной флоры и фауны и по заповедному делу; Министерство внутренних дел СССР: оказывает соответствующим органам содействие в осуществлении мер по охране и защите от загрязнения природных богатств, борьбе с браконьерством и нарушениями правил охоты и рыболовства»¹⁸⁰. Таким образом, вся нагрузка в данном случае ложилась на созданные органы госохотинспекции.

Постановление Совета Министров СССР № 529 от 18 июля 1972 г. «О некоторых мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты» предусматривало создание системы мероприятий по государственному контролю в этой области. В частности, в первом разделе говорилось о необходимости «Советам Министров союзных республик разработать и

---

¹⁷⁹ Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов : Постановление от 31.05.1973 №296 / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1974. Т. 9. С. 280.

¹⁸⁰ Там же. С. 282.

осуществить мероприятия по улучшению работы органов управления охотничьим хозяйством, усилению борьбы с нарушениями правил охоты и обеспечению охраны полезных диких зверей и птиц в охотничьих угодьях; рассмотреть и в установленном порядке решить вопрос об усилении ответственности за нарушения правил охоты, предусмотрев изъятие ружей у лиц, нарушающих эти правила, а также об усилении ответственности за незаконную скупку, продажу и переработку не имеющих государственного клейма (штампа) выделанных и невыделанных шкурок пушных зверей»¹⁸¹. Реализация данного постановления позволяла не только усилить контроль за соблюдением сроков охоты, но и воздействовать на экономическую основу браконьерства.

В целях совершенствования природоохранного механизма Совет Министров РСФСР принял постановление № 87 от 23 февраля 1973 «О дополнительных мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты», в котором отмечалось, что «ружья и другие орудия охоты, конфискованные органами, осуществляющими государственный надзор за соблюдением правил охоты, у лиц, производящих незаконную охоту, передаются для реализации финансовым органам»¹⁸².

Ухудшение экологической ситуации в стране во второй половине 1970-х гг. приводит к тому, что уже в рамках принятой на XXV съезде КПСС программы «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы» отмечалась необходимость «разрабатывать и осуществлять мероприятия по охране окружающей среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов <...>. Осуществлять меры по комплексному и рациональному использованию и охране земельных, водных и лесных ресурсов»¹⁸³.

---

¹⁸¹ О некоторых мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1974. Т. 9. С. 320.

¹⁸² Там же. С. 321.

¹⁸³ Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. С. 568.

Однако эффективность подобных документов оставалась крайне низкой. В результате систематического нарушения и невыполнения принятых постановлений на территории Севера Западной Сибири, 24 марта 1975 г. Советом Министров РСФСР было принято постановление № 179 «О серьезных недостатках в выполнении закона РСФСР «Об охране природы в РСФСР» в Тюменской области»¹⁸⁴. Это красноречиво свидетельствует о том, что принимаемые государством меры носили ситуативный характер, так как принимались лишь после серьёзных нарушений экологического законодательства.

В 1978 г. правительством СССР для того, чтобы поддержать снижающиеся темпы вылова рыбной продукции издается постановление «О мерах по дальнейшему развитию рыбоводства и увеличению вылова рыбы в пресноводных водоемах страны»¹⁸⁵, в котором говорится о необходимости интенсификации рыбного промысла и включения в производственную деятельность передовых технологий, а также о необходимости бережного обращения с рыбными ресурсами. Однако, несмотря на принимаемые меры к концу 1970-х экологическая обстановка в стране продолжала ухудшаться. В рамках решения этой проблемы в декабре 1978 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают совместное постановление «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов»¹⁸⁶, которое обязывало министерства и региональные органы власти более жестко подходить к вопросам охраны и использования природных ресурсов.

В марте 1980 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР было принят обновленный Водный Кодекс РСФСР, который регулировал режим

---

¹⁸⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 701. Л. 17.

¹⁸⁵ О мерах по дальнейшему развитию рыбоводства и увеличению вылова рыбы в пресноводных водоемах страны : Постановление от 17.08.1978 №719 / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. С. 453.

¹⁸⁶ О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов : Постановление от 01.12.1978 №984 / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. С. 579.

водопользования на территории РСФСР, права и обязанности рыбохозяйственных предприятий и организаций по водопользованию. 66 статья Водного кодекса предусматривала ограничение водопользования на рыбохозяйственных водоемах в пользу интересов рыбного хозяйства, т. е. организаций рыбной промышленности¹⁸⁷.

В целях снижения наносимого вреда водоемам северных регионов в январе 1981 г. было издано совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 65 «О мерах по усилению охраны морей, рек и других водоемов Арктического бассейна от загрязнения», обязывающее Главтюменьнефтегаз разработать график строительства сооружений по очистке хозяйственных сточных вод, предусматривающий прекращение их сброса к 1990 г.¹⁸⁸. Поскольку в результате деятельности предприятий Главтюменьнефтегаза в водоемы, в том числе и в арктические, попадало значительное количество загрязненных сточных вод.

Одним из последних документов, декларировавшим необходимость совершенствования механизмов использования биологических ресурсов в рассматриваемый период, стало принятое Советом Министров РСФСР постановление № 125 от 28 августа 1986 г. «О мерах по дальнейшему развитию и повышению эффективности охотничьего хозяйства РСФСР». В нем признавалось, что «охотничье хозяйство, являющееся важным звеном природопользования, ведется еще неэффективно. Слабо вовлекаются в хозяйственный оборот биологические ресурсы, недостаточно принимается мер по планомерному и расширенному воспроизводству диких зверей и птиц с учетом специфики каждой области, края, автономной республики.

Медленно совершенствуется работа по повышению рентабельности охотничьих хозяйств, увеличению запасов дичи, более рациональному ее

---

¹⁸⁷ Об охране окружающей среды : сб. док-тов партии и правительства (1917–1985). М., 1986. С. 196.

¹⁸⁸ ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 8207. Л. 32.

использованию, расширению платных услуг, предоставляемых охотникам и рыболовам»¹⁸⁹.

На государственном уровне признавалась необходимость привлечения в процесс развития этой сферы народного хозяйства научных кадров, а также учета экологического состояния регионов, поскольку второй пункт данного постановления обязывал органы Главохоты РСФСР разработать нормативы плотности промысловых животных и на данной основе осуществлять сбалансированное воспроизводство и использование ресурсов животного мира совместно с научными учреждениями¹⁹⁰.

Однако, согласно шестому разделу данного постановления, основным средством борьбы с браконьерством и способствованию более рациональному использованию животных ресурсов оставалась пропаганда: «Государственному комитету РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли обеспечить издание книг, брошюр, плакатов, листовок по охотничьему хозяйству, пропаганде законодательства по охране редких и исчезающих видов диких зверей и птиц и рациональному использованию животного мира»¹⁹¹.

Рассмотрев процесс формирования системы нормативно-правового регулирования использования биоресурсов, остановимся более подробно на механизмах реализации законодательства, в рамках деятельности организаций либо курировавших, либо непосредственно связанных с использованием биоресурсов. Своей основной целью государственные органы власти ставили максимально полное использование промысловых ресурсов. Рациональный подход к включению их в хозяйственный оборот неизменно декларировался, но очень часто не соблюдался.

Существовавшая нормативно-правовая база подчеркивала приоритет государственных организаций в сфере использования биологических

---

¹⁸⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 13. С. 240.

¹⁹⁰ Там же. С. 249.

¹⁹¹ Там же. С. 380.

ресурсов рассматриваемого региона, оставляя за ними право самостоятельно ограничивать доступ и хозяйственную деятельность организаций, имеющих косвенное отношение к биологическим ресурсам, добыча которых не являлась их основной целью.

Управление использованием биологических ресурсов рассредоточивалось по многим ведомственным структурам, не имело общего руководства. В 1950-е гг. вследствие возникшей «структурной неразберихи» после реорганизации Министерства заготовок СССР и включения его в состав Министерства сельского хозяйства нарушились управленческие связи. В результате этого заготовительные функции были перераспределены между различными ведомствами.

Это привело к тому, что совхозы, занимавшиеся промысловой деятельностью, были переданы в ведение Министерства сельского хозяйства РСФСР, система государственных промысловых хозяйств подчинялась Главному управлению охотничьего хозяйства РСФСР, а прочие заготовительные организации и коопзверпромхозы находились в юрисдикции органов потребительской кооперации. В конечном счете это привело к тому, что охотничьи хозяйства все больше страдали от отсутствия единой последовательной политики по их развитию.

На местах за соблюдением выполнения партийных решений отвечали региональные и местные органы власти. Выполнение производственных планов, а также непосредственная добыча биологических ресурсов находилась в ведении курирующих ведомств. Так, для охотничьих хозяйств и звероводческих ферм это было Главное управление охотничьих хозяйств и заповедников при Министерстве сельского хозяйства (Главохота). Вопросы рыбного хозяйства относились к деятельности Министерства рыбной промышленности.

Необходимость комплексного развития экономики Севера Западной Сибири, а также повышения эффективности промысловых хозяйств и преодоление еще существующих проблем способствовало принятию

Советом Министров СССР решения о создании баз обществ охотников государственных промысловых хозяйств (госпромхозов) и организаций, занимающихся заготовкой пушнины на кооперационных началах (коопзверопромхозов)¹⁹².

В сферу их непосредственных функций входила поддержка и развитие охотничьей отрасли страны. Однако в силу того, что во второй половине 1950-х гг. еще отсутствовала эффективная система по контролю за использованием биологических ресурсов, и в частности охотничьих, государственные инспекции по контролю за использованием пушных ресурсов сталкивались с определенными трудностями.

Особенно остро стояла проблема с исполнением судебных решений¹⁹³. Следует отметить, что данная ситуация была характерна для всей отрасли в целом. Так, в промысловых хозяйствах Ханты-Мансийского автономного округа общий объем средств, подлежащих взысканию в виде штрафов и исков, составлял порядка 130 000 рублей¹⁹⁴.

Уровень организации первичных коллективов находился на крайне низком уровне, а значит, тормозил процесс развития хозяйства. Складывающаяся ситуация нашла свое отражение и в проекте решения первой окружной конференции добровольного общества охотников 1957 г., в котором отмечалось, что «в Ларьякском, Сургутском, Березовском, Октябрьском обществах охотников организационно и хозяйственно не укреплены, не проводят работу ... по созданию первичных охотничьих коллективов в колхозах, предприятиях, и учреждениях, по приписки им охотничьих угодий»¹⁹⁵.

---

¹⁹² Мостовенко М. С. Государственная политика в области развития охотничьих хозяйств в РСФСР в 50-60-е годы XX века // Вопросы геоэкологии и географии. 2014. № 2. С. 56.

¹⁹³ Мостовенко М. С. Проблемы развития охотничьих хозяйств на Севере Западной Сибири в 20–60-е годы XX в. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований : материалы междунар. науч. конф. (г. Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.). Елабуга, 2014. С. 183.

¹⁹⁴ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 35. Л. 58.

¹⁹⁵ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.

Ключевую роль в развитии рыболовных хозяйств региона сыграло постановление Совета Министров СССР от 6 августа 1959 г. «О мерах по дальнейшему увеличению добычи рыбы, улучшению качества и снижению себестоимости продукции на предприятиях рыбной промышленности Тюменской области», принятое в рамках семилетнего плана развития экономики СССР¹⁹⁶.

Согласно данному документу, основная задача, стоящая перед рыболовными хозяйствами, заключалась в интенсификации производства, на практике же это означало увеличение объемов добычи рыбы и включение в хозяйственный оборот новых водоемов и, как следствие, большую экологическую нагрузку на биоресурсы.

Особое место в рамках рассматриваемой нами проблематики занимает деятельность центральных и местных органов государственной власти по борьбе с браконьерством. Данная проблема сильно обострилась в начале 1960-х гг. Так, в заключении по отчету Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР отмечалось: «приведенные в отчете данные о количестве вскрытых нарушений и взысканий штрафов и исков с нарушителей свидетельствуют об ухудшении показателей по охотнадзору...это связано с тем, что рассмотрением дел на браконьеров теперь занимаются административные комиссии при рай(гор)исполкомах, которые в подавляющем большинстве случаев смягчают наказание браконьерам или совсем не привлекают их к ответственности»¹⁹⁷. Особо показателен тот факт, что по результатам проверки оказывалось, что почти 60 % браконьеров являлись членами обществ охотников¹⁹⁸.

Несмотря на изменение законодательной базы и принятие в 1960 г. закона об «Охране природы в РСФСР», ситуация с браконьерством оставляла желать лучшего. Основным методом борьбы с нарушителями

---

¹⁹⁶ Там же. Л. 29.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 1684. Л. 27.

¹⁹⁸ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

законодательства оставались меры воспитательного либо административного характера, лишь в редких случаях браконьеры несли уголовную ответственность.

Проблема борьбы с браконьерством в регионе продолжала оставаться одной из самых актуальных с точки зрения анализа деятельности промысловых хозяйств. Существование браконьерства не только приводило к серьезному ущербу промысловой фауне Севера Западной Сибири, но и способствовало «оседанию» пушной продукции в частных руках, а следовательно, стимулировало деятельность «черного рынка».

Проблема борьбы с браконьерами, безусловно, существовала в регионе и ранее, однако форсированное индустриальное освоение, начавшееся во второй половине 1960-х гг., привело к резкому обострению ситуации. Работники многочисленных геологических, нефтеразведочных и буровых экспедиций в процессе своей деятельности часто нарушали не только сроки, но и правила охоты, тем самым становясь браконьерами.

Создаваемый на государственном уровне облик региона как «безразмерной кладовой» приводил к тому, что приезжавшие сюда нефтяники, газовики, геологи не считали чем-то из ряда вон выходящим привести из командировки пушную продукцию или мясо диких животных, добытую незаконным путем. Все это наносило серьезный ущерб государственной казне.

В процесс контроля за соблюдением природоохранного законодательства с 1970-х гг. начинают активно вмешиваться общественные организации: Всероссийское общество охраны природы (ВООП) и Комитеты народного контроля. Остановимся на деятельности данных организаций подробнее.

На заседании окружной конференции ВООП 1 декабря 1972 г., старшим охотинспектором Ханты-Мансийской окружной охотоинспекции В. П. Смирновым отмечалось, что «Наш округ обладает огромными запасами полезных ископаемых, энергетических и естественновозобновимых ресурсов.

Это важнейший район внутреннего рыболовства, охотничьи угодья богаты пушным зверем, пернатой дичью, дикими копытными. Так, в 1971 г. наш округ сдал государству «мягкого золота» на 3,9 млн. рублей, из них на 0,5 млн. рублей дикой пушнины. <...> Торговля пушниной на черном рынке резко сказалась на плане заготовок охотничьей продукции в целом по округу. Если в 1961 г. заготовливалось выдры 608 шкурок, то в 1971 г. только 29, соболя в 1961 г. – 5 936, то в 1971 – 3 737»¹⁹⁹. Суммарные потери в данном случае составили практически 89 000 рублей, при средней стоимости шкурок 37,5 и 30, 5 рублей за штуку²⁰⁰.

Активность надзорных органов росла, но не достигала желаемого результата. Согласно материалам о деятельности окружной охотоинспекции, в 1973 г. работниками госохотинспекции было зафиксировано 140 нарушений, общий ущерб составил 6 702 рубля, сумма штрафов составила всего 3 265 рублей²⁰¹; в 1974 г. было зафиксировано 135 нарушений, нанесенный ущерб составил 3 520, сумма наложенных штрафов равнялась 3 464²⁰²; в 1979 г. было обнаружено 201 нарушение, сумма наложенных штрафов равнялась 6 680 рублям; в 1984 г. нанесенный ущерб составил 1 076 рублей, сумма наложенных штрафов – 280 рублей. Как следует из представленных данных, количество зафиксированных правонарушений возросло, но достаточно часто отмеченные факты браконьерства рассматривались в рамках административного наказания, а наложенный штраф порой даже не покрывал нанесенного ущерба, орудия охоты в большинстве случаев оставались у нарушителей.

Следует сказать, что в реальности принятые нормативно-правовые акты практически не работали. Об этом ярко свидетельствует выступление председателя Кондинского районного совета Всероссийского общества охраны природы В. И. Струженко на заседании окружной конференции

---

¹⁹⁹ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 398. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 23.

²⁰⁰ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 6. Оп. 1. Д. 385. Л. 61.

²⁰¹ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 876. Л. 3.

²⁰² Там же Л.16.

ВООП в г. Ханты-Мансийске 1 декабря 1972 г., где он приводил пример того, что «районный охотоинспектор совместно с окружным охотинспектором потратили целый месяц, чтобы поймать браконьеров, они причинили ущерб охотничьему хозяйству на 12 тысяч рублей, а им дали одному условно 1 год, второму 6 месяцев. А после этого позвонили в Кондинский совхоз, чтобы их зачислили штатными охотниками»²⁰³.

Работниками окружной госохотинспекции отмечались случаи неоднократного нарушения охотничьего законодательства теми, кто должен был с ними бороться. Так, в большинстве случаев нарушителями оказывались не только егеря, но и члены окружных обществ охотников и рыболовов.

Основным же недостатком возросшего числа случаев браконьерства было то, что крайне редко дела доходили до суда. Большая их часть рассматривалась, как уже отмечалось ранее, в административном порядке, при этом средняя сумма штрафа составляла порядка 45 рублей²⁰⁴. Рассматривая же характер нарушений охотничьего законодательства, стоит сказать, что в большинстве случаев это была охота в запрещенные сроки, а также охота без охотничьего билета²⁰⁵.

Основным способом борьбы с браконьерством оставалась просветительская работа не только органов госохотинспекции, но и охотоведов совхозов и госпромхозов. Работники выступали по радио, в средствах массовой информации, читали лекции как на собраниях обществ охотников и рыболовов, так и в образовательных учреждениях.

Еще одним направлением деятельности органов охотнадзора по борьбе с браконьерством стала активизация более тесного взаимодействия с работниками милиции, а также развитие системы общественных охотинспекторов, поскольку штатным сотрудникам не всегда удавалось в

---

²⁰³ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 398. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

²⁰⁴ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 97а. Л. 7.

²⁰⁵ Там же. Д. 95. Л. 19.

полной мере охватить всю подотчетную территорию. Об эффективности работы общественных охотинспекторов можно судить по следующим данным: «за 1979 года в Ханты-Мансийском районе выявлено 201 нарушение правил и сроков охоты. Из них работниками службы охотнадзора – 99, обществом охотников – 29, общественными охотинспекторами – 43, милицией – 15, лесоохраной – 1, госпромхозом – 6, коопзверопромхозом – нет, рыбоохраной – 8. Общее количество конфискованных у нарушителей ружей – 132. Наложено штрафов на сумму 6 680 рублей, предъявлено исков на 7 417 рублей»²⁰⁶. Таким образом, практически половину правонарушений раскрывали работники общественных охотинспекций.

Также стоит отметить, что отрасль испытывала постоянный дефицит финансовых средств. Материальное обеспечение охотничьих хозяйств было во многих случаях неудовлетворительным. Согласно материалам постоянной комиссии по охране природы Ханты-Мансийского окружного совета трудящихся депутатов и президиума Окружного Совета Всероссийского общества охраны природы, старшим охотоведом округа неоднократно указывалось на необходимость «просить окрисполком войти с ходатайством перед республиканскими органами:

- об укреплении материально-технической базы охотничье-промысловых хозяйств, обеспечении их транспортом повышенной проходимости;
- об увеличении заготовительных цен на промысловую пушнину на 100-150%, а также наценок на нее на 80–150 %;
- о сокращении размеров авиатарифа на 50 %»²⁰⁷.

О необходимости повышения закупочных цен и снижения тарифов на авиаперевозки в северных регионах говорилось повсеместно. Так, в Красноярском крае «для повышения материальной заинтересованности охотников в промысле исполком просил увеличить наценки на промысловую пушнину, добытую в рамках выполнения плана с 50 % до 100 % и добытую

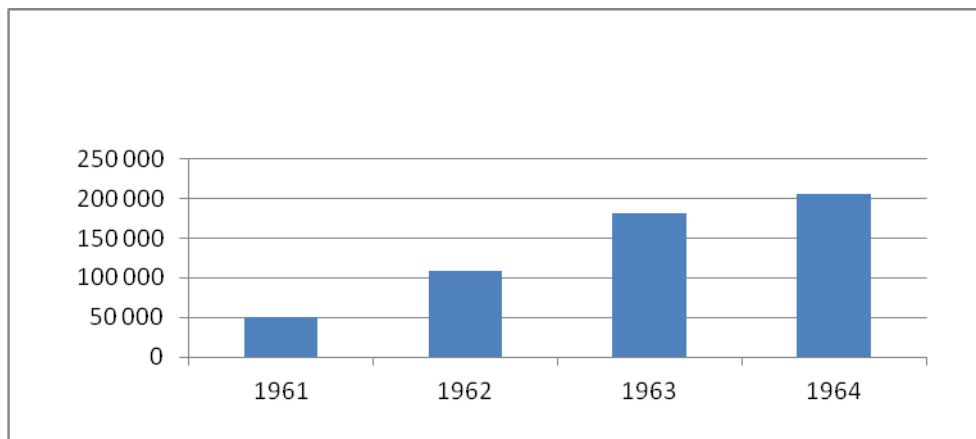
²⁰⁶ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 876. Л. 26.

²⁰⁷ Там же. Ф. 398. Оп. 1. Д. 8. Л. 81, 82.

сверх плана с 20 % до 50 %.<...> Исполком Таймырского окружного совета народных депутатов просил Госплан РСФСР снизить существующие для промысловых хозяйств тарифы на авиаперевозки, чтобы при помощи авиации завозить промысловиков на отдаленные охотничьи участки и вывозить мясо оленей с мест добычи»²⁰⁸.

Похожая ситуация наблюдалась в сфере рыбного хозяйства. Со второй половины 1960-х гг. прослеживалась тенденция к снижению объемов улова. Во многом отрицательная динамика показателей рыболовства была связана с проведением буровых работ (после выполнения которых продукты бурения сбрасывались в водоемы), активной нефте- и газодобычей, а также многочисленными авариями на трубопроводах, все это серьезно ухудшало состояние водных бассейнов²⁰⁹.

Отсутствие контроля за деятельностью организаций, занимающихся добычей и охраной рыбных ресурсов, приводило к хищениям денежных средств в значительных объемах. В качестве примера можно привести результаты проверки деятельности Росохотрыболовсоюза (рис. 3).

Рис. 3. Объем хищений денежных средств на предприятиях Росохотрыболовсоюза в первой половине 1960-х гг.²¹⁰

²⁰⁸ Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Организация охотничьего промысла в северных районах Красноярского края (1971–1991 гг.) // Вестник КрасГАУ. Красноярск. 2014. № 9. С. 250.

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 5089. Л. 5.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 4821. Л. 14.

Анализ данных показывает, что объем хищений за четыре года вырос в столько же раз. Это говорит об отсутствии контроля за деятельностью рыбодобывающих и рыбоохранных организаций.

Установленные Нижнеобьгосрыбводом планы работы инспекций рыбоохраны по ряду важных пунктов не выполнялись. В качестве примера нарушения основных пунктов планов можно привести выдержку из годового отчета о деятельности инспекций рыбоохраны за 1964 г. по Ханты-Мансийскому автономному округу: «Не выполнен 16 пункт плана – не проведена паспортизация рыболовных участков по той причине, что списки по распределению рыбоводоемов окончательно не утверждены Нижнеобьрыбводом»²¹¹. Частично выполнялся 14-й пункт данного плана, основная цель которого заключалась в установлении контроля за сбором отработанных ГСМ с каждого судна²¹². При этом на практике часто были случаи, связанные со сливом отработанных материалов в водоемы.

Активное развитие нефте- и газодобычи также приводило к тому, что в районах разработки месторождений происходили различного рода техногенные аварии, связанные с попаданием нефтепродуктов в речные и озерные водоемы. В результате этих происшествий наблюдались не только масштабные загрязнения водоемов, но и гибель рыбных ресурсов.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период на региональном уровне вопросы охраны и воспроизводства рыбных ресурсов слабо контролировались. Как показывали результаты проверок организаций, занимавшихся промыслом рыбы, многими из них нарушались требования, применяемые к орудиям лова, значительное количество водоемов не использовалось в их деятельности, не проводились дноуглубительные и мелиоративные работы, не соблюдались сроки лова рыбы. Как следствие этих фактов можно отметить, что рыбным запасам региона наносился

---

²¹¹ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 319. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.

²¹² Там же Л. 35.

серьезный ущерб. Гибло значительное количество молодняка особо ценных пород рыб, многие водоемы загрязнялись нефтепродуктами²¹³.

В постановлении окружной конференции Всероссийского общества охраны природы от 1 декабря 1972 г. отмечалось, что «большой ущерб рыбным запасам наносится загрязнением вод нефтепродуктами в районах открытия и разработки нефтяных и газовых месторождений, при заправке малых судов и с мелких нефтебаз»²¹⁴.

На заседании постоянной комиссии по охране природы Ханты-Мансийского окружного совета депутатов трудящихся и президиума окружного совета ВООП 24 июня 1975 г. после выступления делегата от НГДУ «Сургутнефть» было решено вынести «Рекомендации руководству НГДУ «Сургутнефть» <...> принять меры по недопущению загрязнений водоемов, предотвращению открытого фонтанирования нефти, прорывов трубопровода, разливов нефти и нефтепродуктов при испытании и ремонте скважин»²¹⁵.

О деятельности НГДУ «Нижневартовскнефть» на заседании постоянной комиссии по охране природы Ханты-Мансийского окружного совета депутатов трудящихся и президиума окружного совета ВООП 18 сентября 1975 г. отмечалось, что «до сих пор не устранены сбросы воды с озера Самотлор в рыбохозяйственные водоемы, где содержание нефтепродуктов превышало [допустимые значения] от 10 до 12 раз»²¹⁶.

Возрастающий уровень загрязнения промысловых водоемов отмечался и работниками инспекций рыбоохраны. Так, старшим инспектором рыбоохраны Ханты-Мансийского района В. И. Захаровым на заседании Ханты-Мансийской окружной конференции Всероссийского общества охраны природы 5 января 1976 г. сказано, что «особенно крупный сброс был допущен в августе 1975 года, при прорыве нефтепровода Нижневартовск-

---

²¹³ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 319. Оп. 1. Д. 24. Л. 38.

²¹⁴ Там же. Ф. 398. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

²¹⁵ Там же. Д. 4. Л. 16.

²¹⁶ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 398. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

Сургут на 8 км и Нижневартовск-Куйбышев на 10 км. Вся вылившаяся нефть около 2 тысяч тонн попала в протоку Мега (одна из основных протоков Оби в районе Нижневартовска – прим. Мостовенко М. С.), вследствие чего имела место массовая гибель рыбы. За массовую гибель рыбы в протоке Мега с НГДУ «Нижневартовскнефть» им. В. И. Ленина был взыскан ущерб 86,5 тысяч рублей»²¹⁷. Это привело к тому, что протока Мега была выведена из хозяйственного оборота на очень длительный срок.

Согласно материалам отчета о деятельности Ханты-Мансийского окружного совета Всероссийского общества охраны природы, только в течение лета 1975 г. на предприятиях нефтяной промышленности было зафиксировано 4 крупных инцидента, связанных с обширным нефтяным загрязнением. Из материалов отчета о деятельности окружного совета ВООП за 1975 г. можно привести следующие примеры: «В 1975 г. НГДУ «Нижневартовскнефть» допустило сброс более 3,5 млн. куб. м. воды из озера Самотлор в реку Вах с содержанием нефтепродуктов, превышающих от 8 до 24 раз нормы допустимой концентрации для рыбохозяйственных водоемов.

6 августа 1975 г. куст 800. Ими было вылиты 50 тонн нефти в реку Пойк. Случай произошел по вине работников, ведущих сварочные работы, которые оставили открытой задвижку. 17 августа 1975 г. 400 тонн нефти в результате прорыва нефтепровода на Урьевской НПС попало в протоку Ганжеево (г. Сургут). Этот случай произошел по вине администрации предприятия. В июне НГДУ «Сургутнефть» после промывки нефтепровода, в районе товарного парка (Федоровское месторождение) сбросило воду с нефтью в «Остяцкий живец» площадью более 2 га. Рыбному хозяйству нанесен ущерб в сумме 200 тыс. рублей, а богатейший водоем выведен из строя»²¹⁸.

Многочисленные аварии на месторождениях, связанные с разливом нефти, низкий уровень работы инспекторов рыбоохраны с представителями

---

²¹⁷ Там же. Л. 39.

²¹⁸ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 398. Оп. 1. Д. 4. Л. 64.

общественных и властных структур, а также несовершенство текущих правил рыболовства серьезно подрывали состояние рыбных запасов²¹⁹. В качестве примера можно привести сброс около трехсот тонн нефти в Вампугольскую протоку предприятием № 1 управления «Мегионнефть» или слив свыше 500 тонн дизтоплива управлением № 18 строительного треста города Сургута в Обь²²⁰. Кроме того, серьезную опасность представляли сбросы неочищенных промышленных вод с предприятий, расположенных выше по течению Оби и Иртыша.

В данный период активизируют свою деятельность созданные в 1965 г. постановлением Совета Министров СССР комитеты народного контроля. Органы народного контроля со второй половины 1970-х гг. начинают создаваться на предприятиях нефтяной промышленности. В их задачу входил контроль за выполнением закона «Об охране природы в РСФСР». Деятельность данных комитетов позволяла вскрывать нарушения, в особенности, если это касалось сброса ядовитых веществ в водоемы.

К борьбе с загрязнением водоемов от нефтепродуктов и к контролю за деятельностью нефтегазовых предприятий в 1970-е гг. подключаются общественные организации. В дополнение к привлечению общественности в 1976 г. на предприятиях Главтюменьнефтегаза начинает внедряться система водоохраных мероприятий, которая предусматривала ввод в строй водоочистных сооружений.

Комитеты народного контроля отмечали, что «почти все крупные предприятия Миннефтепрома, Миннефтегазстроя и других министерств и ведомств разрабатывают годовые водоохраные мероприятия и согласовывают их с инспектирующими организациями. <...> На всех предприятиях, имеющих очистные сооружения, осуществляется лабораторный контроль за сбросом сточных вод»²²¹.

---

²¹⁹ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 319. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.

²²⁰ Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М., 2008. С. 164.

²²¹ ГБУТО ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 701. Л. 31.

Однако по данным окружного совета Всероссийского общества охраны природы, «на разрабатываемых месторождениях Главтюменьнефтегаза продолжают гореть многочисленные факелы, на которых ежегодно сжигается более 10 миллиардов кубометров попутного газа на сумму более 300 млн. рублей, а на нефтепромыслах растет количество аварийных выбросов нефти, сбрасывается более 27 млн. куб. метров неочищенных сточных вод, в результате чего выводятся из строя основные рыбохозяйственные водоёмы, олени пастбища, охотугодя, малые реки, снижается численность ценных видов пушных зверей, пород рыб»²²².

На отчетной конференции Всероссийского общества охраны природы, проходившей в Ханты-Мансийске в марте 1986 г., были отмечены следующие факты: «В Нижневартовском районе на Нижневартовском месторождении работает НГДУ «Стрежевойнефть» в 1984 г. происходили аварии на нефтепромыслах, сброс подтоварной воды производился в водоемы. В результате чего выведены из строя нагульные площадки для рыб и нерестилища на площади 15 600 гектаров <...>.

С 16 по 23 августа 1985 г. в результате аварии на скважине Р-129 происходило открытое фонтанирование, вследствие чего на поверхность водосбора р. Камчинской и Малого Салыма попало 5 тысяч тонн нефти. После принятых мер по сбору нефти, в водоемах еще осталась 61 тонна нефти»²²³. По замечанию старшего научного сотрудника Уральского центра Академии наук СССР В. М. Шишмарева на XIII Ямало-Ненецкой конференции Всероссийского Общества охраны природы, только в Ямало-Ненецком автономном округе ежегодно из хозяйственного оборота выпадало более 2 000 тонн рыбы, при этом 60 % промысловых рыб терялось из-за загрязнения²²⁴.

---

²²² ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 3991. Оп. 1. Д. 123. Л. 9.

²²³ ГБУТО ГАСПИТО Ф.3991. Оп.1. Д.104. Л.62.

²²⁴ Там же Л.129.

Масштабное нефтяное загрязнение водоемов Севера Западной Сибири привело к тому, что уже к 1986 г. «в реке Обь и Обской губе, являющихся местом зимовок сиговых рыб и осетровых, концентрация нефтепродуктов и фенолов в отдельных местах во много раз превышала предельно допустимые нормы. Если же говорить в масштабе всего Обского бассейна, то уловы рыбаков Томской области сократились за последнюю четверть века в три раза, Тюменской примерно вдвое»²²⁵.

Анализируя принимаемые государством меры, направленные на создание нормативно-правовой базы природопользования, а также охрану биологических ресурсов, можно сделать вывод о том, что на практике они слабо работали. Законодательные акты во многом принимались по принципу «ad hoc». Природоохранные меры ужесточались и реализовывались лишь после крупных аварий или нарушений.

Таким образом, во второй половине XX в. остро встал вопрос о необходимости активного включения государства в природоохранную деятельность. В 1950-е гг. на Севере Западной Сибири необходимо было уделить особое внимание борьбе с пожарами, нерациональными рубками, загрязнением рек при лесосплаве и борьбе с браконьерством. Бурное развитие ЗСНГК уже к концу 1960-х гг. привело к еще большему обострению экологических проблем на Севере.

В 1960-е гг. – середине 1980-х гг. ухудшение качества окружающей среды приводило к тому, что десятками принимались различные решения «партии и правительства» об усилении природоохранных мероприятий, но они, практически, очень мало влияли на природопользование в регионе. Природоохранное законодательство существовало на бумаге. Эффективное его использование тормозилось отсутствием реально действующих механизмов воздействия на нарушителей. В первую очередь финансовых и правовых механизмов. Согласно материалам о деятельности региональных

---

²²⁵ ГБУТО ГАСПИТО Ф.3991. Оп.1. Д.104. Л.145.

отделений Всероссийского общества охраны природы, большая часть обязанностей по охране водоемов ложилась на органы надзора, а также общественные комитеты народного контроля и организации наподобие «голубых патрулей».

Резюмируя вышесказанное, следует сказать, что на самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и освоению ресурсов региона. В научных отчетах начала 1960-х гг. анализировались перспективы развития не только нефтяной и газовой промышленности, но и гидроэнергетики и транспортных связей. Также делался упор на развитие лесной и рыбной промышленности, промыслового хозяйства.

Однако именно «... наличие в недрах северной части Западной Сибири крупных запасов полезных ископаемых, коренным образом изменило представление об этом районе, как малоперспективном для хозяйственного освоения»²²⁶. Ни огромные запасы лесных ресурсов, ни колоссальные возможности рыболовства, пушной охоты и оленеводства «коренным» образом не изменили малоперспективный для государства экономический статус региона. Это смогли сделать только нефть и газ. Их изучение и освоение стало первоочередной задачей научных организаций, партийных и хозяйственных властей всех уровней в рассматриваемый период. Научное изучение проблем традиционных отраслей хозяйства рыболовства, охоты и оленеводства при всех «декларациях» о важности этой деятельности объективно оказывались на периферии государственных интересов.

Тем не менее осуществлялась научная и научно-практическая деятельность по изучению биологических ресурсов. Ее генеральная линия заключалась в строгом научном обосновании интенсификации традиционных отраслей по трем основным направлениям: проведение промысла в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических

---

²²⁶ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 12.

мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре – разведению наземных и водных животных и растений.

В вопросах охраны биологических ресурсов государство «самоустранялось», передавая свои природоохранные функции обществу. Очевидно, это связано с тем, что экологические проблемы не рассматривались государством как первоочередные. Соответственно, на решение данных проблем не выделялось нужное количество государственных средств и материальных ресурсов. Эта нагрузка перекладывалась государством на общественные организации.

Глава 2. Освоение биоресурсов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

2.1. Коренные малочисленные народы Севера Западной Сибири в системе советской экономики и социальной сферы во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

Начавшееся индустриальное освоение региона не могло не затронуть сложившийся образ жизни коренных малочисленных народов Севера, тесно связанного с освоением биологических природных ресурсов. Пришедшая модернизационная волна изменила облик рассматриваемой нами территории. В рамках изменившейся реальности хантам, манси и ненцам пришлось искать свое новое место на индустриальном Севере.

Проблема использования природных биологических ресурсов Севера рассматривалась в контексте коренного улучшения ведения промысловых отраслей хозяйства. Как уже отмечалось в первой главе, в решениях съездов КПСС, других официальных документах подчеркивалась необходимость планирования народного хозяйства и руководства хозяйственными процессами на строго научных основах. Генеральным направлением в подъеме сельского хозяйства решениями Пленумов ЦК КПСС в 1964–1965 гг. была признана его интенсификация²²⁷.

Для Севера это имело особое значение. Традиционные формы хозяйствования на этой территории рассматривались государством, научным сообществом как экстенсивные. Как мы уже говорили ранее, оленеводческие, промысловые хозяйства планировалось переводить на интенсивные формы хозяйствования. Эта задача рассматривалась не только как сугубо производственно-экономическая. Ее решение должно было «произвести

---

²²⁷ Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 18.

революцию в производстве, быту и культурной жизни коренного населения»²²⁸.

Коренные малочисленные народы Севера их образом жизни явно не вписывались в «европоцентричные», индустриально заданные стандарты оседлости как высшей формы хозяйствования, товарно-денежных отношений, «цивилизованного» быта. Культурная дистанция была очень велика. Это делало коренные малочисленные народы Севера объектом постоянной внутренней колонизации. Перефразируя А. Эткинда, «есть культурная дистанция – есть колониальная ситуация»²²⁹. Ее и пыталась преодолеть советская власть через «социалистическую реконструкцию» северного промыслового хозяйства, экономико-отраслевые аспекты которого более подробно будут рассмотрены во втором параграфе данной главы.

В интенсификации сельского и промыслового хозяйства Севера центральная задача заключалась во всемерной экономии живого труда на основе механизации и автоматизации производственных процессов. Предполагалось, что помимо повышения производительности труда механизация приобщит народы Севера к новым видам техники и будет способствовать переходу к современным методам ведения хозяйства. Это обогатит их материальную и духовную культуру.

Важную роль в развитии сельского и промыслового хозяйства сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». Именно этот документ дало начало проведению политики укрупнения северных хозяйств. Укрупнение колхозов и организация совхозов на базе экономически слабых колхозов произошли благодаря данному постановлению. В результате число сельхозартелей сократилось с 1

---

²²⁸ Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 18.

²²⁹ «Нет культурной дистанции – нет колониальной ситуации». Эткинд А. Русская литература, XIX век: роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 111.

444 в 1953 г. до 300 в 1966 г., рыболовецких артелей – с 600 до 250. Одновременно число совхозов разных направлений возросло с 50 до 200. Было организовано свыше 50 государственных и кооперативных промысловых хозяйств²³⁰.

Следующие шаги на пути к интенсификации хозяйства коренных северных народов были предприняты в 1961 г. в рамках реализации постановления Совета Министров РСФСР № 877 «О преобразовании рыболовецких колхозов и сельскохозяйственных артелей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской области в совхозы и другие государственные и кооперативные хозяйства», только в Шурышкарком районе Ямало-Ненецкого национального округа было создано два совхоза и пять рыбоучастков Кушеватского рыбзавода²³¹.

Ханты, манси и ненцы в одночасье из коллективных землепользователей превратились в государственных рабочих. Определенные социально-экономические причины таких решений, конечно, были. Ликвидировались мелкие нерентабельные хозяйства (то есть колхозы), рабочие стали получать гарантированную заработную плату, которая была выше, чем в колхозах, социальные гарантии (отпуска, пенсии по старости). В совхозах улучшилось снабжение промышленными и продовольственными товарами. С другой стороны, это привело к излишней концентрации и централизации хозяйства. Людей сселяли в крупные усадьбы. Это способствовало запустению значительных промысловых пространств, оторванности большого количества рыбаков от промысловых участков, необходимости осуществлять лов рыбы экспедиционным способом. Рыбаки проводили много месяцев вдалеке от семьи и собственного жилья, по большей части, в очень плохих социально-бытовых условиях.

---

²³⁰ Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 12.

²³¹ Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. М., 2015. С. 109.

При этом необходимо подчеркнуть, что подобные реформы были не единичны и во многом характерны для региона в 1960-е гг. Такая тенденция отмечалась известным этнографом, доктором исторических наук, а в 1960-е гг. младшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР, Зоей Петровной Соколовой, которая в то время находилась в этнографической экспедиции в этом районе. В своем полевом дневнике З. П. Соколова отмечает следующее: «Надо сказать, что в последние годы в Тюменской области проходят постоянные реорганизации – бесконечные укрупнения колхозов, преобразование их в совхозы, промхозы, переводы центров колхозов из одного поселка в другой.<...> К этому надо добавить, что советские и партийные работники Ямало-Ненецкого национального округа сейчас ждут, что вот-вот начнется строительство Салехардской ГЭС, и тогда снова все переменится. Это дезорганизует многих и не дает возможности вплотную, с ясной перспективой на будущее, заняться вопросами подъема хозяйства. Реорганизацию колхозов в совхозы и рыбоучастки затрудняет также и развитие ряда традиционных отраслей – охоты, оленеводства»²³².

Меры по развитию традиционных хозяйств коренных народов Севера очень часто принимались ситуативно, без комплексной проработки. На территории Ямало-Ненецкого округа это выглядело так: «реорганизация колхозов в совхозы и рыбоучастки имела своей целью шире привлечь коренное население (особенно женщин) к рыбодобыче и рыбообработке, чтобы избавиться от необходимости тратить большие средства на вербовку рабочих. Однако практически этой цели пока не удалось достигнуть. Положение во многом осталось прежним (рыбоучастки Азовский, Шурышкарский, Мужевский, Горковский). Привлечь же женщин из коренного населения не удастся до тех пор, пока не будет организована широкая сеть детских учреждений»²³³.

---

²³² Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. М., 2015. С. 112.

²³³ Там же. С. 113.

Подобная негативная ситуация в начале 1960-х гг. была характерна не только для рыболовства. Если говорить об охотничьей отрасли, во многом являвшейся основой хозяйства коренных жителей Сибирского Севера, то начавшаяся реорганизация также повлияла на нее негативным образом.

В качестве примера можно привести выдержку из докладной записки «О современном положении хантов Шурышкарского района Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области», подготовленной З. П. Соколовой: «Охота в районе, как и во всем округе, развивается слабо <...> Никто не заботится о росте кадров охотников, об освоении охотничьих угодий. Сселение коренного населения в крупные поселки привело к тому, что ряд охотугодий не осваивается <...> Бросается в глаза также и то обстоятельство, что в округе и в районе очень мало специалистов охотничьего хозяйства, их почти нет среди советских и партийных руководителей. В основном это – специалисты рыбной промышленности и сельского хозяйства. Естественна поэтому недооценка ими значения охотничьего промысла»²³⁴.

Общее положение коренных народов существенно не изменилось и после принятия новых конституций. Согласно положениям конституций СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. бывшие северные национальные округа преобразовывались в автономные²³⁵. Управление созданными субъектами стало регламентироваться принятым 25 июня 1980 г. законом СССР «Об основных полномочиях краевых, областных советов народных депутатов, советов народных депутатов автономных областей и автономных округов»²³⁶.

---

²³⁴ Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. М., 2015. С. 116.

²³⁵ Конституция СССР 1977 г.; URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения : 15.02.2016); Конституция РСФСР 1978 года; URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения : 20.02.2016).

²³⁶ Народы Советского Севера. М., 1991. С. 80.

Данный нормативно-правовой акт определял полномочия и компетенции советов народных депутатов различного уровня. Однако анализ этого документа показал, что большая часть полномочий, связанных с основными сферами существования региона, относилась к ведению областных и краевых советов народных депутатов. Согласно 26 статье этого закона, «полномочия Совета народных депутатов автономного округа определяются Законом об автономных округах и соответствующими актами законодательства Союза ССР и союзной республики. Закон об автономных округах принимается Верховным Советом союзной республики.

Совет народных депутатов автономного округа утверждает текущие и перспективные планы экономического и социального развития и бюджет автономного округа, руководит подчиненными ему государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями, а также осуществляет другие полномочия, предусмотренные настоящим Законом, если они не отнесены законодательством непосредственно к ведению краевого, областного Совета народных депутатов»²³⁷.

К компетенции Совета народных депутатов автономного округа относилось руководство предприятиями и другими организациями, расположенными на территории округа, а также планирование. Материально-техническая база автономного округа переносилась в ведение окружного Совета, который также отвечал за распределение финансов. В реальности оказывалось, что создание Совета народных депутатов автономного округа не несло практической пользы и значительное количество производственных вопросов, в том числе и связанных с существованием коренных народов, оставалось в ведении областных организаций. На практике это приводило к тому, что в центральных органах слабо представляли себе ситуацию на местах.

---

²³⁷ Об основных полномочиях краевых, областных советов народных депутатов, советов народных депутатов автономных областей и автономных округов : Закон СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 27. С. 23 – 27.

Следующим документом, призванным оказать положительное влияние на жизнь коренных народов Севера, стало принятое 7 февраля 1980 г. совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», где отмечалось, что «еще не в полной мере используются имеющиеся возможности для дальнейшего развития оленеводства, охотничьего, рыбного и зверобойного промыслов. Существующая система ведения оленеводческо-промыслового хозяйства не позволяет полностью использовать преимущества оседлого образа жизни»²³⁸.

Как отмечают исследователи, подобная ситуация, когда органы власти автономного округа практически не имели самостоятельных полномочий и находились в полном подчинении у областных ведомств, приводила к негативным последствиям. В частности, по замечанию специалистов, «большим тормозом в экономическом развитии северных хозяйств было и то, что в области сбыта продукции они зависели от различных организаций, подчинявшихся не местному руководству сельского и промыслового хозяйства, а вышестоящим инстанциям. <...> Средства, выделяемые на планомерное социально-экономическое развитие территорий расселения народов Севера, оседали в области или крае, а автономные округа получали госдотации для покрытия убытков совхозов. Северные хозяйства были лишены права самостоятельного распределения капитальных вложений, развития своих обрабатывающих производств и сбыта продукции»²³⁹.

Созданные и в последующем реорганизованные совхозы и колхозы в конечном счете оказывались малопродуктивными. Поскольку в них в основном должны были трудиться представители коренных национальностей, которые из-за низких заработков были мало заинтересованы в эффективной деятельности. «В то же время традиционные отрасли (олeneводство, охота) заброшены, в них не хватает людей, удельный

---

²³⁸ Народы Советского Севера. М. : Наука, 1991. С. 81 - 82.

²³⁹ Там же. С. 86.

вес дохода по этим отраслям в общем доходе падает. Надо отметить, что в ряде случаев убыточность хозяйства связана с плохой организацией и ведением его»²⁴⁰.

Также «недостаток» производственной культуры среди представителей северных народов отмечался и известным этнографом Н. В. Лукиной, проводившей свое исследование в Александровском районе Томской области: «В последние годы в связи с начавшейся здесь разработкой нефтяных месторождений происходит переход части коренного населения в промышленную сферу труда. При этом большинство хантов-рабочих не отказывается вполне от традиционных видов занятий и нередко увольняется с работы для заготовки рыбы и охоты на пушного зверя. Таким образом, в занятиях хантов в настоящее время наблюдается сочетание традиций и новых видов труда. Заметим, что хантам, не вполне понимающим значимость непрерывного стажа труда и стажа работы на одном предприятии, такое сочетание традиционных и новых видов труда представляется вполне рациональным»²⁴¹.

Отдельного внимания заслуживают и те производственные организации, в которых трудились представители коренных народов. Так, в национальных округах в силу сложившейся традиции комплексности ведения хозяйства существовало многообразие форм хозяйственной деятельности.

В Ханты-Мансийском национальном округе существовали «рыбозаводы с рыбоучастками, рыболовецкие артели, сельскохозяйственные артели, промхозы, государственные охотничьи хозяйства»²⁴². При этом, на наш взгляд, вполне справедливо сделанное З. П. Соколовой в своей докладной записке, составленной по результатам этнографической экспедиции в национальные округа Тюменской области, замечание о том, что

---

²⁴⁰ Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. М., 2015. С. 120.

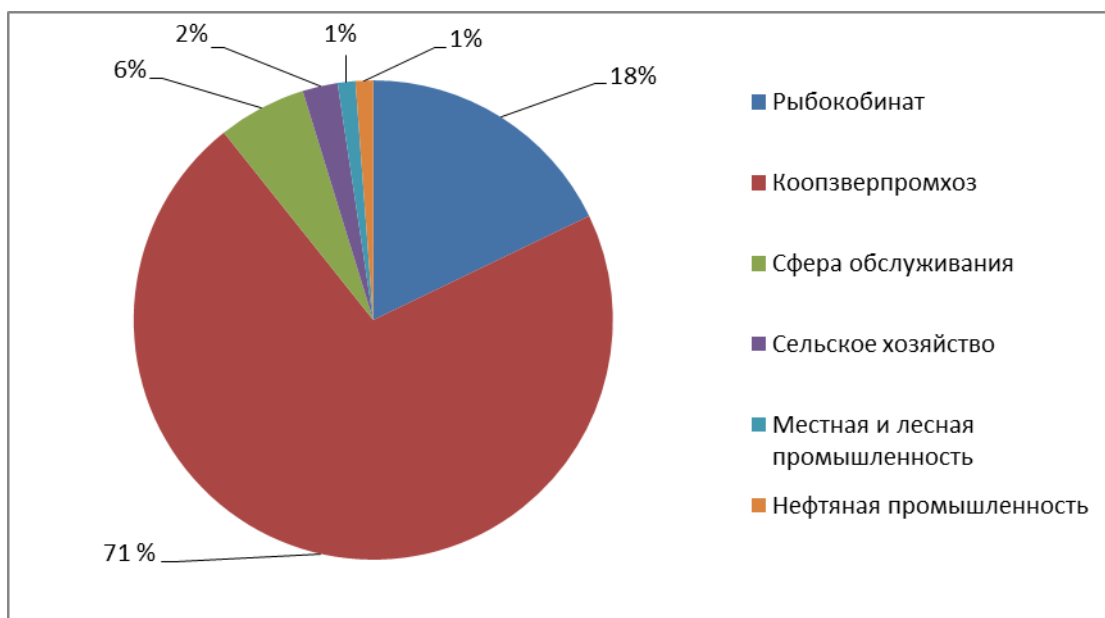
²⁴¹ Лукина Н. В. Традиции и инновации в культуре хантов Томской области. Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 1. С. 239.

²⁴² Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. М., 2015. С. 183.

столь значительное многообразие форм организаций затрудняет управление ими, при этом данная ситуация усугубляется и тем фактом, что подчинялись они различным ведомствам²⁴³.

Говоря о включенности коренного населения в сферу производства в регионе, следует сказать, что по данным районного совета народных депутатов Сургутского района «по состоянию на 1 июня 1978 г. занято в сфере производства местного коренного населения около 900 человек, в том числе рыбокомбинате более 150 человек, коопзверпромхозе – более 600 человек, сфере обслуживания – более 50 человек, сельском хозяйстве – более 20 человек, местной и лесной промышленности – более 10 человек, около 10 человек в нефтяной промышленности»²⁴⁴ (рис. 4).

Рис. 4. Занятость коренного населения по сферам производства

Подобное процентное соотношение наглядно демонстрирует, что большая часть коренного населения была, так или иначе, связана с привычными им отраслями хозяйства: охотой и рыболовством. Кроме того, реализуемая, государством политика, связанная с переводом кочующего населения на оседлый образ жизни, позволяла использовать коренное население в развитии местных отраслей хозяйства.

²⁴³ Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. М., 2015. С. 183.

²⁴⁴ Научный Архив Сургутского краеведческого музея. Ф. 04. Оп. 1. Д. 16. Л. 63.

По данным районного совета народных депутатов Сургутского района, «из более 2,5 тыс. жителей коренного национального населения ведут оседлый образ жизни около 1 700 человек... И около 1 000 человек национального населения ведут кочующий образ жизни, проживают в юртах. В основном занимаются промыслом пушнины, отстрелом боровой дичи, диких копытных, выловом рыбы из местных водоемов, сбором дикоросов. За 2,5 года текущей пятилетки по району выловлено около 6 тыс. тонн, что составляет более 25 тыс. туб рыбных консервов»²⁴⁵.

В справке о работе Сургутского коопзверпромхоза по развитию производства и повышению материального и культурного уровня жизни национального населения отмечалось, что «из общего числа рабочих и служащих 603 чел. лиц коренной национальности, из которых 374 занято в пушном и рыбном промыслах, 127 на сборе и переработке дикорастущих, 8 в оленеводстве и 79 на заготовке, переработке леса, транспорте и вспомогательных хозяйственных работах. За 1977 г. выловлено 5 100 центнеров рыбы при плане 5 тысяч, вылов на рыбака увеличился на 13 центнеров и составил 70 центнер»²⁴⁶.

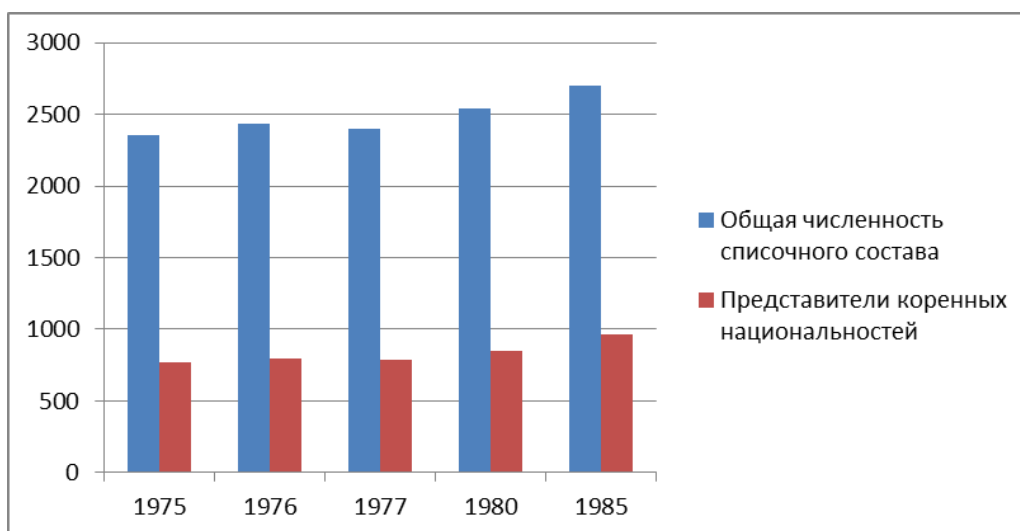
Как ранее отмечалось, благодаря индустриальному развитию региона, представители ханты, манси и ненцев стали активнее включаться в экономику региона, в особенности в сфере рыбного и охотничьего хозяйства. Об этом свидетельствуют и архивные данные. Анализ материалов о состоянии производственной базы и жилищно-бытовых условий национального населения, занятого в сфере материального производства в Сургутском районе показывает, что за период с 1975 по 1985 гг. доля коренного населения, занятого в производственной сфере, только по Сургутскому району возросла на 25 %²⁴⁷ (рис. 5).

---

²⁴⁵ Научный Архив Сургутского краеведческого музея. Ф. 04. Оп. 1. Д. 16. Л. 63.

²⁴⁶ Там же. Л. 82.

²⁴⁷ Там же. Л. 99.

Рис. 5. Доля коренного населения в производственной сфере по Сургутскому району

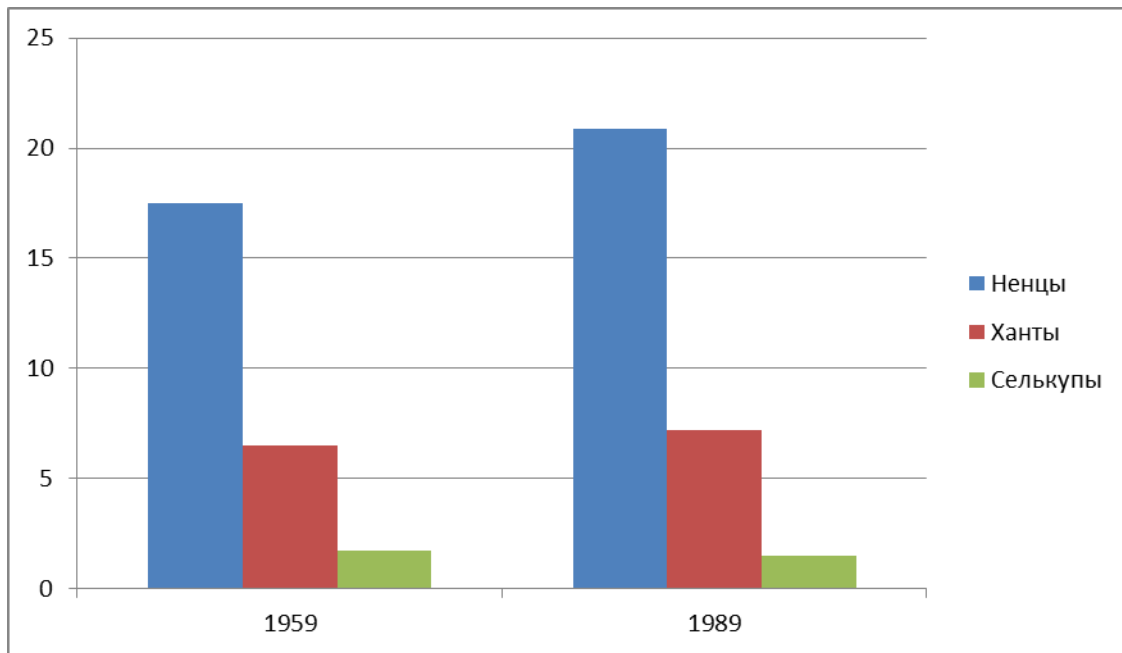
Информация из архивных источников свидетельствует о том, что большая часть представителей коренных малочисленных народов Севера в основном трудилась на предприятиях, связанных с рыбодобычей и охотой. Однако здесь также были определенные трудности. Наиболее проблематично стоял кадровый вопрос. Это касалось как управленческих, так и производственных кадров. Так, в справке о работе Сургутского коопзверпромхоза отмечалось: «Руководящими кадрами и специалистами на центральной усадьбе и в отдаленных коопзверпромхозах укомплектован полностью. Однако большинство из них работают лишь по году и менее, не знают местных условий жизни, быта и специфики труда коренного населения, пока не владеют обстановкой. Естественно хозяйственные вопросы в период отсутствия директора решаются неквалифицированно, либо вообще не находят решения»²⁴⁸.

Происходившие с регионом перемены не могли не сказаться и на демографическом аспекте рассматриваемой нами проблемы. В северных регионах с начала 1960-х гг. значительно увеличивается количество мигрантов из других районов РСФСР в силу выбранной государством

²⁴⁸ Научный Архив Сургутского краеведческого музея. Ф. 04. Оп. 1. Д. 16. Л. 82.

вахтовой и вахтово-экспедиционной модели освоения Западно-Сибирского Севера.

В Ямало-Ненецком округе численность мигрантов удвоилась, а в Ханты-Мансийском округе выросла в 4,6 раза²⁴⁹. Кроме того, за 30 лет форсированного нефтегазового освоения Севера Западной Сибири только в Ямало-Ненецком автономном округе общая численность представителей коренных народов возросла на 15 % (рис. 6).

Рис. 6. Изменение численности представителей коренных народов Ямало-Ненецкого автономного округа (тыс. чел.)

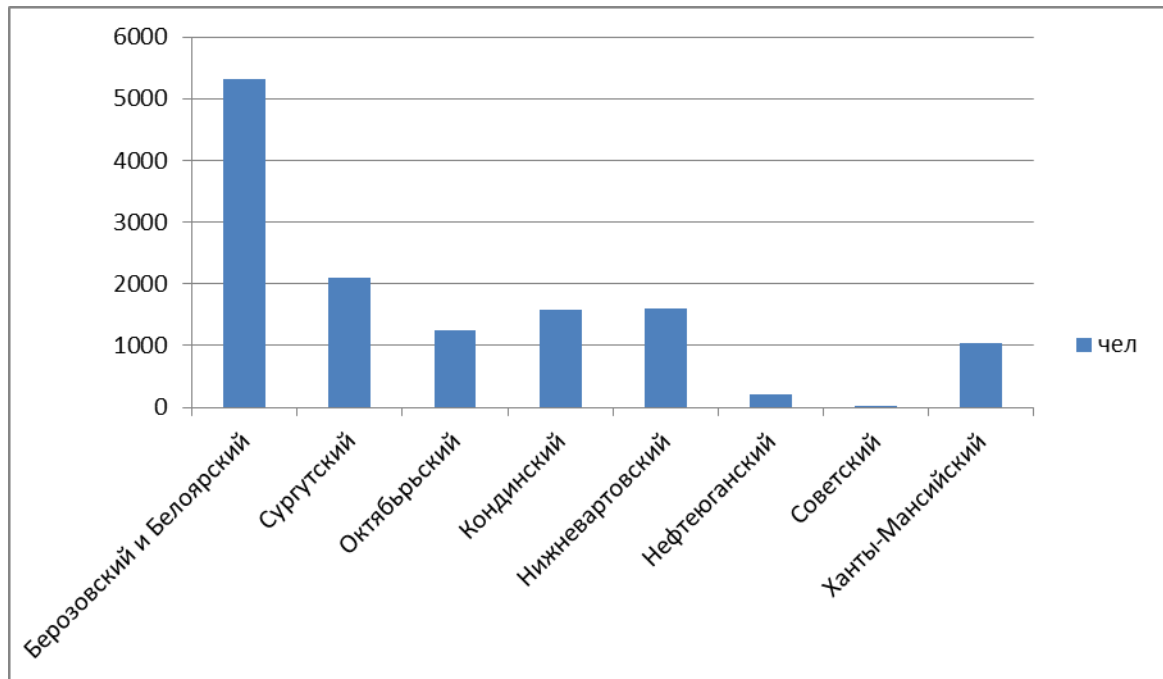
Если в 1959 г. на территории Ямала проживало 25,7 тыс. человек коренных национальностей, из них: 17,5 тыс. чел. – ненцы, 6,5 тыс. чел. – ханты, 1,7 тыс. чел. – селькупы, то в 1989 г. общая численность увеличилась до 29,9 тыс. чел.: 20,9 тыс. чел. – ненцы, 7,2 тыс. чел. – ханты, 1,5 тыс. чел. – селькупы²⁵⁰. В соседнем Ханты-Мансийском автономном округе общее количество коренного населения составляло на 1989 г. 19 598 человек²⁵¹. По районам ситуация выглядела следующим образом: Березовский и Белоярский районы – 5 323 чел., Сургутский – 2 097 чел., Кондинский – 1 591 чел.,

²⁴⁹ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 383.

²⁵⁰ Народы Советского Севера. М. : Наука, 1991. С. 152.

²⁵¹ Там же. С. 167.

Нижневартовский – 1 600 чел., Октябрьский – 1 239 чел., Ханты-Мансийский – 1 035 чел., Нефтеюганский – 209 чел., Советский – 21 чел.²⁵² (рис. 7).

Рис. 7. Численность коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа по районам на 01.01.1988 г.

Происходившие демографические изменения нашли отражение и в социальной структуре населения Обского Севера. Так, по мнению американского историка и этнографа Ю. Л. Слезкина, основной причиной изменения социальной структуры северного общества, а значит и изменения социальной структуры промысла заключались в следующем: «не имея отношения к индустриализации (а значит, и к всемогущим центральным министерствам) ни в качестве источника рабочей силы, ни в качестве поставщиков продовольствия, поселения и стойбища коренных народов стали экономически «нежизнеспособными», следовательно, бесполезными. Министерства, занимавшиеся экономическим развитием Севера, не отвечали перед местной администрацией, а местная администрация, всецело зависевшая от выполнения плана, не отвечала на требования коренного

²⁵² Народы Советского Севера. М., 1991. С. 167 - 168.

населения, которое обеспечивало ничтожно малую долю региональной продукции»²⁵³.

Таким образом, становится очевидно, что на необходимость реформирования социальной сферы для нужд коренных национальностей окружные органы управления смотрели как на нерациональную и не требующую пристального внимания. Это тезис подтверждает и тот факт, что реализуемая в национальных округах политика перевода на оседлость в итоге оказалась мало результативной, несмотря на то, что на ее осуществление были выделены значительные средства.

Только по одному Шурышкарскому району Ямало-Ненецкого национального округа в период с 1951 по 1960-й гг. для представителей коренных национальностей было построено 1 300 новых домов на общую сумму 1,4 млн рублей²⁵⁴. При этом ханты, манси и ненцы, как правило, редко жили в предоставленных дома, предпочитая ставить свои чумы вблизи на участках. В связи с этим часто в национальных поселках преобладали иждивенческие настроения, связанные с тем, что представители общественности порой чрезмерно «опекали» национальные поселки, а также низкого уровня санитарно-гигиенических навыков. Как следствие последнего, представительницы общественности, в частности, мыли полы в хантыйских домах²⁵⁵.

Приведем еще пример: «Местная администрация, похоже, считала это нормальным положением дел: если туземные женщины имели право на более продолжительное пребывание в роддомах (до 30 дней); туземные дети росли в школах-интернатах на полном содержании, а туземные студенты вузов получали бесплатные билеты на проезд к месту учебы в дополнение к бесплатному жилью, питанию и одежде, то не было ничего удивительного в том, что со взрослыми туземцами (которые, согласно распространенному

---

²⁵³ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 383.

²⁵⁴ Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. М., 2015. С. 127.

²⁵⁵ Там же.

мнению, никогда не становятся взрослыми в полном смысле слова) обращаются как с вечными подопечными государства»²⁵⁶.

Рассматривая в данном контексте судьбу коренных народов Севера, стоит подчеркнуть, что ханты, манси, ненцы и другие малые народы невольно становились еще и средствами пропаганды преимуществ советского образа жизни. Согласно материалам исполнительного комитета Сургутского районного совета народных депутатов, «на состоявшейся 21 сентября 1978 г. седьмой сессии окружного совета народных депутатов в своих выступлениях депутаты вынесли предложения по селению коренных национальностей из мелких пунктов в перспективные развивающиеся поселки»²⁵⁷.

Также практическую значимость несет письмо № 4/266 от 12.05.1978 г., направленное из областного исполнительного комитета ЦК КПСС в Сургутский райисполком, где сообщалось следующее: «В последние годы за рубежом возрос интерес к жизни и быту народностей севера, к проблемам развития их экономики и культуры.

В связи с этим Совет Министров РСФСР своим письмом от 02.03.78 № 254516 рекомендует провести определенную работу по приведению в соответствующий порядок национальных населенных пунктов, определенных для показа иностранным делегациям, общественных и жилых зданий, их территорий и т. д.

По поручению руководства облисполкома отделом по народностям Севера разработаны «Мероприятия по показу иностранным делегациям достижений в развитии экономики и культуры народностей Севера за годы советской власти»²⁵⁸. Данный комплекс мер включал в себя действия по улучшению обслуживания коренного национального населения.

---

²⁵⁶Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 416.

²⁵⁷ Научный Архив Сургутского краеведческого музея. Ф. 04. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.

²⁵⁸ Там же. Л. 46.

Это подтверждается справкой о торговом обслуживании коренного национального населения Сургутского района: «Растет завоз товаров национального спроса таких, как лодочные моторы «Вихрь», ружья ИЖ «ТОЗ», боеприпасы, лодки «Казанка», «Обь», «Прогресс», платки национальные, бисер и другие товары»²⁵⁹. Однако вместе с тем в данном документе отмечается, что: «Разъездная торговля в летний период по обслуживанию рыбаков и охотников поставлена не на должном уровне»²⁶⁰.

В рамках анализируемых нами социальных последствий промышленного развития Севера Западной Сибири особого внимания заслуживает то, что начавшееся строительство нефтегазопроводов часто вынуждало местное население менять обжитые территории. Всесоюзное объединение «Тюменьгазпром», активно строя газопроводы, не предусматривало в своих финансовых затратах средства на строительство нового жилья для коренных жителей хантов и манси.

Например, исполком сургутского районного совета направлял материалы товарищу Е. Н. Алтунину – начальнику всесоюзного объединения «Тюменьгазпром» о необходимости включения в план строительства газопроводов Комсомольского месторождения Сургут–Тобольск–Челябинск, затрат, связанных с переносом жилья 20 семей охотников-ханты для сургутского рыбоконсервного комбината и коопзверпромхоза. Объединение «Тюменьгазпром» отказало в просьбе райисполкома, мотивируя тем, что актом выбора площадки под строительство не предусмотрен снос.

Кроме того, положительного решения также требовал «вопрос о переносе жилья и охотизбушек в Тром-Аганском сельском совете, оказавшихся в центре работ по обустройству Холмогорского месторождения нефти, так как автодороги, железнодорожная магистраль, линия электропередач, нефтепроводы проходили по охотничьим угодьям, что вынуждало промысловиков сниматься и уходить в поисках других

---

²⁵⁹ Научный Архив Сургутского краеведческого музея. Ф. 04. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.

²⁶⁰ Там же. Л. 24.

промысловых мест, отдаленных от мест обустройства вахтовых поселков и дорог»²⁶¹.

Тем не менее даже обращения органов советской власти в лице облисполкома и райисполкомов о необходимости таких затрат не имели положительной силы.

Это вынуждало промысловиков отправляться в труднодоступные места в поисках новых угодий, следствием чего становилось удорожание полученной продукции и увеличение потерь от транспортировки к местам ее приема. Кроме того, перевод на оседлость коренных жителей северных регионов приводил к тому, что разрывались культурные связи внутри общин. Дети, которые воспитывались в интернатах, по возвращению домой практически не могли или уже не хотели заниматься охотой и рыболовством, что неизбежно снижало численность профессиональных кадров в хозяйственных организациях региона, связанных с добычей биологических ресурсов. Общая ситуация усугублялась ещё и тем, что в результате экстенсивного промышленного освоения многие представители коренных народов «лишались своих угодий, традиционных мест обитания, национальной культуры и родного языка»²⁶².

Таким образом, несмотря на принимаемые государством меры по включению коренных жителей в процесс индустриального развития региона, данные попытки оказывались неэффективными. Вместе с тем реформирование традиционного образа жизни коренных народов привело к тому, что уровень их благосостояния существенно снизился, что в итоге привело к негативным социальным последствиям.

Создание специальных интернатов для детей коренных жителей приводило к тому, что они, возвращаясь домой, не имели навыка ведения традиционного хозяйства, жизни в тайге и тундре. Поэтому часто уезжали в города. В результате этого, как свидетельствуют исследователи, «возник

---

²⁶¹ Научный Архив Сургутского краеведческого музея. Ф. 04. Оп. 1. Д. 16. Л. 175.

²⁶² Народы Советского Севера. М., 1991. С. 79.

разрыв поколений, утрата передачи промыслового опыта и опыта традиционной культуры. Дети перестали говорить на родных языках. С ликвидацией традиционных мелких деревень и переселением в новые дома стала быстро разрушаться и забываться национальная культура. Та часть населения, которая переехала в укрупненные поселки (центры сельсоветов, совхозов и колхозов), оторвалась от традиционного хозяйства, которое к тому же стало постепенно сокращаться»²⁶³.

Так, в рамках экспедиции, проведенной сотрудниками сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии АН СССР под руководством З. П. Соколовой в Ямало-Ненецком национальном округе Тюменской области в 1971 г. отмечалось, что «...в целом уровень жизни населения Сынского с/с ...за последние 10 лет изменился мало. <...> поголовье личных оленей за прошедшие 10 лет выросло на 1 152 головы, но не надо забывать, что и число хозяйств по сельсовету тоже выросло за это время на 31. В среднем на хозяйство сейчас приходится по 19 оленей, это значительно ниже минимальной нормы оленей на семью, установленной в Ханты-Мансийском национальном округе для хантов и манси рыбаков и охотников (25–30 оленей). Заметим, что в Ямало-Ненецком округе для оленеводов норма оленей в личном хозяйстве – 70 голов»²⁶⁴.

Интенсивное промышленное освоение региона негативно отражалось на хозяйстве коренных народов. На сессии районного совета народных депутатов, состоявшейся 15 июня 1978 г., в рамках вопроса «Задачи местных советов по дальнейшему улучшению жизненного уровня народов Севера – коренного национального населения в связи с подготовкой к 50-летию образования ХМАО» говорилось, что: «Более сложная задача стоит сейчас по оленеводству. Если 5 лет назад в хозяйстве КЗПХ имелось свыше 3 тыс. голов, то сейчас только 1 400 голов <...> Распространение деятельности

²⁶³ Народы Советского Севера. М., 1991. С. 179, 180.

²⁶⁴ Соколова З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах. М., 2015. С. 285.

нефтегазодобывающей, лесной промышленности, увеличения объемов геологоразведочных работ на территории района заставило перекочевать стада оленей в Пуровский район Ямало-Ненецкого округа. Базировка их находилась севернее оз. Пякуто, но и это временно, так как строительство железнодорожной магистрали Сургут–Уренгой вынуждает перекечевывать оленей еще дальше вглубь соседнего округа»²⁶⁵.

Кроме того, масштабное развитие нефтегазового промышленного комплекса привело в итоге к постепенному свертыванию традиционных промыслов коренного населения и его миграции в укрупняющиеся поселки. Результатом этого процесса стало то, что на местах промысла отмечался недостаток профессиональных кадров, а в поселках постепенно складывался слой нетрудоспособного населения. При этом бывшие рыбаки и охотники, занимавшиеся данным промыслом всю свою жизнь, были вынуждены искать себе другой источник заработка.

По замечанию Ю. Слэзкина, «с 1959 по 1979 гг. удельный вес коренных северян, занятых неквалифицированным «черным» трудом (уборщиц, грузчиков, сторожей), вырос с 13 до 30 %, а в богатых нефтью и газом Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах – до 30–60 % (в некоторых совхоза – до 90 %)»²⁶⁶. Подобная негативная ситуация складывалась в местах сселения коренных народов. Так, по данным, предоставленным З. П. Соколовой, «типичное поселение коренных народов могло обеспечить работой около трети своих обитателей (остальные пополняли ряды управленческого и подсобного персонала с весьма скромными обязанностями)»²⁶⁷.

Говоря о проблемах, которые возникли у представителей коренных малочисленных народов Севера, следует выделить несколько причин.

---

²⁶⁵ Научный Архив Сургутского краеведческого музея. Ф. 04. Оп. 1. Д. 16. Л. 63.

²⁶⁶ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 416.

²⁶⁷ Там же.

Одна из основных причин была связана, по замечанию известного советского исследователя Северных народов А. И. Пики, «с той политикой (точнее, отсутствием сколько-нибудь целенаправленной и научно обоснованной политики), которая проводится в отношении коренного населения»²⁶⁸. Выход из сложившейся ситуации виделся не только в предоставлении местному коренному населению большей самостоятельности, но и в том, что «надо постепенно свертывать нерентабельное, нехарактерное для Севера производство – молочнотоварные фермы, арктическое свиноводство и т. п. Целесообразно поощрять и внедрять семейный подряд, особенно в оленеводстве, арендные договоры и другие формы кооперации»²⁶⁹.

В число факторов, оказавших негативное влияние на жизнь коренных народов, входит чрезмерная патерналистская политика советского государства. По замечанию В. Н. Скалона, «она (советская власть – прим. М. С. Мостовенко) обращалась с туземцами словно молодая неопытная кошка со своим единственным котенком: желая его сберечь, таскает по всем углам до тех пор, пока тот не испустит дух от заботы... Отголоском этого и были постановления 1950-х гг. о «сселении и оседании» коренных народностей Севера, о «преодолении кочевого образа жизни»²⁷⁰.

Государственная политика по отношению к коренным народам не могла быть успешной еще и в силу выбранных методов, с помощью которых она реализовывалась. Так, Ю. Г. Рычков – профессор МГУ и известный этнограф, говоря о государственной политике, отмечал следующее: «Самое парадоксальное состоит здесь в том, что эта трагедия плод благих усилий мощного, но исторически и экологически непросвещенного государства, которое вознамерилось осчастливить народ, не спрося его представления о

---

²⁶⁸ Пика А. И. Большие проблемы малых народов. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1989. № 4. С. 3.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Цит. по: Штильмарк Ф. Р. Отчет о пережитом. М., 2006. С. 84.

счастье, и решило административно-принудительными мерами обеспечить лучшую жизнь народа на началах чуждой ему цивилизации»²⁷¹.

Таким образом, процесс индустриального развития ЗСНГК привнес в жизнь коренных народов много отрицательных изменений. В итоге от активного промышленного освоения региона коренные народы Севера гораздо больше потеряли, чем приобрели. Потеря национальной культуры, масштабное загрязнение территории проживания, утрата либо сокращение родовых промысловых угодий стали платой за приобщение к «индустриальной цивилизации».

Попытка государства включить коренные малочисленные народы Севера в создававшуюся «промышленную реальность» оказалась мало эффективной в силу тех методов, какими она реализовывалась. Отсутствие учета сложившихся традиций и культурных ценностей, административные меры по переселению коренных северян, внедрение «чуждых» способов ведения хозяйства стало ключевой причиной неудачи государственной политики в этой сфере.

---

²⁷¹ Цит. по: Штильмарк Ф. Р. Отчет о пережитом. М., 2006. С. 84.

2.2. «Социалистическая реконструкция» традиционных отраслей экономики Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

Традиционные отрасли хозяйства северных территорий (охотничье хозяйство и звероводство, рыбное хозяйство, оленеводство) основывались на использовании биологических ресурсов. В данном параграфе представлен анализ экономических аспектов государственной политики освоения биологических ресурсов на Севере Западной Сибири в рамках проводимой государством «социалистической реконструкции» традиционных отраслей экономики, под которой мы будем понимать тенденции и изменения, имевшие место в деятельности охотничьих, рыболовных и оленеводческих хозяйств.

Как известно, охота является одним из древнейших и основных элементов экономики коренных северных народов. Попытки организации централизованного подхода к деятельности промысловых хозяйств, связанных с охотой, предпринимались еще в 1920–1930-е гг. Первый шаг к упорядочиванию деятельности в отрасли был сделан в октябре 1931 г. Именно в это время были созданы государственные промыслово-охотничьи станции (ПОС), позднее реорганизованные в промыслово-охотничьи хозяйства (ПОХ).

В рассматриваемых нами хронологических рамках в проблематике развития охотничьих хозяйств Севера Западной Сибири можно выделить два основных периода.

Первый период – вторая половина 1950-х гг. – середина 1960-х гг. В данном случае выделение таких хронологических рамок обусловлено тем, что до середины 1960-х гг. охота, наряду с рыболовством, являлась одной из основных форм природопользования на Севере Западной Сибири. Основной упор в развитии экономики региона делался на интенсификацию добычи как пушных, так и мясных охотничьих видов. Кроме того, в этот период

отсутствовала четкая система управления деятельностью охотничье-промысловыми хозяйствами.

Второй период – вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг. В этот период основными в экономике региона становятся минеральные ресурсы – нефть и газ. В деятельности промысловых хозяйств наблюдается процесс замедления их развития, а также снижения экономической значимости. Это обуславливается тем, что основным направлением государственной политики в регионе стала его масштабная индустриализация, включавшая в себя переход к промышленному способу организации производства.

К середине 1950-х гг. в охотничьем хозяйстве стали возникать трудности с существующей системой управления промыслом, особенно ярко это проявлялось на местном уровне. Главная проблема заключалась не только в уменьшении числа охотников, но и в крайне низкой подготовке к проведению охотоустроительных мероприятий, а также подготовка к ним самих охотников.

В материалах производственных совещаний аппарата Окрохотоуправления по Ханты-Мансийскому автономному округу за 1956 г. отмечается, что «окрохотоуправлению следует больше заниматься вопросами пушных заготовок в округе, выход пушнины в этом году плохой, водяной крысы мало, белки тоже мало, концентрацию зверя своевременно не установили, разведкой зверя заготовительной организации не занимались совершенно, заброской охотников в эти места не занимались заготовительной организации, а окрохотоуправление не выдвигало своевременно таких вопросов»²⁷².

Приведем типичный пример несогласованности действий между региональным руководством и деятельностью организаций на местах: «окрохотоуправление и охотоустроительная партия не имеет слаженности в работе и тесной увязки... заготовительные организации проводят учет не

---

²⁷² КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

совсем точный и их показатели сомнительны ... а планы лицензионных видов с каждым годом возрастают и это может привести к перепромыслу, лимит лицензий уже с прошлого года не осваивается, что можно объяснить отсутствием соболя или же плохой работой»²⁷³.

Как следует из приведенных примеров, ситуация с организацией промысла складывалась плохо. Центральное и региональное руководство было заинтересовано только в выполнении «спускаемых сверху» планов. Это могло привести (и приводило) к перепромыслу на отдельных территориях, особенно в близлежащих от населенных пунктов охотничьих угодьях. В такой ситуации рациональная организация деятельности охотничьих хозяйств, что, в общем-то, было главной задачей руководства, носила второстепенный характер. Кроме того, даже в деятельности местного руководства промыслом прослеживается узковедомственный подход. Организации, занимавшиеся заготовкой, практически не сотрудничали с представителями общественности, а также с органами лесной охраны. Создание окружных обществ охотников серьезного влияния на изменение ситуации не оказывало.

Наряду со слабой законодательной базой (о которой мы говорили ранее) и низкой организацией промысла, существовала проблема контроля за деятельностью заготовительных организаций и выделением средств на развитие отрасли²⁷⁴. Вследствие этого существенно уменьшилось количество охотников. Так, если в Тюменской области вместо необходимых 5 500 охотников насчитывалось всего 3 278 человек, то впоследствии их число сократилось до 2 615, а в Ханты-Мансийском округе, поставлявшем 60% пушнины области, промыслом занималось только 1 998 человек²⁷⁵.

---

²⁷³ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

²⁷⁴ Мостовенко М. С. Проблемы развития охотничьих хозяйств на Севере Западной Сибири в 20–60-е годы XX в. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований : материалы междунар. науч. конф. (г. Елабуга, 13–15 нояб. 2014 г.). Елабуга, 2014. С. 197.

²⁷⁵ Каплин А. А. Пушнина в СССР. М., 1960. С. 280.

Для того чтобы преодолеть данную проблему, было принято решение об изменении системы управления и создании новых форм организации промысла за счет укрупнения уже существующих колхозных бригад, стимулирования кооперации, а также создания спортивных хозяйств, где охотой могли заниматься все желающие.

Колхозные хозяйства как способ организации производства получили развитие лишь с начала 1960-х гг., когда началось реформирование отрасли с целью повышения ее рентабельности и эффективности.

За укрупнение и специализацию охотничьих колхозов выступало профессиональное охотничье сообщество. Так, в отраслевом журнале «Охота и охотничье хозяйство» отмечалось следующее: «В целях повышения экономической заинтересованности колхозов в развитии охотничьего промысла и добычи пушного зверя в таежных и тундровых районах, надлежит рассмотреть вопрос о специализации колхозов указанных районов в производстве и добыче пушнины как одной из основных отраслей колхозного общественного производства... Должны быть разработаны и осуществлены мероприятия для освоения отдаленных охотничьих угодий Севера, Сибири и Дальнего Востока путем организации звероводческих совхозов и технически оснащенных промыслово-охотничьих хозяйств»²⁷⁶.

Следует отметить, что основной акцент делался на освоение отдаленных охотничьих угодий. Это было связано не только с необходимостью расширения сети заготовок, но и для развития отдаленных регионов. Кроме того, подобное решение позволяло избежать отмечавшегося многими охотниками и охотоведами перепромысла зверя в близлежащих угодьях, а также ускорить проведение охотоустроительных работ. Особенно это касалось хозяйств Севера Западной Сибири и территорий Ханты-Мансийского национального округа.

---

²⁷⁶Щербаков А. Дадим стране больше пушнины. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1961. № 1. С. 4.

В качестве примера можно привести отрывок из передовой статьи журнала «Охота и охотничье хозяйство»: «Немало у нас в Сибири и на Крайнем Севере угодий, куда охотники давно не заглядывали. Такие районы можно назвать «целинными угодьями». Так, например, во многих местах между Подкаменной Тунгуской и Нижней Тунгуской промысловики не бывают.... Почти не освоены угодья между реками Обью и Иртышом, Кондой и Сосьвой»²⁷⁷.

Подтверждение этих слов можно найти в материалах окружного производственного совещания работников охотоустройства, где отмечалось, что общая площадь угодий только Кондинского и Самаровского районов составляла порядка 120 тыс. кв. км. На их охотоустройство предполагалось выделить всего 2 охотоведа. Кроме того, было решено включать в границы осваиваемых охотугодий территории, принадлежащие национальным колхозам, а также оленеводческие пастбища²⁷⁸.

При рассмотрении вопроса о реализации планов по заготовке отмечалось, что они зачастую не выполняются по причине халатности заготовительных организаций в округе, а также низкой трудовой дисциплины²⁷⁹. Еще одной причиной невыполнения планов была низкая концентрация зверя в близлежащих угодьях, поскольку из-за указанных ранее проблем, связанных с материально-техническим обеспечением, охотники не отправлялись в отдаленные урманы, богатые промысловым зверем.

Принятые меры по увеличению объемов финансирования, а также расширения площадей используемых угодий оказали положительный эффект на развитие отрасли. Так, в Ханты-Мансийском национальном округе 105 колхозов получили в свое пользование более 43 млн га охотничьих угодий, увеличилось число охотников, выходящих на промысел. Однако количество

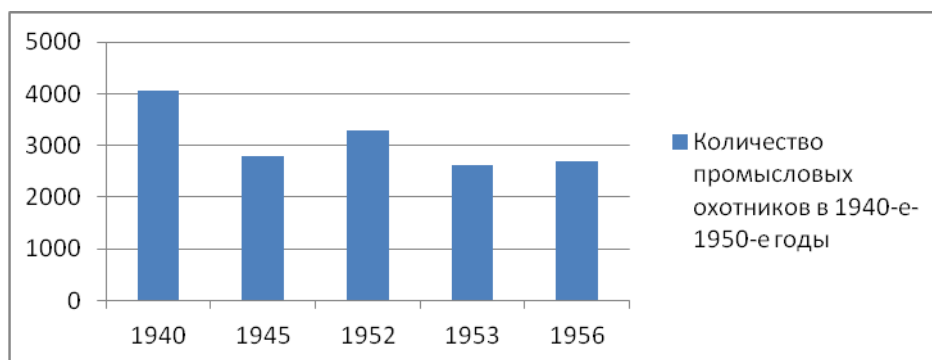
---

²⁷⁷ От редакции. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1956. № 9. С. 2.

²⁷⁸ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

²⁷⁹ Там же. Л. 15.

промысловиков, выходящих на охоту, все же было недостаточным. В Коллек-Еганском сельсовете Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа охотилось только 20 человек на площади угодий, составлявших 1,5 млн га. Динамика численности охотников в северных районах Тюменской области ко второй половине 1950-х гг. демонстрировала снижение их абсолютной численности по сравнению с предшествующим десятилетием (рис. 8).

Рис. 8. Количество промысловых охотников в 1940–1950-е гг.²⁸⁰

Говоря об организации деятельности охотничьих хозяйств, необходимо отметить, что создание кооперативных форм организации охотпромысла (о которых мы говорили в начале параграфа) вызвало неоднозначную реакцию как научного, так и профессионального охотничьего сообщества. Одна из точек зрения на рассматриваемую проблему была высказана в редакционной статье журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1961 г., где говорилось о положительном значении кооперации: «в ряде промысловых районов Якутии, Красноярского края, Тюменской, Астраханской, Магаданской и других областей организуются специализированные пушно-промысловые совхозы, которые уже в текущем году сдают пушнины на 7–8 млн рублей»²⁸¹.

Противоположная точка зрения была представлена на страницах журнала «Сельское хозяйство Сибири», также издававшегося Министерством сельского хозяйства РСФСР, где в статье В. Н. Скалона (одного из ведущих специалистов в области охотничьего хозяйства –

²⁸⁰ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.

²⁸¹ В стороне от главного. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1962. № 11. С. 49.

Мостовенко М. С.) говорилось следующее: «Кооперация же к этому делу (к охотничьему хозяйству. ред.), – пишет В.Н. Скалон, – совсем непричастна, и не ей надо выплачивать наценки, выделяемые государством для поощрения заготовок пушнины. Неуменье потребкооперации, ее неспособность возглавлять охотничье дело видны из состояния ее промхозов, которые в большинстве своем являются заготконторами, или кустпромартелями, ничего общего не имеющими с настоящим охотничьим хозяйством»²⁸².

В. Н. Скалон предлагал передать функции заготовки пушнины трем организациям: союзу охотников-любителей, государственному управлению охраны природы и охоты, а также производственной охотничьей кооперации²⁸³. Однако в скором времени спор был разрешен в пользу кооперативной организации, поскольку хозяйства данной формы показывали большую экономическую эффективность. К 1961 г. организациями потребкоопераций было заготовлено пушнины на 18 млн 516 тысяч рублей, в то время как в 1958 г. эта сумма составляла всего 7 млн 320 тысяч рублей²⁸⁴.

В предыдущей главе уже говорилось о принятии в октябре 1957 г. Советом Министров РСФСР постановления № 1177 «О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных лесах Сибири, Дальнего Востока и Севера Европейской части РСФСР»²⁸⁵.

Согласно данному постановлению, на территории РСФСР предприятиями Роспотребсоюза должно было быть организовано 94 промысловых хозяйства. На 1 января 1960 г. промысловые хозяйства имели 5,5 тысяч штатных охотника. Из них предприятиям Тюменского облпотребсоюза принадлежало всего 282 человека и не было организовано ни одного промхоза. Томским облпотребсоюзом вместо организации 10

---

²⁸² От редакции. // Сельское хозяйство Сибири. М., 1962. № 12. С. 54.

²⁸³ В стороне от главного. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1962. № 11. С. 49.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 42. Д. 7506. Л. 15.

промысловых хозяйств было создано 5 хозяйств путем переименования районных заготовительных контор в промхозы²⁸⁶.

Результаты проверки деятельности этих предприятий показали, что основные положения постановления не выполнялись. Планировалось, что промхозы будут сдавать государству пушнины до 100 млн рублей, боровой дичи – до 2 млн штук, а кедровых орехов – до 10 тыс. тонн ежегодно. Результаты выполнения данного решения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Фактическая заготовка промхозами продукции в 1958–1960 гг.²⁸⁷

Наименование	Единица измерения	1958	1959	1960
Пушнина	млн. руб. (в старых ценах)	49,4	70	77 (ожидаемое выполнение)
Кедровые орехи	тонн	2 044	1 647	4 241
Дичь	тыс. шт.	51	55	Данных нет

Приведенные количественные показатели подтверждают, что объемы заготовок существенно не выполнялись. Согласно материалам проверки, оказалось, что многие предприятия не были кооперативными. В особенности это касалось Томской и Тюменской областей, где промхозы создавались путем простой смены вывесок, в результате чего пушнина, ранее закупавшаяся райзаготконторами у частных охотников, выдавалась за пушнину, добытую промхозами²⁸⁸.

Поскольку планы заготовок промхозами срывались, то руководители на местах старались выполнить их за счет звероводческих ферм. Так, глава

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 42. Д. 7506. Л. 16.

²⁸⁷ Там же. Л. 15.

²⁸⁸ Там же. Л. 18.

Союзпушнины – А. Каплин – писал о результатах деятельности промысловых хозяйств в Тюменской области: «Вот, например, как обстояло дело с заготовками пушнины в Тобольском районе Тюменской области. Директор заготовительной конторы райпотребсоюза тов. Малышев не мог сказать ничего конкретного о заготовке пушнины по видам. Несколько позже выяснилось, что районная заготовительная контора устанавливает для низовых заготовителей (сельпо) план заготовок пушнины по сумме, а не по количеству шкурок отдельных видов. Годовой план заготовок пушнины на 10 ноября был выполнен лишь на 22 процента. Однако тов. Малышев не унывал. Он рассчитывал на то, что сдаст свыше 2 тысяч шкурок серебристо-черных лисиц, которые должны были поступить сверх плана в 1960 г. , и выполнить годовой план. Ни районные, ни областные организации не критиковали контору за слабое развитие пушного промысла и заготовок пушнины, добытой охотой... Так, два колхоза Тобольского района «Заветы Ильича» и имени Карла Маркса, насчитывающие около 800 дворов, не выделяли для пушного промысла ни одного охотника»²⁸⁹.

Приведем еще один пример: «Состояние охотничьего хозяйства в Ханты-Мансийском округе неоднократно подвергалось резкой и справедливой критике на страницах местной и центральной печати. В печатных материалах указывалось на неправильное отношение к развитию охотничьего промысла, на сокращение выхода промысловой пушнины. Чтобы закрыть свою бездеятельность, заготовительные организации выполняли план пушных заготовок за счет продукции клеточного звероводства»²⁹⁰.

Анализ вышеприведенных примеров показал, что на региональном уровне ответственность за результаты выполнения планов слабо контролировалась центральными ведомствами. С одной стороны,

---

²⁸⁹Каплин А. Недостатки организации пушного промысла // Охота и охотничье хозяйство. М., 1961. № 5. С. 4.

²⁹⁰ Агеенко П. Нам нужны охотоведы // Охота и охотничье хозяйство. М., 1961. № 8. С. 12.

руководство заготовительных организаций понимало, что выполнить план полностью они не смогут в силу существовавших финансовых и материальных проблем. С другой стороны, они не имели средств для их разрешения в полном объеме.

В первой главе уже шла речь о постановлении Совета Министров РСФСР № 53 «О дополнительных мерах по использованию природных ресурсов»²⁹¹ от 16 января 1962 г. Остановимся на результатах его выполнения подробнее. К 1965 г. было создано 74 госпромхоза в основном, в малообжитых и необжитых местах таежных и тундровых районов Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера РСФСР. Согласно материалам отчета о выполнении данного постановления, госпромхозами за период с 1962 по 1970 гг. было поставлено экономике страны продукции на 198 млн рублей, из них только на 30 млн рублей пушной продукции, чистая прибыль составила 7 млн рублей.

В целом показатели выполнения плана по заготовкам пушнины в абсолютных величинах улучшились. В качестве примера можно привести сведения о заготовках пушнины за 1964 г. по Ханты-Мансийскому автономному округу (табл. 2). Однако плановые показатели по-прежнему не выполнялись.

Таблица 2

**Сведения о заготовках пушнины за 1964 г.
по районам Ханты-Мансийского округа, тыс. руб.²⁹²**

Наименование	Березовский район	Кондинский район	Нижневартовский район	Октябрьский район	Сургутский район	Ханты-Мансийский район	Итого по округу
Пушнины-план	630,1	699,9	198	135,7	478,5	515,3	2657,5

²⁹¹ ГАРФ. Ф. А259. Оп. 32, 46. Д. 322. Л. 4.

²⁹² КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 38а. Л. 2.

Выполнено	553,6	847,9	185,4	127,2	401,7	544	2660
% выполнения	88	121,1	93,6	93,8	83,9	105,6	100,1

В качестве попытки стимулирования и развития охотничьих хозяйств в феврале 1966 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О мерах по увеличению закупок пушнины и мехового сырья»²⁹³. Основной целью этого документа было развитие материально-технической базы действующих звероводческих совхозов, а также развитие звероводческого промысла в регионах. Отдельно отмечалась необходимость «выделения организациям, осуществляющим заготовку пушнины, [...] продовольственных товаров для продажи охотникам на сезон промысла на сумму до 50 процентов стоимости закупаемой у них пушнины»²⁹⁴.

Данная мера должна была не только стимулировать развитие охотопромысла, но и способствовать экономическому развитию промысловых хозяйств. Насколько она оказалась эффективной, можно судить по отчетам проверки региональных промохототделений.

По результатам проверки одного из ведущих пушных районов Ханты-Мансийского автономного округа – Кондинского – было установлено, что работа охотхозяйств находится на достаточно высоком уровне. По актам проверки эффективность Кондинского промохототделения на 1967–1968 гг. выглядела следующим образом: «на 1967 год план 60 тыс. 800 руб. фактически выполнен на 93 тыс., что составляет 152,9%. На 1968 год 72 тыс. руб. фактически выполнено на 1 октября 1968 года 42,2 тыс. руб., что составляет 58,6 тыс. руб., девятимесячный план 27 тыс. руб выполнен на 156 %»²⁹⁵. Сходные результаты продемонстрировал и Кондинский совхоз,

²⁹³ ГА РФ. Ф. А259. Оп. 45. Д. 4799. Л. 1.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 65. Л. 37.

процент выполнения плана на 1967 г. составил 106,5, на 1968 г. план выполнен на 125,4 %²⁹⁶.

Похожая ситуация с выполнением планов наблюдалась и в Октябрьском и Березовском районах, где общий план сдачи промысловой пушнины составил порядка 110 %²⁹⁷. Как следует из представленных данных, принятые постановления оказали положительное воздействие на развитие промысловых хозяйств. Однако подобные результаты не носили системного характера, а положительный эффект оказался краткосрочным.

Планы по хозяйствам регулярно не выполнялись. Так, материалы проверок заготовительных организаций, обществ охотников, магазинов по северу Тюменской области, занимавшихся охотничьей деятельностью, наглядно иллюстрируют, что лишь единичные предприятия выполняли поставленные планы (табл. 3).

Таблица 3

Результаты деятельности заготовительных организаций²⁹⁸

Название	План заготовки промысловой пушнины за 1967/1968 (руб.)	План заготовки боровой дичи за 1967/1968 (шт.)	Выполнено по промысловой пушнине за 1967/1968 (руб.)	Выполнено по боровой дичи за 1967/1968 (шт.)
Супрнское промохототделение	20 000/12 000	1 500/ 1 500	10 178/8 500	46/137
Кондинское промохототделение	60 800/ 72 000	Данных нет/1 500	93 000/42 200	Данных нет/ 239
Кондинский совхоз	4 400/4 400	Данных нет	4 636/ 5476	Данных нет
Совхоз				

²⁹⁶ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 65. Л. 40.

²⁹⁷ Там же. Д. 73. Л. 2.

²⁹⁸ Там же. Д. 65. Л. 6.

«Ильичевский»	15 600/ 15 500	Данных нет	19 300/ 7 264	Данных нет
---------------	----------------	------------	---------------	------------

Кроме того, анализ деятельности промысловых организаций, проведенный путем сравнения отчета старшего охотоведа округа за 1967 г. и указанных материалов проверки деятельности промысловых организаций, в том числе Кондинского совхоза, а также совхоза «Ильичевский» и Карымского зверосовхоза выявил, что плановые показатели и результат их выполнения значительно различаются (табл. 4).

Таблица 4

Результаты деятельности промысловых хозяйств по сдаче пушнины

Наименование	Плановые показатели на 1967 (акты проверок заготовительных организаций) ²⁹⁹ , руб.	Плановые показатели на 1967 (отчет старшего охотоведа округа) ³⁰⁰ , руб.	Результат выполнения по итогам 1967 (акты проверок заготовительных организаций), руб.	Результат выполнения по итогам 1967 (отчет старшего охотоведа округа), руб.
Кондинский совхоз	4 400	138 400	4 636	192 500
Совхоз «Ильичевский» Кондинского района	15 600	72 500	19 300	148 100
Карымский зверосовхоз	6 300	140 700	7 100	200 300

²⁹⁹ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 65. Л. 37–44.

³⁰⁰ Там же. Д. 63. Л. 2.

Кондинского района				
-----------------------	--	--	--	--

Таким образом, из табл. 4 видно, что плановые показатели и итоги их выполнения различаются более чем в 10 раз. Подобный разброс показателей производства носил во многом систематический характер. Это свидетельствует о том, что реальную эффективность промысловых хозяйств округа трудно оценить по причине пренебрежительного отношения к отчетной и учетной документации, поскольку установить точное количество добываемых животных весьма трудно.

Вышесказанное подтверждает сообщение начальника охотничье-промыслового управления Г. Сидельникова Тюменскому облисполкому, написанное после анализа присланных годовых отчетов о деятельности промысловых организаций региона, в котором, в частности, сообщалось, что «произведенный управлением анализ годовых отчетов о работе районных охотоведов, показал, что большинство охотоведов района при составлении отчета отнеслись к выполнению этой работы невнимательно, формально, лишь бы отписаться... В большей части отчетов сведения даются нереальные. Так, охотовед Тюменцев сообщает, что произведено собраний в первичных охотничьих коллективах 102, тогда как за весь 1967 г. не произвел ни одной проверки работы охотколлективов»³⁰¹. Это сообщение во многом объясняет обнаруженное расхождение данных по результатам деятельности промысловых хозяйств.

Завышение результатов выполнения плановых показателей по сдаче пушной продукции промысловыми хозяйствами как в отчетах старших охотоведов округа, так и в материалах проверяющих организаций могло быть вызвано не только формальным отношением к данным документам, но и желанием продемонстрировать «позитивную тенденцию» в развитии

---

³⁰¹ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.

охотничьих хозяйств, поскольку развивающаяся в этот период нефтегазовая отрасль представляла гораздо более высокие темпы роста.

Итак, результаты проверок промохототделений по Ханты-Мансийскому округу показали, что во многих хозяйствах продолжала сохраняться серьезная проблема с технической оснащенностью работников отрасли: нехватка боеприпасов, отсутствие достаточного количества транспорта для заброски охотников в отдаленные урманы, а также проблема выдачи лицензий на отстрел лосей и оленей.

Помимо этого в трудовых коллективах возникали серьезные проблемы с дисциплиной. «Выход охотников на промысел по Ханты-Мансийскому округу на 1/1-65 г. выглядел так: по госпромхозам при плане 139 человек выставлено 121, по коопзверпромхозам при плане 668, фактически выставлено 762 человека, а по колхозно-совхозному управлению при плане 400 человек выставлено всего только 262 человека. В целом по округу выставлено 1 224 охотника при плане 1 284, кроме того работает 211 человек охотников-любителей»³⁰².

Учитывая вышесказанное, можно говорить о том, что в 1950–1960-е гг. система охотничьих хозяйств на Севере Западной Сибири являлась одной из крупных отраслей экономики региона. При этом отрасль всегда сопровождали проблемы, связанные с экстенсивным характером развития (расширение площади угодий, укрупнение хозяйствующих субъектов в рамках государственной экономической политики), слабым материально-техническим оснащением хозяйств (нехватка либо отсутствие необходимого инвентаря и недостаточность финансирования), а также недостаточно развитой нормативно-правовой базой.

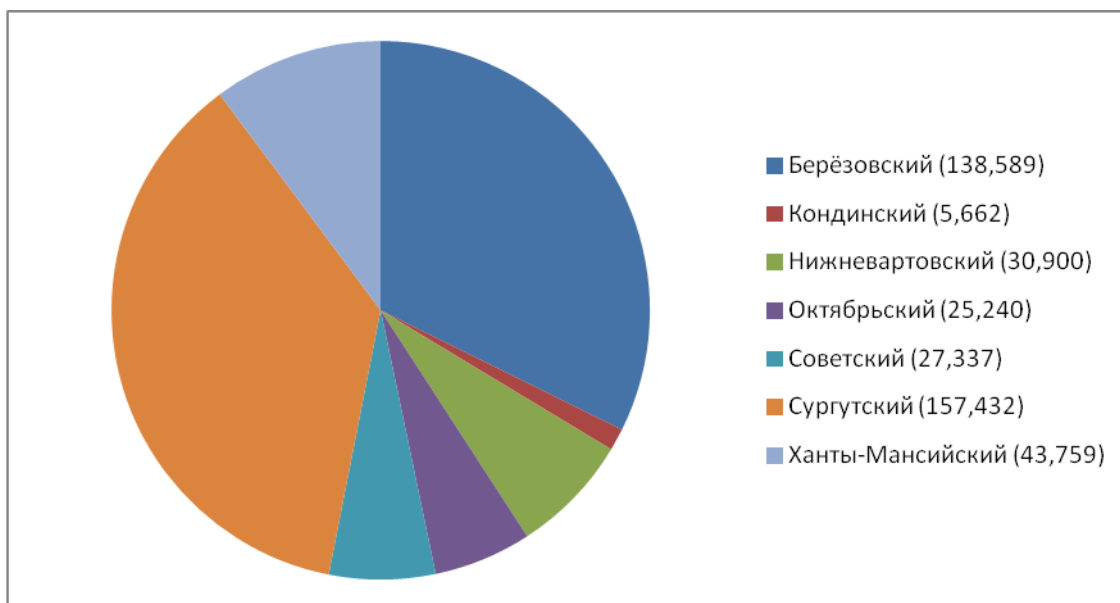
Все это свидетельствует о том, что промысловые организации не справлялись с возложенными на них обязанностями. Во-первых, потому что

---

³⁰² КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 38а. Л. 3.

их было мало, а, во-вторых, на большой промышленной территории они и не могли их выполнить. В доказательство этого приведем наглядный пример.

Общая площадь Ханты-Мансийского национального округа на начало 1970-х гг. составляла 558,1 тыс. км², из которых под нужды охотничьего промысла было выделено 534 тысячи 801 км². Внутри окружное распределение охотничьих угодий выглядело следующим образом (рис. 9)³⁰³.

Рис. 9. Распределение охотничьих угодий по районам округа, км²

Анализ полученных данных показывает, что общая площадь охотничьих угодий составляла 95 % территории региона. Это говорит о их высоком промышленном потенциале. Однако на этой огромной территории охотничьим промыслом занималось небольшое количество хозяйств. Так, «решением исполнительного комитета Тюменского областного Совета депутатов трудящихся от 10 апреля 1973 г. за № 162 охотничьи угодья всего округа закреплены за 5 коопзверпромхозами, 2 – Госпромхозами и 2 – совхозами. Со всеми хозяйствами заключены договоры на пользование охотугодьями сроком на 10 лет до 1983 г.»³⁰⁴. Целью закрепления охотничьих угодий на такой длительный срок было, прежде всего, повышение

³⁰³ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

³⁰⁴ Там же.

заинтересованности охотников в рациональном использовании промысловых животных.

Ясно, что такая низкая концентрация промысловых хозяйств для указанных площадей не позволяла в полной мере осваивать все угодья. Сходная проблема освоения обширных угодий существовала на тот момент и в США, в особенности на территории штата Аляска. Как отмечают исследователи: «Разбросанность пушного промысла на огромной территории сильно затрудняет организацию эффективного контроля над охотой. Так, штат в несколько человек не в состоянии надежно контролировать многие сотни километров бассейна р. Макензи. На всей Аляске два-три года назад насчитывалось всего 15 разъездных инспекторов «Службы охотничьего хозяйства»»³⁰⁵.

Говоря о проблеме использования охотничьих угодий региона, необходимо упомянуть о решении местного облисполкома, которое обязывало окружное общество охотников и рыболовов до 1 января 1974 г. провести мероприятия, связанные с подготовкой и заключением субарендных договоров с хозяйствами округа на право использования угодий с целью организации спортивных охотничьих хозяйств³⁰⁶.

Видимо, с одной стороны, промысловые хозяйства не справлялись с освоением всей территории охотничьих угодий региона, поскольку имеющееся количество охотников физически не могло освоить такую площадь. С другой стороны, заключение субарендных договоров с целью организации спортивной охоты означало, что происходил процесс снижения значимости охотничьего промысла как отрасли хозяйства и повышения его роли как формы отдыха (досуга).

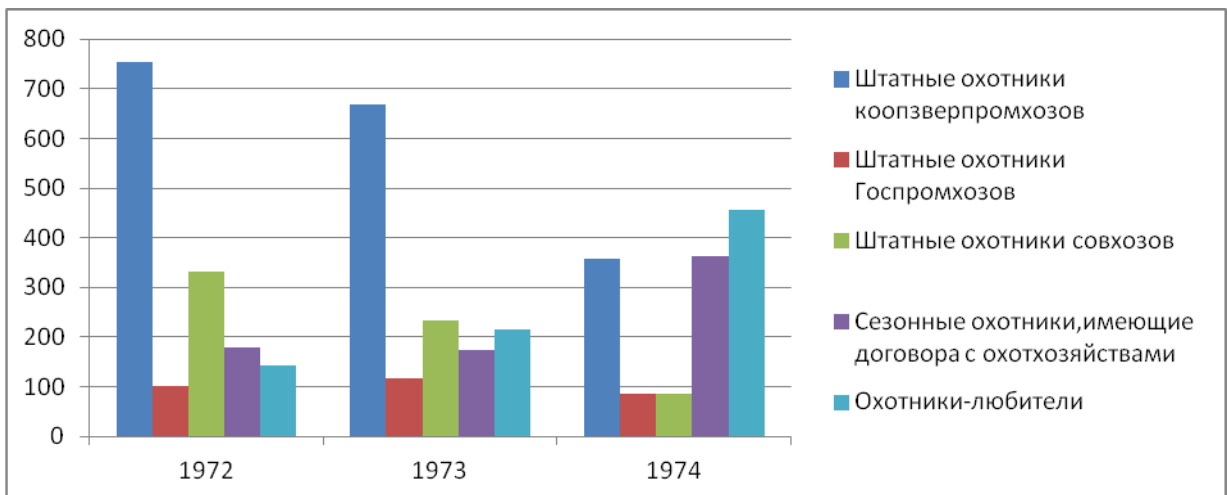
Кроме того, промысловые хозяйства региона в первой половине 1970-х гг. столкнулись с проблемой снижения численности охотничьих кадров.

---

³⁰⁵ Агранат Г. А. Энергетика, сельское хозяйство, промысловые хозяйства американского Севера. М., 1975. С. 151.

³⁰⁶ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 84. Л. 4.

Согласно материалам годового отчета Госохотоинспекции при Ханты-Мансийском окрисполкоме за период с 1972 по 1974 гг., количество охотников было следующим: 1972 г. – штатные охотники Госпромхозов 102 человека, коопзверпромхозов – 755, совхозов – 332, сезонных охотников, заключивших договоры с охотхозяйствами – 180, охотников-любителей – 142³⁰⁷; 1973 г. – штатных охотников Госпромхозов – 116, коопзверпромхозов – 668, совхозов – 234, сезонных охотников, заключающих договоры с охотхозяйствами – 174. Кроме того, присутствовало значительное число охотников-любителей, около 215³⁰⁸; 1974 г. – штатных охотников Госпромхозов – 85, коопзверпромхозов – 357, совхозов – 87, сезонных охотников – 364, охотников-любителей – 455³⁰⁹ (рис. 10).

Рис. 10. Сравнительный состав промысловых охотников за сезон 1972–1974 гг.

Анализ количественного и качественного состава работников промысловых хозяйств показывает, что основными поставщиками пушной продукции были охотники коопзверпромхозов, совхозов, охотники-любители, сезонные охотники, доля штатных охотников госпромхозов оказалась крайне незначительной. Таким образом, основной производственной формой заготовки пушнины в регионе стала промысловая

³⁰⁷ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 76. Л. 9.

³⁰⁸ Там же. Д. 84. Л. 8.

³⁰⁹ Там же. Д. 90. Л. 9.

кооперация. В дополнение к этому прослеживается отчетливая динамика, связанная со снижением количества промысловых охотников и возрастанием доли охотников-любителей, занимавшихся спортивной охотой, что, на наш взгляд, подтверждает предположение о снижении экономической значимости охотничьего промысла и повышения его роли как досуга.

Таким образом, общее количество охотников, выходявших на промысел, по-прежнему оставалось небольшим. Согласно материалам отчета Ханты-Мансийской окружной охотоинспекции за 1974 г., на промысел выходило не более двух с половиной тысяч охотников³¹⁰. Для сравнения, на территории Енисейского Севера в период с 1971 по 1975 гг. ежегодно на промысел выходило порядка 4 тысяч штатных охотников и охотников-любителей³¹¹.

Пример функционирования охотничьих хозяйств Енисейского Севера показателен, поскольку оно проходило не только в сходных природно-географических условиях, но и испытывало на себе те же процессы индустриального освоения территории. Однако здесь стоит выделить, что промысловым организациям Енисейского Севера удалось в период с 1971 по 1975 гг. сохранить контингент охотников.

Охотничьи хозяйства Енисейского Севера были технически оснащены гораздо лучше, чем на Обском Севере. «В угодьях промысловых хозяйств к началу 1976 г. уже имелось более 720 избышек, в хозяйства стали поступать снегоходы «Буран» и радиостанции, необходимые для поддержания связи с охотниками и оленеводами. За 1973–1975 гг. промысловые хозяйства Эвенкии получили 93 радиостанции типа «Гроза»³¹². В то же время в отчетах о деятельности Госохотоинспекции при Ханты-Мансийском окрисполкоме за тот же период неоднократно отмечается, что «обеспеченность охотников продовольствием, спецодеждой, охотснаряжением, оружием должна быть

---

³¹⁰ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 90. Л. 9.

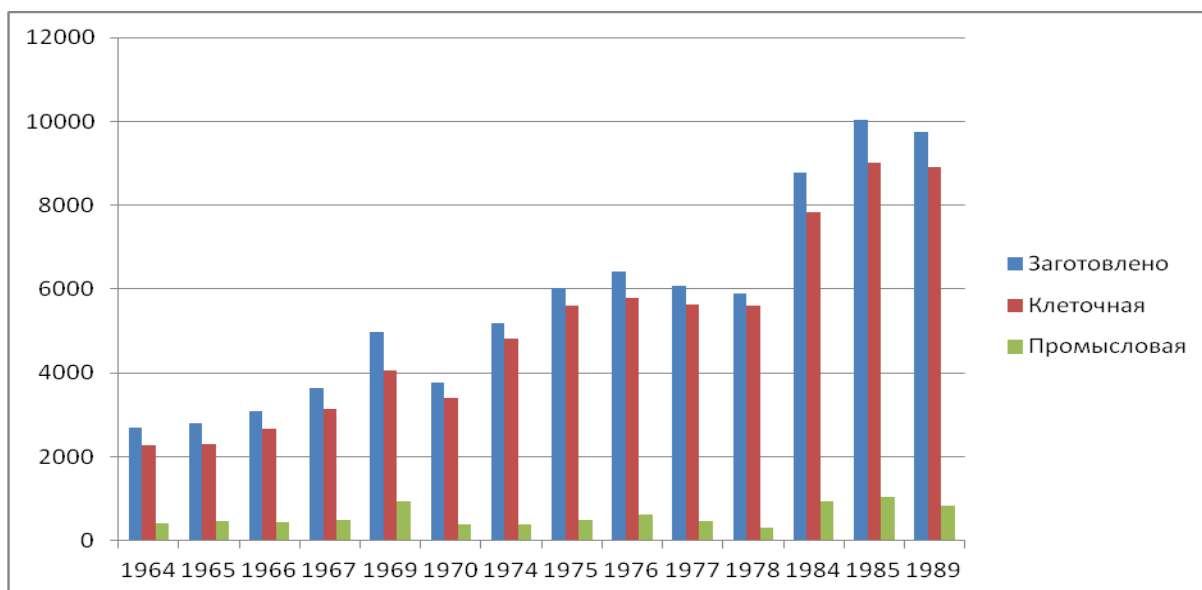
³¹¹ Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Организация охотничьего промысла в северных районах Красноярского края (1971–1991 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2014. № 9. С. 249.

³¹² Там же.

лучше. Особенно чувствуется недостаток капканов № 0-1-2, отсутствует торговля спецодеждой и вездеходным транспортом. Мало внедряется в практику завоз охотников в отдаленные охотугодия вертолетами. Нормально с транспортом обстоит вопрос в оленеводческих совхозах и хозяйствах, которые имеют транспортных оленей. В этих хозяйствах охотники ведут промысел на оленях. В остальных хозяйствах охотники на промысел добираются на лодках или пешком»³¹³.

Со второй половины 1970-х гг. в процессе заготовки пушнины наблюдалось снижение значимости охотничьего промысла. Это подтверждается данными государственного статического комитета Ханты-Мансийского округа. Так, согласно отчетам о деятельности охотничьих хозяйств в период с 1964 по 1989 гг., доля промысловой пушнины не превышала 10 %, в отличие от продукции, предоставляемой звероводческими хозяйствами (рис. 11)³¹⁴.

Рис. 11. Динамика заготовки пушной продукции в ХМАО с 1964 по 1989 гг., тыс. руб.

Из рис. 11 видно, что в рассматриваемый период объем заготовок в ценовом выражении вырос практически в 3 раза. Объемы заготовки

³¹³ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.

³¹⁴ Составлено по: КУ Государственный Архив Югры. Ф. 6 Оп. 1. Д. 184, 268, 294, 323а, 354, 452а, 474а, 544, 560, 703.

промысловой пушнины колебались, имея тенденцию к сокращению добычи. Это было вызвано не только перепромыслом в близлежащих угодьях и недоосвоенностью глубинных таежных охотоугодий. Информация об этом в отчетах окружных охотоведов и в материалах заседаний окружных отделений Всероссийского общества по охране природы³¹⁵.

Приведем наиболее яркие примеры. В своем отчете о проделанной работе за 1968 г. старший охотовед Ханты-Мансийского национального округа отмечает следующее: «В целом Ханты-Мансийский район осваивается на 50–60 %, Нижневартовский и Октябрьский на 40–50 %. Советский район осваивается не столько охотниками-штатниками, сколько браконьерами, которые приезжают из разных областей по железной дороге Ивдель-Обь. Совершенно не опромышляется по округу примерно 30 %. Охотоугодий нормально используется 50 %, перепромышляются 20 %»³¹⁶.

Следует заметить, что об этом свидетельствует и более поздний отчет старшего охотоведа Березовской госохотоинспекции за 1984 г. В нем он отмечает, что «о степени освоения охотничьих угодий при площади 13144 тыс. га. и при наличии 288 охотников, принимающих участие в охотничьем промысле, говорить не приходится. Практически не осваивается от 50 до 70 % угодий. Недопромышляются такие виды, как белка, соболь, ондатра, лось, боровая дичь»³¹⁷. Данный пример показателен еще и тем, что на уровне руководства ведомств, осуществлявших надзор за охотничьей деятельностью, отмечалось, что половина охотничьих угодий округа не использовалась нормально. При этом треть из них вообще не использовалась, а пятая часть подвергалась чрезмерной промысловой нагрузке.

Таким образом, основываясь на статистических данных и отчетной документации хозяйств, занимавшихся организацией и закупкой пушной продукции, можно сделать вывод о том, что с начала 1970-х гг. и до конца

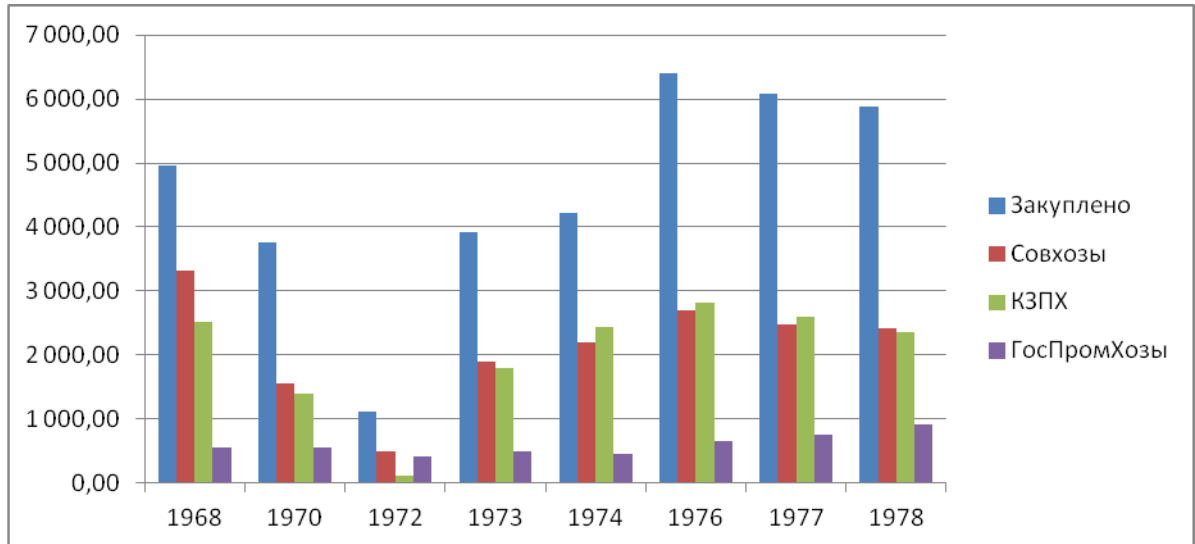
³¹⁵ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 141б. Л. 8.

³¹⁶ Там же. Д. 64. Л. 34–35.

³¹⁷ Там же. Д. 141б. Л. 8.

1980-х гг. основной формой организации по добычи и производству пушнины были звероводческие хозяйства.

Данные, показывающие вклад различных промысловых хозяйств в выполнение плана по заготовкам пушной продукции, приведены на рис. 12.

Рис. 12. Динамика заготовки пушнины по хозяйствам, тыс. руб.

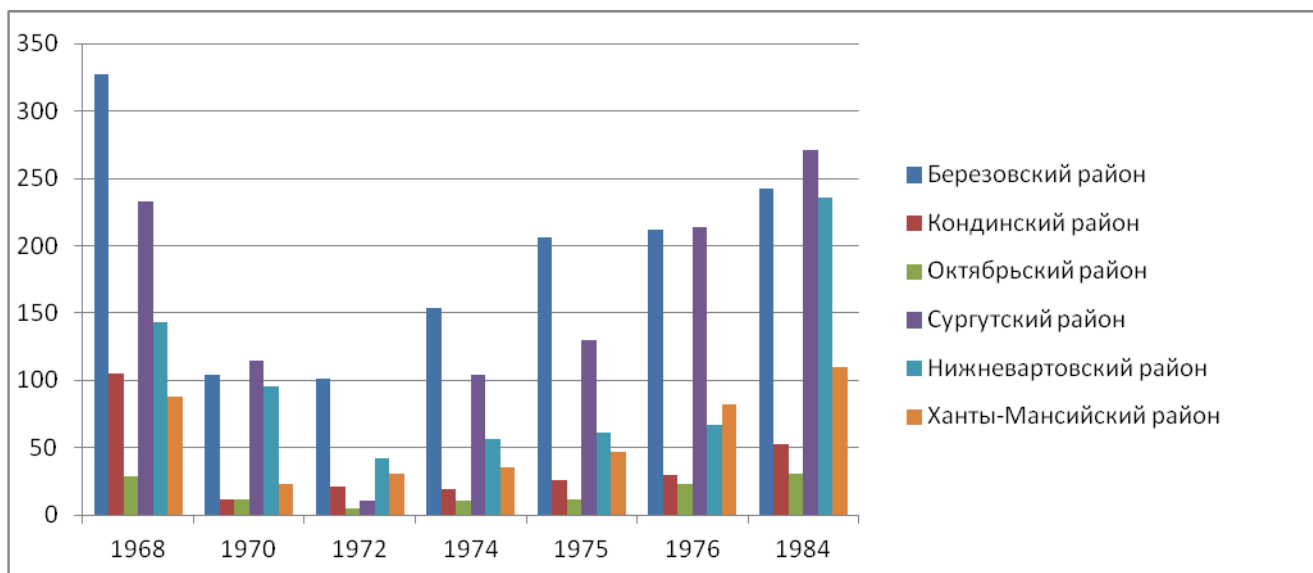
Приведенная схема показывает, что основными поставщиками продукции были совхозы и кооперативы, входившие в подчинение Министерства сельского хозяйства РСФСР и организаций потребительской кооперации. Невысокой степенью эффективности отличались государственные промысловые хозяйства, подчинявшиеся Главохоте РСФСР. Вместе с тем, говоря о репрезентативности указанных данных, необходимо иметь в виду, что они не отражают полной картины, поскольку проведенное сравнение с данными по проверке деятельности заготовительных организаций округа, выявило, что статистические данные завышены в среднем от 1 до 15 тыс. руб. по каждому типу хозяйства³¹⁸.

Следует отметить, что ситуация, связанная с ведомственной разобщенностью, не была характерна только для Севера Западной Сибири. Такая же ситуация была и в соседнем Красноярском крае, где к уже существующим заготовительным организациям был добавлен еще и

³¹⁸КУ Государственный Архив Югры. Ф. 6. Оп. 1. Д. 268. Л. 25–34.

Диксоновский рыбный завод, который тоже занимался охотничьей деятельностью и подчинялся Министерству рыбной промышленности РСФСР³¹⁹.

Более детальная динамика развития охотничьих хозяйств за период с конца 1960-х гг. до середины 1980-х гг. представлена на рис. 13.

Рис. 13. Динамика заготовки промысловой пушнины по районам, тыс. руб

Итак, динамика наглядно иллюстрирует нам тот факт, что на момент максимальных показателей развития нефтегазовой отрасли (1970-е гг.) уровень добычи пушной продукции значительно снизился и начал восстанавливаться лишь после того, как ЗСНГК стал вступать в полосу кризиса.

Еще одной важной проблемой, оказавшей серьезное влияние на развитие системы промысловых охотничьих хозяйств, стал вопрос о проведении в созданных приписных хозяйствах охотоустроительных мероприятий, связанных с разграничением охотничьих угодий между заготовительными организациями, а также установлением численности промысловых зверей. О необходимости проведения такого рода мероприятий

³¹⁹ Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Организация охотничьего промысла в северных районах Красноярского края (1971–1991 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2014. № 9. С. 248.

неоднократно упоминается в годовых отчетах о деятельности окружных охотинспекторов.

Согласно материалам годового отчета о деятельности старшего охотоведа госохотоинспекции при Ханты-Мансийском окрисполкоме за 1974 г., общая площадь «не охотустроенных охотугодий составляла 41 755 232 га, общая же площадь охотничьих угодий округа равнялась 50 839 840 га»³²⁰, т. е. практически 80 % угодий не были обустроены для промысловой деятельности.

При этом в отчете обосновывается проведение охотустроительных мероприятий, «чтобы определить границы угодий каждого хозяйства, установить распределение угодий по типам, их продуктивность фактическую и возможную, нормы и схемы оснащения территории сооружениями охотохозяйственного назначения. Материалы охотустройства, кроме применения в текущей работе хозяйства, будут применяться при составлении проектов планов добычи и заготовок охотпродукции, что улучшит дело планирования»³²¹.

Однако по данным материалам, какого бы то ни было важного решения по ликвидации неохотустроенных угодий принято не было, поскольку в отчете старшего охотоведа госохотоинспекции при Ханты-Мансийском окрисполкоме за 1975 г. площадь неустроенных угодий сократилась всего на 4 % и составила 39 046 000 га, т. е. 76 % от общей площади, задействованных в промысле угодий.

Подобная ситуация была характерна для всего охотничьего хозяйства страны в целом. Так, «в середине 70-х гг. за охотпользователями Красноярского края было закреплено немногим более половины всех имеющихся охотничьих угодий, в Эвенкии всего 11,6 % промысловых угодий автономного округа. Медленно производилось закрепление угодий в Туточанском промысловом совхозе Эвенкийского округа, Хетском

---

³²⁰ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 90. Л. 4.

³²¹ Там же. Л. 10.

промыслово-олениводческом совхозе, госпромхозе «Таймырский» Таймырского округа, Вороговском госпромхозе Туруханского района и ряде других хозяйств»³²².

Безусловно, наиболее важной проблемой, сдерживающей эффективное развитие охотничьего промысла, стал вопрос о повышении материальной заинтересованности охотников. Для промысловых хозяйств Севера Западной Сибири данная проблема была особо актуальна, поскольку, как уже говорилось ранее, в течение рассматриваемого периода наблюдалось снижение количества промысловых охотников. Оно было вызвано именно сравнительно низким уровнем оплаты труда, а также нестабильностью заработной платы в течение всего года.

Это привело к тому, что к середине 1970-х гг. штатные охотники часто уходили в другие отрасли народного хозяйства, в которых оплата была выше. Так, по данным комитета статистики Ханты-Мансийского округа, текучесть кадров в организациях Министерства сельского хозяйства, куда, в частности, входило большинство промысловых хозяйств, составляла порядка 130 человек, для сравнения на предприятиях «Главтюменьнефтегаза», «Сибнефтегазпереработки», «Тюменьгазпрома» этот показатель колебался от 4 до 12 человек³²³.

На заработную плату охотников-промысловиков негативное влияние оказывало частое отсутствие приемки пушной продукции в местах промысла. Это означало, что охотникам приходилось преодолевать значительные расстояния для того, чтобы сбыть полученную продукцию, которая приходила в негодность из-за отсутствия необходимой обработки.

Решением могло быть более тесное взаимодействие с транспортными органами и развитием воздушных перевозок для заброски и возвращения промысловиков из отдаленных угодий. Однако этому мешали высокие

---

³²² Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Организация охотничьего промысла в северных районах Красноярского края (1971–1991 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2014. № 9. С. 247.

³²³ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 6. Оп. 1. Д. 417. Л. 18.

тарифы на авиаперевозки, сравнительно малый авиапарк и отсутствие посадочных площадок на местах промысла.

Складывающаяся негативная тенденция, связанная со снижением уровня развития промысловых хозяйств страны, была отмечена в постановлении Совета Министров РСФСР № 433 от 30 августа 1978 г., в котором говорилось, что «уровень ведения охотничьего хозяйства продолжает оставаться низким. Богатства охотничьей фауны используются не полностью. Медленно увеличиваются закупки охотничьей продукции. <...> В некоторых промысловых хозяйствах мало внимания обращается на организацию охотничьего промысла, низка производительность труда охотников, плохо налажено снабжение оружием, орудиями лова, боеприпасами, спецодеждой и транспортными средствами. Богатые пушным зверем глубинные уголья не осваиваются»³²⁴.

Вместе с тем данное решение обязывало ряд ведомств, а именно «Главохоту РСФСР, Министерство сельского хозяйства РСФСР, Роспотребсоюз и Росохотрыболовсоюз, устранить недостатки, отмеченные в настоящем постановлении, разработать и осуществить мероприятия по организации правильного ведения охотничьего хозяйства, внедрению достижений науки и передового опыта, укреплению экономики охотничьих и промысловых хозяйств, укомплектованию их квалифицированными кадрами специалистов и охотников, увеличению и рациональному использованию ресурсов диких зверей и птиц, разведению дичи, борьбе с браконьерством, улучшению работы заповедников и заказников. Обеспечить выполнение планов добычи и продажи государству пушнины, мяса диких животных и дичи, дикорастущих ягод, орехов, грибов и другой продукции»³²⁵. Все это подтверждает наличие в охотничьей отрасли постоянных проблем.

Остро стоял вопрос кадрового обеспечения охотничьих хозяйств. Охотничье дело, как и любое другое, нуждается в специалистах – охотоведах.

---

³²⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. С. 579.

³²⁵ Там же. С. 585.

С 1931 г. их готовили в Московском пушно-меховом институте (МПМИ), с 1950 г. – на охотоведческом факультете Иркутского сельскохозяйственного института. В 1955 г. МПМИ был ликвидирован. На весь СССР до 1965 г. остался только охотоведческий факультет Иркутского сельхозинститута. В 1965 г. в Кирове в сельскохозяйственном институте было открыто охотоведческое отделение на зоотехническом факультете. Через несколько лет отделение стало факультетом. Первый выпуск специалистов был осуществлен в 1970 г. Для огромной страны, где охота была распространена в большинстве регионов, этого было явно недостаточно.

Такая ситуация привела к огромному кадровому дефициту в охотничьих хозяйствах страны. Эти вакансии заполнялись «лицами, далекими от понимания элементарных вопросов не только охоты и охотничьего хозяйства, но и охраны животного мира и его использования»³²⁶. Как это происходило на практике можно узнать из рассказа охотоведа – директора Нижнекундрученского опытно-показательного хозяйства Б. А. Нечаева: «довольно часто имеют место случаи, когда человек после ухода на пенсию решил переквалифицироваться на охотоведа. Учиться ему уже поздно. В природе этот человек не в состоянии отличить канюка от ястреба-тетеревятника, а ворону от грача. Он не только сам не знает, что надо делать, но еще мешает нормально работать специалистам, находящимся в его подчинении»³²⁷.

В результате складывалась парадоксальная ситуация, когда самостоятельная отрасль хозяйства практически была лишена квалифицированных кадров. Иркутский охотоведческий факультет частично удовлетворял потребности в специалистах даже в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Нельзя себе представить зерновые хозяйства без агронома, животноводческие комплексы – без ветеринара и зоотехника, завод – без

---

³²⁶ Мараков С., Сафонов В. Проблемы охотоведческого образования. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1984. №7. С. 1.

³²⁷ Там же С. 2.

инженера. Однако для охотничьих хозяйств такая ситуация во второй половине XX в. становилась «ненормальной нормой».

Дефицит кадров отражался на деятельности охотоведов на местах. Начиная с 1950-х гг., в районах Севера сокращается количество кадровых охотников. Очень часто местные власти и хозяйственные организации отвлекали охотников в промысловый сезон на другие работы, сокращая таким образом и без того небольшую долю профессиональных охотников. Нередко работникам заготовительных организаций приходилось вести настоящую борьбу против отвлечения охотников в промысловый сезон на другие работы. Так было, например, в Таймырском и Ямало-Ненецком национальных округах в 1950-е гг.³²⁸.

Еще один типичный пример непонимания значимости деятельности охотоведов в 1950-е гг. имел место в Сургутском районе, где охота всегда играла важную экономическую роль. С точки зрения охотоведческой науки задачи районных охотоведов заключались в организации простейшего охотпользования в районе, поиске путей вовлечения в эксплуатацию всех охотничьих угодий, содействию охране и обогащению промысловой фауны, в контроле за деятельностью заготовительных организаций и обществ охотников, руководстве сетью охотинспекторов и массовой разъяснительной работе. В противоположность всему перечисленному председатель райисполкома В. И. Зязев присланного в район охотоведа заставлял заниматься совершенно другими делами. Когда летом 1956 г. возникла необходимость сокращения аппарата, в местной газете было опубликовано следующее сообщение: «Излишнюю трату средств представляет содержание при райисполкоме районного охотоведа, функции которого сводятся к борьбе с браконьерством. Эти функции целесообразнее передать лесной охране». По

---

³²⁸ Сдобников В. Промысел на Крайнем Севере и задачи научных исследований. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1957. № 11. С. 8.

меткому выражению ученого-охотоведа В. Н. Скалона большего непонимания местных условий нельзя было себе и представить³²⁹.

В северных охотничье-промысловых районах Сибири у аборигенного населения падал интерес к охотничьему промыслу. «Дети охотников-аборигенов не хотят заниматься профессией своих отцов. Число профессиональных кадровых охотников не увеличивается и пополняется в основном русскими. На севере нужно создавать особые ПТУ, которые готовили бы звероловов, звероводов, оленьих пастухов»³³⁰.

Две трети плана заготовок в ХМАО выполнялось за счет звероферм. Властями явно недооценивался охотничий промысел, несмотря на то, что природные условия округа позволяли активно его развивать. Специалисты охотничьего хозяйства видели причину в недостатках хозяйственной политики на Севере, связанной с переводом коренного населения на оседлый образ жизни и сселения их в крупные поселки.

В качестве примера можно привести Сургутский район. До политики сселения ханты равномерно расселялись семьями по всей территории района. Это давало возможность добывать на месте пушнину, дичь, ловить рыбу, собирать орехи и т. д. Это исключало длительные переезды в отдаленные промысловые угодья. Охотники могли переходить из одних угодий в другие по мере изменения насыщенности территории пушными животными с наименьшими временными и физическими затратами. Специалисты-охотоведы отмечали, что власти, сселяя людей в поселки, интересы охотников не учитывали. «В охотничьих угодьях, где промышляли ханты до сселения, не построили ни одной избушки и базы. По существу хантов – потомственных охотников оторвали от промысла и заставили заниматься

---

³²⁹ Скалон В. Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск, 1957. С. 14, 15.

³³⁰ Сысоев В. Романтика древней профессии. // Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 1. С. 7.

менее доходной рыбной ловлей»³³¹. Многие глубинные селения оказались пустующими, а охотничьи угодья заброшенными.

В целом охота как вид профессиональной деятельности подвергалась критике. Ее низкая роль в общем природопользовании во многом была связана с идеализацией природы в общественном сознании и антиохотничьим движением в обществе. Писатель-охотовед Всеволод Сысоев приводит такой пример из своей практики. Один дальневосточный писатель сказал ему как бы с сожалением: «Чтобы вы ни говорили, но охота – занятие безнравственное»³³². И такие нападки «псевдохранителей природы» были нередкими. В связи с этим, в общественном сознании между понятиями охотник и браконьер очень часто ставился знак равенства.

В охотничьем хозяйстве Севера Западной Сибири отражались все проблемы, характерные для отрасли в целом. Несмотря на декларирование интенсификации и научного подхода, ее развитие шло по экстенсивному пути. Количество заготовок росло, но не росло качество ведения охотничьего хозяйства. В научно-практическом, организационном и производственном плане оно постоянно отставало от запросов времени. Это порождало одни и те же проблемы: медленное внедрение последних достижений охотоведческой и биологической наук в практику; большое количество разноведомственных организационных форм ведения хозяйства; низкую техническую и материальную оснащенность охотников; постоянную нехватку профессиональных кадров, которые переходили из одного десятилетия в другое на протяжении всего XX в.

Нами установлено, что обозначенные выше проблемы и тенденции в развитии охотничьих хозяйств нашли свое отражение и в организации системы звероводства на Севере Западной Сибири. Звероводство стало попыткой государства интенсифицировать охотничье хозяйство.

---

³³¹ Трофимов Г. Забытая отрасль хозяйства. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1957. № 4. С. 12.

³³² Сысоев В. Романтика древней профессии. // Охота и охотничье хозяйство. М., 1989. № 1. С. 7.

Первые звероводческие хозяйства на территории региона появились еще в 1930-е гг., однако широкого распространения они не получили по экономическим причинам, а также убыточности производства. Потому как пушная продукция получалась очень дорогой.

С начала с 1950-х гг. звероводческие фермы пережили вторую волну рождения, связанную с необходимостью комплексного развития экономики округа, а также повышения эффективности промысловых хозяйств. Этому способствовало принятое Советом Министров СССР решение о создании баз обществ охотников государственных промысловых хозяйств (госпромхозов) и организаций, занимающихся заготовкой пушнины на кооперационных началах (коопзверпромхозов)³³³.

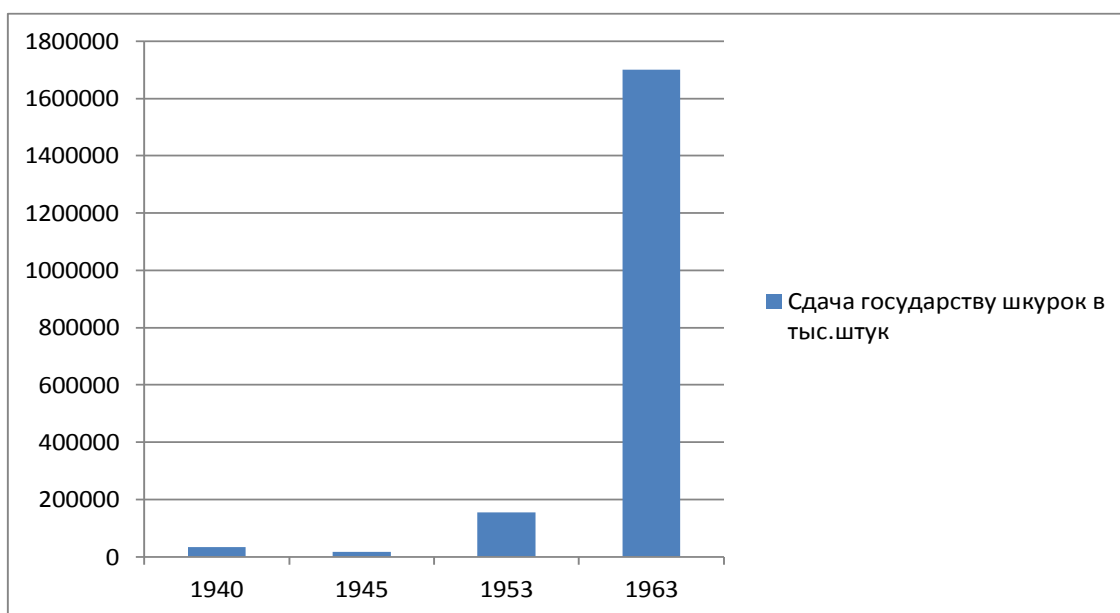
В начальный период его развития (1950–1955 гг.) были допущены ошибки: без учета местных условий, наличия достаточной кормовой базы звероводческие фермы создавались в колхозах и совхозах, организовывались мелкие фермы, исключая применение необходимой техники, недостаточное внимание уделялось подготовке кадров звероводов и т. д.

В дальнейшем деятельность хозяйств, занимавшихся клеточным звероводством, оказалась весьма продуктивной и успешной. Согласно докладу заместителя министра производства и заготовок сельскохозяйственной продукции РСФСР, за десять лет своего существования зверсовхозы увеличили объем поставляемой пушной продукции в одиннадцать раз (рис. 14)³³⁴.

---

³³³ Мостовенко М. С. Государственная политика в области развития охотничьих хозяйств в РСФСР в 50–60-е годы XX века // Вопросы геоэкологии и географии. 2014. № 2. С. 56.

³³⁴ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1683. Л. 14.

Рис. 14. Рост производства пушнины в зверосовхозах РСФСР

На местах многие руководители охотничьих хозяйств старались выполнять планы за счет продукции клеточного звероводства.

С начала 1960-х гг. происходит объединение звероферм и охотничьих хозяйств, занимавшихся заготовкой промысловой пушнины. Включение в состав охотхозяйств звероферм преследовало цель не только увеличения объемов заготовки пушной продукции, но и отражала сложившуюся за десятилетия систему комплексной организации производства, которая характерна для северных регионов. В данном ключе, говоря о зверосовхозах Ханты-Мансийского национального округа, следует отметить, что они взаимодействовали и с предприятиями рыбной промышленности, которые являлись поставщиками кормовой базы для совхозов.

Что касается вопроса распространенности звероводческих организаций на Севере Западной Сибири доказано, что основными видами промысловых зверей в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах были чернобурые лисицы, норки и голубые песцы. При этом «на долю Ханты-Мансийского округа к началу 1962 г. приходилось 36,2 % общего поголовья

зверей в зверофермах области»³³⁵. В целом же Тюменская область по клеточному звероводству занимала в РСФСР лидирующие позиции³³⁶.

О росте заготовок пушной продукции, полученной со звероферм, свидетельствует то, что на долю клеточного звероводства с начала 1960-х гг. приходилось две трети стоимости всей заготовленной в Тюменской области пушнины³³⁷. В 1963 г. звероводческие фермы только на Ямале имели 11 совхозов, 3 рыбзавода и Ямальскую опытную сельскохозяйственную станцию. Кроме того, крупную звероферму в поселке Катравож содержал Оккрыболовпотребсоюз. Объем звероводческой продукции в указанном году составил около 2 400 тыс. рублей.

Положительным шагом для развития звероводческой отрасли хозяйства стало принятие в феврале 1966 г. Советом Министров РСФСР постановления «О мерах по увеличению закупок пушнины и мехового сырья»³³⁸. Основной целью данного постановления было развитие материально-технической базы действующих звероводческих совхозов, а также развитие звероводческого промысла в регионах. В особенности отмечалась необходимость «выделения организациям, осуществляющим заготовку пушнины, [...] продовольственных товаров для продажи охотникам на сезон промысла на сумму до 50 процентов стоимости закупаемой у них пушнины»³³⁹.

Данная мера должна была не только стимулировать развитие охотопромысла, но и способствовать экономическому развитию промысловых хозяйств, в том числе и звероводческих. О положительном эффекте этого решения свидетельствует и то, что с реорганизацией в начале 1960-х гг., их специализацией стали заниматься в основном коопзверпромхозы (больше всего «Кармыский» и «Кондинский»), поскольку

---

³³⁵ Тарасенков Г. Н. На просторах Обь-Иртышья (Природа, хозяйство, культура Тюменской области). Свердловск, 1964. С. 336, 337.

³³⁶ Там же. С. 220.

³³⁷ Там же.

³³⁸ ГА РФ. Ф. А259. Оп. 45. Д. 4799. Л. 1.

³³⁹ Там же. Л. 1об.

ранее из-за неопытности и отсутствия дешевых кормов это была убыточная отрасль хозяйства.

Одним из наиболее успешных регионов в сфере звероводства стал Ханты-Мансийский национальный округ, где поголовье зверей выросло за период 1960-х гг. в 1,5 раза, а фермы стали более крупными и технически оснащенными. «Сейчас на них разводят лисиц, отказавшись от нерентабельной в этих условиях норки. На фермах содержится 16, 6 тыс. голов лисиц. Заготовки пушнины в округе сейчас идут в основном за счет клеточной пушнины, она составляет две трети всей заготавливаемой пушнины. Шкурок лисиц в 1986 г. получено в 2 раза больше, чем в 1960 г.

При этом доходность от реализации продукции звероводства в сельхозартелях округа только за период с 1960-го по 1970-е возросла в 12 раз. Деловой выход щенят на одну самку серебристо-черной лисицы в среднем достиг – 3 шт., в Тобольском зверосовхозе – 4шт. песка, соответственно – 4,1 и 7,8»³⁴⁰. В 1988 г. сдано клеточной пушнины на 5 811 тыс. руб.³⁴¹. Доля продукции клеточного звероводства в общих заготовках пушнины достигла 34 %, тогда как на момент своего возникновения она составляла менее 3 %. В денежном валовом доходе колхозов удельный вес продукции охотничьего промысла и звероводства в последние три года колебался от 17 до 20 процентов³⁴².

Представленная ранее (см. рис. 13) динамика также показательна и для звероводческих организаций. Она иллюстрирует, что в рассматриваемый период объем заготовок в ценовом выражении вырос практически в 3 раза. Это в основном касалось деятельности хозяйств, занимавшихся клеточным звероводством, так как продукция, поступавшая от этих хозяйств, в денежном измерении ценилась выше, чем промысловых. Это подтверждается и тем, что основными видами продукции клеточного звероводства были

---

³⁴⁰ КУ Государственный архив Югры. Ф. 277. Оп. 1. Д. 160. Л. 59.

³⁴¹ Народы Советского Севера. М., 1991. С. 177.

³⁴² КУ Государственный архив Югры... Там же. Л. 63.

шкурки серебристо-черной лисы, песца и норки³⁴³, стоимость которых в среднем составляла 130, 78 и 50 рублей за одну штуку, в то время как на добытую путем охоты пушнину ценовой диапазон колебался от 20 до 50 руб.³⁴⁴.

Вместе с тем привлекательность клеточного звероводства заключалась еще и в том, что позволяла в полной мере кооперироваться с предприятиями рыбной промышленности, которые являлись поставщиком кормовой продукции для звероводческих хозяйств.

Таким образом, основываясь на статистических данных и отчетной документации хозяйств, занимавшихся организацией и закупкой пушной продукции, можно сделать вывод о том, что с начала 1970-х гг. и до конца 1980-х гг. основной формой организации промысловой деятельности стали звероводческие хозяйства. Их возникновение было во многом обусловлено начавшимся процессом интенсификации различных отраслей хозяйства региона. Кроме того, продукция клеточного звероводства в ценовом измерении стоила выше, чем пушнина, полученная промысловым способом.

Организация системы клеточного звероводства позволяла снизить промысловую нагрузку на животный мир. Она была более компактна и позволяла кооперироваться с другими предприятиями региона, например, с предприятиями рыбной промышленности, поставляющей кормовую продукцию для данных хозяйств. Деятельность звероводческих хозяйств не зависела от популяционных колебаний промысловых животных, в отличие от промысловых хозяйств.

По данным на 01.01.1989 г., звероводческие хозяйства Ямало-Ненецкого автономного округа (совхозы и Катровожская звероферма) располагали основным поголовьем в количестве 9,5 тыс. голубых песцов. Ряд звероводческих хозяйств округа имел весьма высокие производственные показатели. Деловой выход щенят на одну штатную самку в совхозе

---

³⁴³ КУ Государственный архив Югры. Ф. 6. Оп. 1. Д. 265а. Л. 25.

³⁴⁴ Там же. Д. 358. Л. 61.

«Россия» в 1984 г. равнялся 9,4, а в 1975 г. – 9,3, а по Верхне-Пуровскому совхозу за тот же период – 8,6 и 10,4 соответственно. В масштабе округа указанный показатель за те же годы составил 8 и 8,2. На протяжении 11-й пятилетки среднегодовая сдача клеточной пушнины равнялась 3 453 тыс. руб.»³⁴⁵.

Принимая во внимание, что изначально звероводство выступало как вспомогательная отрасль охотничьего хозяйства, то в последующие 10 лет оно постепенно вытеснило промысел «дикой» пушнины на второй план. Причин данного явления несколько:

Во-первых, экономическая эффективность звероводческих организаций не зависела от биологических колебаний численности промысловых пушных зверей, а значит и не была привязана к погодным факторам.

Во-вторых, звероводческие хозяйства органически вписывались в создаваемую «промышленную реальность» как переход от промысла к отрасли. Кроме того, зверосовхозы позволяли налаживать межотраслевые связи, в частности с организациями рыбной промышленности, которые поставляли кормовую продукцию.

В-третьих, развитие звероводства позволило частично разрешить проблему занятости коренного населения, которое в силу отсутствия «индустриальных навыков» неохотно участвовало в нефтегазовом освоении, а следовательно, в определенной степени и в экономическом развитии региона.

Второй важной для экономики региона отраслью хозяйства стала рыбная промышленность, которая за рассматриваемый нами период смогла трансформироваться в развитую систему рыбодобычи.

Для того чтобы выделить основные черты развития рыбного промысла на Севере Западной Сибири, необходимо учитывать специфику рыболовства в данном регионе. Основная особенность заключается в том, что

---

³⁴⁵ Народы Советского Севера. М., 1991. С. 158.

большинство промысловых видов рыб являются в Обь-Иртышском речном бассейне проходящими, следовательно, водоемы они используют для нереста и нагула³⁴⁶.

Второй специфической чертой является гидрологический режим нижнего течения Оби и ее притоков, а именно заморные явления. Под «замором» понимается массовая гибель рыбы от удушья, вызванного низкой концентрацией кислорода в воде. Для речного бассейна рассматриваемого региона появление заморы характерно в зимний период, в результате чего в начале весны во многих водоемах наблюдается гибель рыбы.

О масштабности заморных явлений можно судить по материалам годового отчета о деятельности инспекции рыбоохраны по Ханты-Мансийскому автономному округу: «Проводя наблюдения за скатом ельца из реки М. Карым научный сотрудник Обь-Тазовского отделения СибНИИРХа (Сибирский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства – прим. автора) Захаров В. М. встречал погибшую рыбу (язя, ельца, плотву) во многих местах по р. Б. Салым, ее притокам М. Карыме и Б. Карыме в старицах р. Б. Салым, заосотровках, омутах и прочее... Запах разлагающейся рыбы разносился на многие километры из тех мест, где ее погибло особенно много»³⁴⁷. Это явление повышало в данном случае значимость так называемых «живунов» – водоемов с высокой концентрацией кислорода в воде. Далее обратимся к экономическим показателям отрасли.

В начале 1950-х гг. рыболовные хозяйства занимали важное место в экономической конъюнктуре Севера Западной Сибири. Во многом процесс индустриализации до создания нефтегазового комплекса опирался на инфраструктуру, созданную рыбной и лесной промышленностью³⁴⁸. Большое

---

³⁴⁶ Рыбное хозяйство Обь-Иртышского бассейна : труды Обь-Тазовского отделения. Свердловск, 1977. Т. 4. С. 4.

³⁴⁷ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 319. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

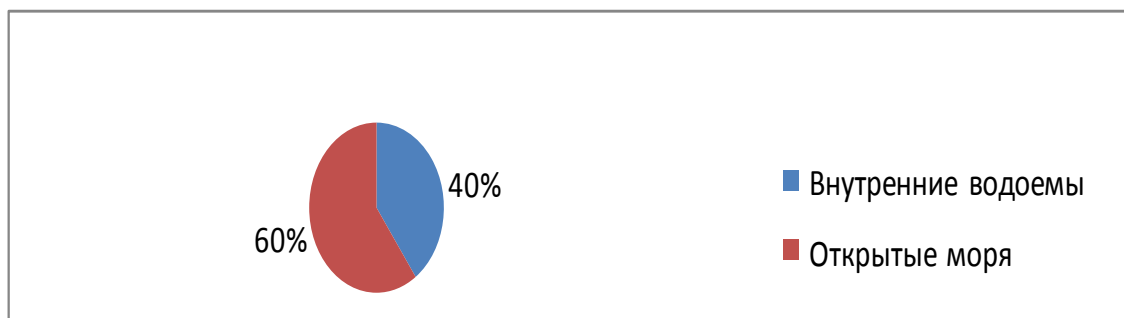
³⁴⁸ Мостовенко М. С. Биологические ресурсы как основа индустриального развития Севера Западной Сибири / Экология и природопользование в Югре : материалы Всерос.

количество водоемов и их богатое биологическое разнообразие, наличие нескольких крупных рыбоперерабатывающих заводов создавало большие перспективы для развития промышленного рыболовства на Севере Западной Сибири.

Значимость водных биологических ресурсов для страны и региона существенно выросла в послевоенные годы, когда пищевая промышленность остро нуждалась в быстро получаемой продукции. Именно в 1950-е гг. в основных рыболовных центрах страны наблюдается подъем производства.

Основными поставщиками морской рыбы были порты Мурманска, Архангельска, Владивостока и т. д. Однако, наряду с увеличением объема добычи рыбы из внешних водоемов, в РСФСР начинает активно развиваться система внутреннего рыболовства. Основными промысловыми зонами служили водоемы таких крупных рек, как Волга, Енисей, Обь, Иртыш.

К 1954 г. советской рыбной промышленностью было добыто более 2,5 млн тонн рыбы³⁴⁹. Соотношение объемов внутреннего и внешнего рыболовства к середине 1950-х гг. показано на рис. 15.

Рис. 15. Соотношение внутреннего и внешнего рыболовства в СССР в середине 1950-х гг.

Таким образом, из рис. 15 видно, что объемы рыболовства были примерно равными. Однако важно отметить, что внутренние водоемы

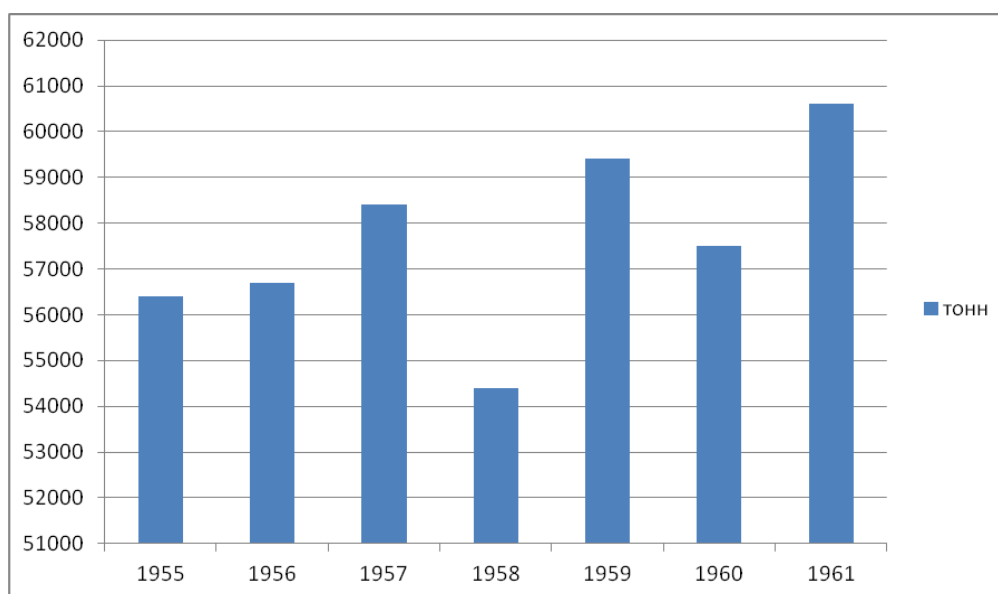
науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию кафедры экологии СурГУ (Сургут 24, 25 окт. 2014 г.). Сургут, 2014. С. 41.

³⁴⁹ Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1957. Т. 437. С. 497.

подвергались значительной промысловой нагрузке в связи с их интенсивным использованием.

Рыбная промышленность во второй половине 1950-х гг. давала половину всей промышленной продукции Ханты-Мансийского национального округа³⁵⁰. Тюменская область (в первую очередь – благодаря своим северным национальным округам) занимала ведущее место в запасах и улове рыбы (рис. 16). В этой области была сосредоточена половина всей добычи сиговых рыб в РСФСР³⁵¹. При этом рыбообрабатывающая база предприятий области была весьма примитивной. Технические возможности позволяли выпускать в основном низкокачественную рыбную продукцию крепкого посола³⁵².

При анализе деятельности рыболовецких хозяйств региона необходимо отметить, что с начала 1950-х до середины 1960-х гг. уловы рыбы в водоемах Тюменской области колебались в пределах от 25 до 42 тыс. тонн³⁵³.

Рис. 16. Вылов рыбы в Западной Сибири (с учетом Тюменской области)

Активная финансовая поддержка со стороны государства привела к тому, что удельный вес валовой продукции промышленности в Ханты-

³⁵⁰ ³⁵⁰ Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1957. Т. 46. С. 60.

³⁵¹ Там же. 3-е изд. 1977. Т. 26. С. 410.

³⁵² Вотинин Н. П. Больше рыбы стране : материалы к лекциям. Тюмень, 1966. С. 9.

³⁵³ Там же. С. 14.

Мансийском округе составлял 44 %, а в Ямало-Ненецком – 72 %, общий вес округов по добычи рыбы в Тюменской области составлял 93 %³⁵⁴.

Однако недостаточная продуманность общегосударственного планирования уже стала проявлять себя в 1950-х, когда в июле 1952 г. в строй была введена Усть-Каменогорская гидроэлектростанция на Иртыше³⁵⁵. Ввод в эксплуатацию данной электростанции привел к тому, что от основных водных магистралей оказались отрезаны нерестилища на реке Иртыш таких важных промысловых пород, как осетр и нельма. В 1956 г. была введена в эксплуатацию плотина Новосибирской ГЭС, которая перекрыла на Оби более 40 % нерестилищ осетра и более 50 % нельмы³⁵⁶. Это привело к тому, что к началу 1960-х гг. объем рыбодобычи стал снижаться вниз по течению, поскольку наблюдалось уменьшение количества рыбного молодняка из-за сокращения мест нереста.

Кроме того, отрицательный вклад внесла авария с выбросом в реку Тобол радиоактивных материалов на предприятии «Маяк» в Челябинской области. Радиоактивное загрязнение стало причиной того, что воды реки оказались полностью непригодными для питьевого и хозяйственного использования.

Не лучшим образом обстояли дела и с техническим обеспечением рыболовного промысла. Общий уровень механизации производства оставался на низком уровне. Рыболовные суда находились в плохом техническом состоянии, рыболовецкий инвентарь на предприятиях также оставлял желать лучшего.

Лесозаготовки также сказывались отрицательно на развитии рыбной промышленности на Севере Западной Сибири. В связи с отсутствием развитой инфраструктуры заготавливаемая древесина сплавлялась по рекам,

---

³⁵⁴ Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М., 2008. С. 149.

³⁵⁵ Там же. С. 144.

³⁵⁶ Там же.

что в конечном счете приводило к засорению водоемов и дальнейшему выводу их из хозяйственной деятельности.

Впоследствии Министерством лесной промышленности СССР была предпринята попытка повлиять на ситуацию по данному вопросу путем денежного возмещения рыбному хозяйству понесенных потерь. Однако в целом эта проблема не была решена, поскольку в данном случае сталкивались интересы министерств лесной и рыбной промышленности. Такой ведомственный подход к эксплуатации природных ресурсов приводил к негативным экологическим последствиям.

Прежде чем мы обратимся к характеристике системы управления рыбным хозяйством региона, выделим следующие факторы. Во-первых, в рассматриваемый период было проведено несколько реформ, менявших систему как территориального, так и экономического управления в регионах, что негативным образом сказывалось на функционировании различных отраслей народного хозяйства.

Так, в начале 1960-х гг. единое управление Обь-Иртышским бассейном было разделено на шесть совнархозов: Алтайский, Новосибирский, Кемеровский, Омский, Восточно-Казахстанский, Тюменский (Среднеуральский). Выделение из единого экономического района нескольких самостоятельных экономических единиц не было случайным. Это было связано с проведением новой экономической реформы, которая подразумевала создание самостоятельных территориально-экономических комплексов. Однако на региональном уровне подобные экономические преобразования оказывали, скорее, негативный, чем позитивный эффект, в особенности в рыбной промышленности.

Управление рыбной промышленности было создано лишь в Тюменском совнархозе. Такое искусственное разделение единого хозяйственного комплекса привело к серьезным трудностям в сфере воспроизводства и охраны рыбных ресурсов бассейна.

Создание нескольких небольших советов народного хозяйства во многом формировало узковедомственный подход к развитию отрасли. Кроме того, в результате реализации данной реформы плановые показатели не уменьшались, а увеличивались. Это привело к тому, что в короткие сроки предприятиями Западной Сибири был нанесен значительный ущерб рыбным запасам.

Видя негативные последствия перехода к территориальному принципу управления, в 1962 г. Совет Министров СССР совместно с ЦК КПСС выпустили постановление «О мерах по увеличению добычи рыбы и производству рыбной продукции»³⁵⁷. В одном из его разделов говорилось о создании единых бассейновых управлений рыбной промышленностью.

На территории Севера Западной Сибири создавались две крупные организации, отвечавшие за заготовку рыбной продукции: Хантымансийскрыбпром и Ямалрыбпром, которые подчинялись Сибирскому территориально-производственному управлению рыбной промышленности (Сибупррыбпром).

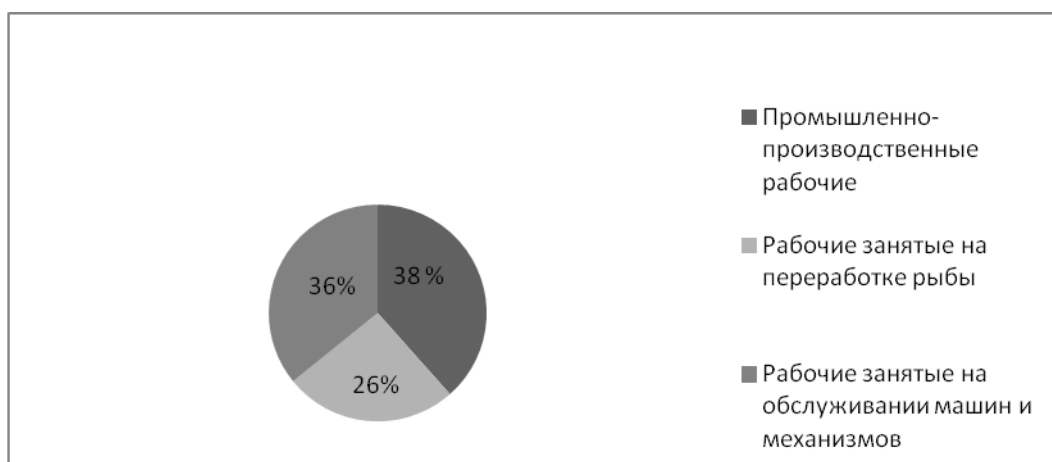
Добычей рыбы в регионе занимались сразу несколько организаций, которые соревновались между собой по объемам выловленной рыбы. Основными организациями, ведущими рыбозаготовку, были предприятия государственной промышленности (рыбозаводы), колхозы и совхозы ПОХа (промыслово-охотничьи хозяйства) и ГОХа (государственные охотничьи хозяйства), рыбартели³⁵⁸. Такое количество заготовительных организаций создавало определенные трудности в управлении ими.

К середине 1960-х гг. существенно увеличилась доля индустриальных рабочих, занятых в рыбной промышленности (рис. 17).

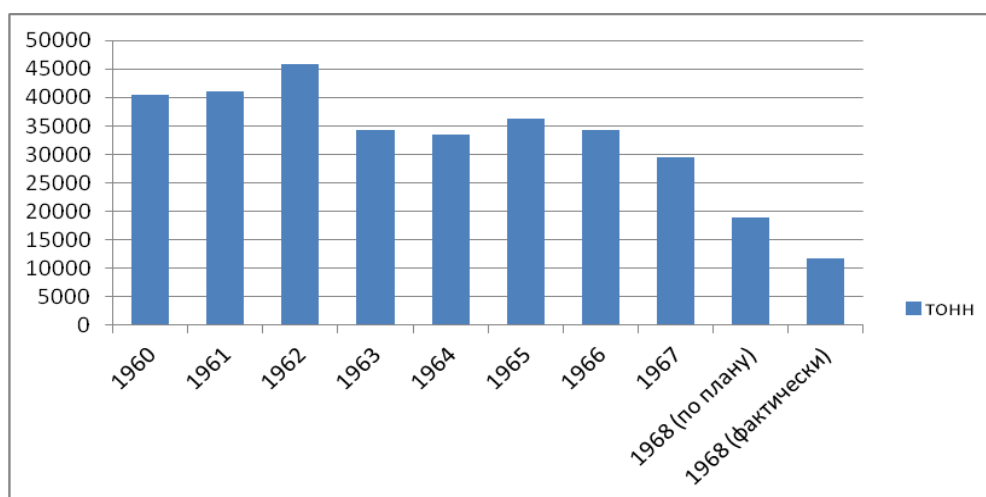
³⁵⁷ Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М., 2008. С. 150.

³⁵⁸ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 319. Оп. 1. Д. 28. Л. 26.

Рис. 17. Занятость рабочих по сферам рыбной промышленности³⁵⁹

По данным Тюменского совета народного хозяйства, в рыбной промышленности (занимавшей 3-е место в области и главной на Севере) Ханты-Мансийского национального округа существовало 35 предприятий, на которых работало почти 10 000 человек, а валовой объем производимой продукции составлял порядка 350 766 тыс. руб.³⁶⁰. Ниже представлена динамика рыбной добычи по Ханты-Мансийскому рыбокомбинату в 1960-е гг. (рис. 18).

Рис. 18. Динамика добычи рыбы по Ханты-Мансийскому рыбокомбинату в 1960-е гг.³⁶¹

³⁵⁹ Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М., 2008. С. 152.

³⁶⁰ Народы Советского Севера. М., 1991. С. 231.

³⁶¹ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 319. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.

Анализ динамики показывает, что объем вылова в течение 1960-х гг. сократился в 2-3 раза с 40 559 тонн в 1960 г. до 11 781 тонны в 1968 г.³⁶². Попытка изменить эту негативную тенденцию была предпринята в 1966 г. в рамках постановления № 630 «О мерах по дальнейшему развитию рыбного хозяйства в РСФСР, улучшению качества и ассортимента рыбной продукции»³⁶³. В первом разделе данного постановления определились основные направления развития рыбной промышленности на 1966–1970-е гг. Одной из приоритетных задач стало «дальнейшее развитие рыболовства в отдаленных таежных и тундровых озерно-речных водоемах Сибири при максимальном сокращении транспортных и производственных затрат»³⁶⁴.

На региональном уровне, и в особенности на территории Севера Западной Сибири, это означало увеличение производственной нагрузки и расширение производства экстенсивным путем, за счет включения в хозяйственный оборот новых водоемов, вместо повышения продуктивности уже используемых. Такой подход к использованию ресурсов был характерен для советской экономики. Кроме того, акцент делался на техническое переоснащение отрасли. Однако, как свидетельствуют материалы региональных организаций, вопрос технического оснащения для них стоял особенно остро.

Снижение объемов добычи особенно заметно со второй половины 1960-х гг., поскольку оно приходится на интенсификацию развития нефтяной и газовой промышленности в округе. Важно отметить, что в этот период рыбная отрасль, как и весь Север Западной Сибири, стала испытывать на себе негативные последствия становления и развития ЗСНГК. Уже к 1965 г. Сургутская районная партийная конференция доводила до сведения областного комитета КПСС, что нефтеразведочные экспедиции не обеспечены резервуарами в период испытания нефтяных скважин. В связи с

---

³⁶² КУ Государственный Архив Югры. Ф. 319. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.

³⁶³ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 5089. Л. 3.

³⁶⁴ Там же.

этим большое количество нефти выпускалось в закрытые водоемы, что приводило к засорению рыбных бассейнов района и массовой гибели рыбы³⁶⁵.

Водная акватория регулярно загрязнялась нефтепродуктами. При этом большое количество малых рек области полностью утратили свое рыбохозяйственное значение и превратились в сточные коллекторы³⁶⁶.

На заседании первой конференции тюменской промышленной областной партийной организации присутствовали делегаты и от рыбопромышленных предприятий региона, тем самым подчеркивая индустриальный вектор развития рыбного хозяйства³⁶⁷. Во второй половине 1960-х гг. специалисты Обь-Тазовского отделения Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства отмечали, что в рыбной промышленности происходит «наращивание производственно-технических мощностей, внедрение механизированных высокопроизводительных способов лова»³⁶⁸.

Благодаря этому предприятия рыбной промышленности достигли отличных результатов. Так, в 1974 г. было добыто 14 894 тонн рыбы, в 1975 и 1976 гг. – 15 789 и 19 306 тонн соответственно, в 1977 и 1978 гг. – 16 879 и 11 155 тонн, в 1981 г. объем добываемой рыбы составил 16 426 тонн (рис. 19)³⁶⁹.

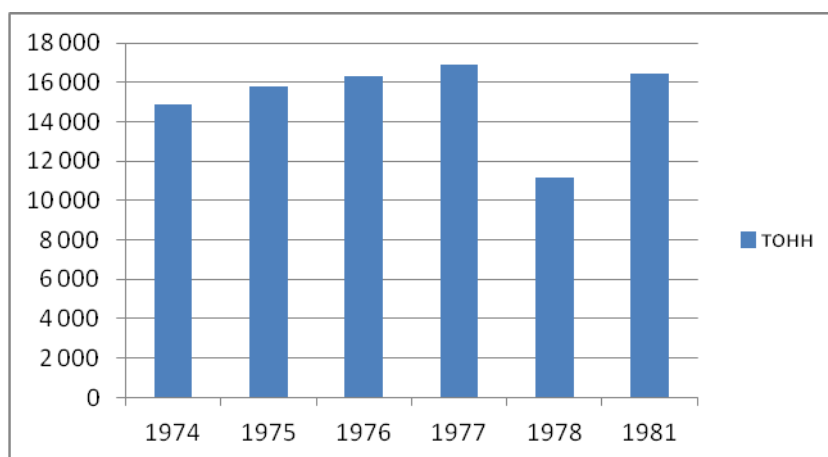
³⁶⁵ Научный Архив Сургутского краеведческого музея : постанов. XIV Сургутской районной партийной конференции о работе районного комитета КПСС. Сургут. 22 дек. 1962. С. 5.

³⁶⁶ Вотинов Н. П. Больше рыбы стране : материалы к лекциям. Тюмень, 1966. С. 15, 16.

³⁶⁷ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 69.

³⁶⁸ Вотинов Н. П. Указ. соч. С. 23.

³⁶⁹ КУ Государственный Архив Югры. Ф. 6. Оп. 1. Д. 354. Л. 3; Д. 385. Л. 8; Д. 400. Л. 7; Д. 417. Л. 4; Д. 474а. Л. 5.

Рис. 19. Динамика добычи рыбы в регионе во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг.

В рассматриваемый период промышленное рыболовство было оснащено промысловым самоходным флотом, рефрижераторами, холодильными и рыбоморозильными установками, ленточными транспортерами, самоходными льдобурами, электрокарами; рыболовецкие бригады – механизированным флотом, орудиями лова (невода, капроновые сети), спецодеждой³⁷⁰.

Интенсификация рыбной промышленности была связана не только с ее техническим обеспечением, но и с развитием рыбоводства. В рамках повышения эффективности существующих рыбокомбинатов, а также увеличения количества промысловых видов в первой половине 1970-х гг. при Ханты-Мансийском и Сургутском рыбокомбинатах были созданы инкубационно-личиные цехи производственной мощностью до 400 млн икринок. В дополнение к строящимся рыбоводным заводам на Войкаре и севере Томской области был введен в эксплуатацию в 1975 г. Абалакский осетрово-нельмо-сиговый рыбозавод, проектная мощность которого должна была обеспечивать ежегодный возврат до 30–35 тыс. ценных пород рыб. Помимо этого комплекса в Сургуте на базе водоема-охладителя – Сургутской ГРЭС-1 – было создано рыбоводное хозяйство.

³⁷⁰ Народы Советского Севера. М., 1991. С. 261.

Подобные меры, по замечанию специалистов, «позволили бы «вздохнуть» ценным видам рыб, а также дали возможность сочетать экономическую целесообразность промысла с поддержанием оптимального уровня воспроизводства наиболее ценных видов»³⁷¹.

На пути поступательного развития рыболовного хозяйства региона существовали серьезные преграды. В первую очередь – это лесозаготовки, которые оказывали негативное влияние на рыболовство. Молевой сплав древесины, засорение нерестовых участков отходами продукции лесного хозяйства вывели из строя многие рыбохозяйственные угодья. Так, например, из-за лесосплава прекратился заход рыбы в Лебинский, Шеркальский и Вандомский соры Октябрьского района ХМАО. Всего по Тюменской области органами рыбоохраны было выявлено 23 крупных водоема, потерявших промысловое значение из-за засорения древесиной³⁷². Промышленные предприятия, расположенные в бассейне Оби, не соблюдали правила очистки сточных вод, отравляли реки (Томь, Исеть, Тавда, Тобол) и губили рыбу³⁷³.

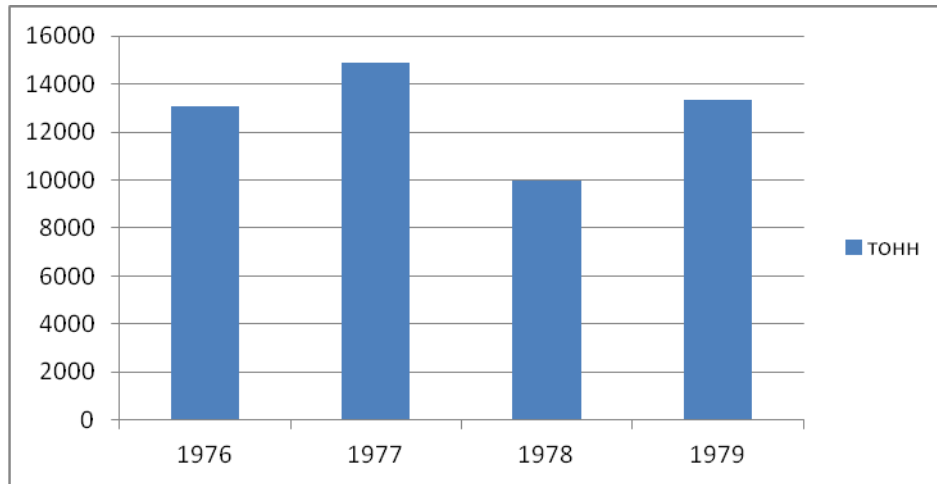
Тем не менее принимаемые меры по улучшению работы рыбной промышленности (автоматизация, механизация добычи рыбы, рыборазведение) не приводили к стабильному росту экономических показателей добычи и переработки сырья (рис. 20, 21).

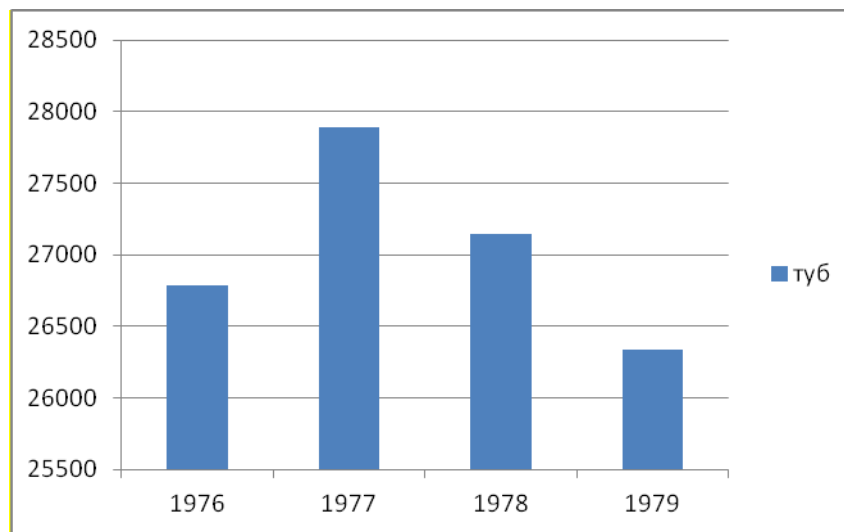
³⁷¹ Бudyков С. Т., Нефедова В. Б. Север Западной Сибири. Тюмень, 1977. С. 64.

³⁷² РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 56.

³⁷³ Там же. Л. 69.

Рис. 20. Объем реализованной рыбной продукции, тонн

Рис. 21. Объем выпущенных консервов, туб.

Об этом свидетельствует то, что постепенно происходило снижение доли северных областей в объемах выловленной рыбы. Например, «доля Ямало-Ненецкого автономного округа в вылове рыбы в Тюменской области составила: 1955 г. – 46 %, 1960 г. – 42 %, 1965 г. – 43 %, 1970 г. – 42 %, 1975 г. – 39,7 %³⁷⁴».

Подобная тенденция имела общесоюзный характер. По свидетельству С. Т. Гайдина, в связи с невыполнением плановых показателей по добыче рыбы-сырца исполком Красноярского края был вынужден обратиться в Министерство рыбной промышленности РСФСР с просьбой снизить контрольные цифры. Кроме того, «на снижение плановых заданий по вылову

³⁷⁴ Будьков С. Т., Нефедова В. Б. Север Западной Сибири. Тюмень, 1977. С. 63.

рыбы также пошли исполком Тюменского областного совета и правительство Якутской АССР. В этих условиях Министерство рыбного хозяйства РСФСР вынуждено было обратиться к Совету Министров союзной республики с просьбой принять меры воздействия на нарушителей «плановой дисциплины»³⁷⁵.

На протяжении всего рассматриваемого периода существовавшие правила, связанные с обустройством и обеспечением функционирования буровых площадок, а также нефтепроводов, очень часто нарушались, что в конечном счете приводило к большим разливам нефтепродуктов и масштабному загрязнению близлежащих водоемов с последующим попаданием загрязняющих агентов в магистральные водоемы.

Таким образом, снижение уловов на Севере Западной Сибири было обусловлено не только превышением биологических возможностей водоемов, но и существенным ухудшением экологической обстановки в регионе. Особую роль здесь играла хрупкость биологического равновесия в водоемах Севера Западной Сибири.

Во-первых, – это вызвано тем, что реки Западной Сибири обладают меньшей способностью к самоочищению, в отличие от рек европейской части СССР. Во-вторых, содержание кислорода в данном случае находится на низком уровне, поскольку значительная его часть направлена на окисление органических веществ, которые поступают из более мелких заболоченных ручьев и рек. В-третьих, существенное влияние здесь оказывают длительные сроки ледостава, в результате чего, в отличие от рек европейской части СССР, которым требует пройти для самоочищения порядка 200–300 километров от места загрязнения, рекам на Севере Западной Сибири требуется не менее 2 тысяч километров³⁷⁶.

---

³⁷⁵ Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Организация охотничьего промысла в северных районах Красноярского края (1971–1991 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2014. № 9. С. 235.

³⁷⁶ Будьков С. Т., Нефедова В. Б. Север Западной Сибири. Тюмень, 1977. С. 32.

Таким образом, можно констатировать двойкий характер развития рыболовной отрасли в регионе. Этот процесс имел как черты интенсификации, так и экстенсивного развития. Наряду с повышением уровня механизации производства, развития инфраструктуры, расширялись промысловые площади, в хозяйственный оборот включались малые водоемы. При этом многие водоемы в результате негативных экологических последствий деятельности нефтедобывающей и лесной промышленности, напротив, выходили из хозяйственного оборота. Процесс осложнялся непродуманными политическими решениями об укрупнении хозяйств.

Для Крайнего Севера Западной Сибири важнейшей отраслью традиционного хозяйства являлось оленеводство. До начала 1960-х гг. проблемам развития этой отрасли хозяйства уделялось недостаточно внимания. В период с 1957 по 1960 гг. размер стад снизился практически на 50 тыс. голов³⁷⁷. Это привело к тому, что продуктивность хозяйств значительно снизилась по отношению к другим оленеводческим районам, например, по сравнению с Ненецким национальным округом.

С начала 1960-х гг. ситуация с оленеводческими хозяйствами начинает меняться. В хозяйствах происходит рост численности поголовья и уже к 1965 г. в Ямало-Ненецком округе в общей сложности насчитывалось 251,4 тыс. голов, а в 1967 г. – 366,4 тыс. голов³⁷⁸. В то же время в соседнем Ненецком национальном округе эта цифра едва достигала 153,1 тыс. голов. При этом основной проблемой развития отрасли был вопрос о ее рентабельности, которая зависела во многом от рационального размера стада, так как сравнительно малые пастбищные площади могли обеспечить кормом ограниченное число голов.

В рамках Ямало-Ненецкого национального округа экономическая эффективность оленеводства была высока. Стоимость продукции на 100

---

³⁷⁷ Востряков П. Н., Броднев М. М. Резервы повышения продуктивности оленеводства Ямала / Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 53.

³⁷⁸ Там же.

рублей затрат в середине 1960-х гг. выглядела таким образом: оленьё мясо – 169,44 руб., шкурки клеточных зверей (вместе с надбавкой на пушнину) – 115,65 руб., молоко – 66,74 руб., мясо крупного рогатого скота – 24,69 руб., картофель – 71,62 руб., овощи открытого грунта – 90,44 руб., овощи закрытого грунта – 10,83 руб.³⁷⁹. Оленеводство в общих цифрах оказывалось рентабельнее. В 1966 г. государственные предприятия получили от оленеводческих хозяйств доход в размере 787 тыс. руб. чистой прибыли, в то время как рыболовство и домашнее животноводство оказались убыточными.

В совхозах Ямала находилось 161,4 тыс. оленей, у рыбзаволов – 85,8 тыс. оленей, в хозяйстве Ямальской сельскохозяйственной опытной станции – 8,3 тыс., в кооперативных организациях – 3,3 тыс., у государственных организаций – 1,8 тыс., в личной собственности граждан – 107,8 тыс.³⁸⁰.

Из этого следует, что основное поголовье оленей находилось в личной собственности, а значит, оно менее зависело от государственной политики. В то же время понятно, что, как и в системе рыболовства и охоты, здесь присутствовала ведомственная разобщённость. Третье место по количеству поголовья стада приходилось на долю рыбзаволов. В этой связи возникает вопрос, насколько эффективным было управление оленеводством в этих организациях.

По мнению специалистов из НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, «рыбзаволоды уделяли мало внимания оленеводству и не обеспечивают его развития. Поэтому целесообразно сосредоточить производство оленьего мяса в совхозах, передав им от рыбзаволов плодовую часть оленьих стад. Это соответствовало бы также требованиям специализации. Рыбзаволодам же следует оставить поголовье, необходимое для транспортных работ, создав для этого стада транспортного направления. Некоторые же рыбзаволоды (Кушеватский и др.) могут вовсе обойтись без

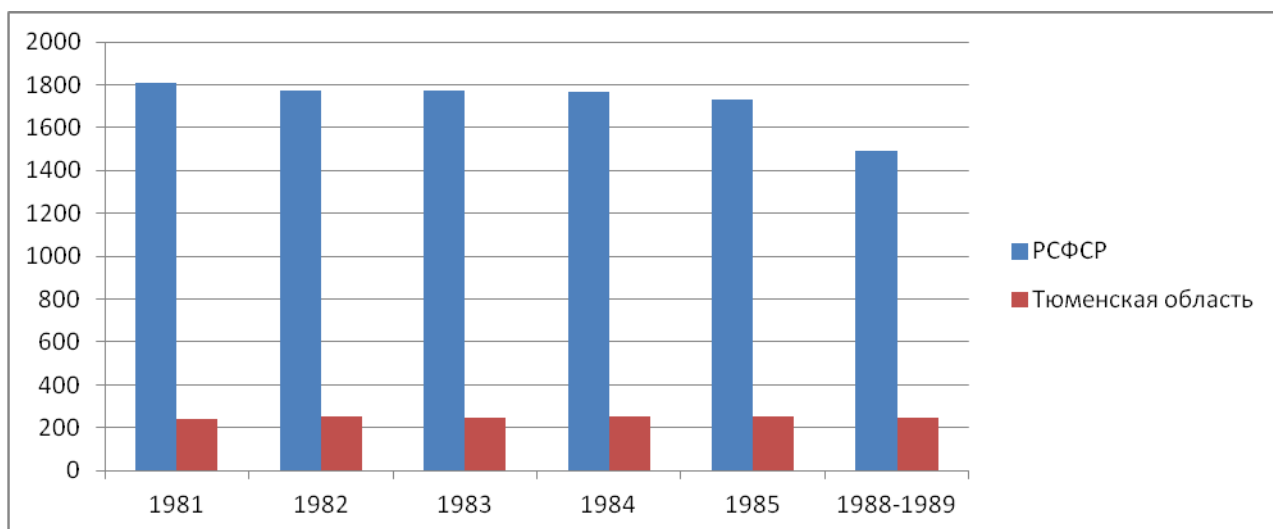
³⁷⁹ Востряков П. Н., Броднев М. М. Резервы повышения продуктивности оленеводства Ямала / Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 53.

³⁸⁰ Там же. С. 54.

олений или иметь их в небольшом количестве. Рыбозаводы смогли бы передать совхозам 40–45 тыс. оленей, что увеличило бы валовое производство мяса»³⁸¹.

Общая ситуация с оленеводством несколько улучшается к концу 1960-х гг., когда на Севере Западной Сибири было сосредоточено в общей сложности 19 % общесоюзного поголовья оленей³⁸². При этом стоит отметить, что к началу 1970-х гг. поголовье оленей как в РСФСР, так и на Обском Севере достигает своего максимума. Здесь особого внимания заслуживает то, что если в РСФСР в течение 1980-х гг. наблюдался спад численности поголовья, то на Севере Западной Сибири эта цифра была постоянной (рис. 22)³⁸³.

Рис. 22. Выходное поголовье оленей с 1981-го по 1989-й гг., тыс. голов

Пик развития оленеводческих хозяйств Севера Западной Сибири пришелся на период 1960-х гг. – первую половину 1970-х гг. На тот момент только на территории Ямало-Ненецкого автономного округа насчитывалось более 680 тыс. голов оленей, из которых 34 % приходилось на долю личного поголовья.

³⁸¹Востряков П. Н., Броднев М. М. Резервы повышения продуктивности оленеводства Ямала / Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 54.

³⁸² Народы Советского Севера. М., 1991. С. 45.

³⁸³ Там же. С. 46.

Однако начавшееся индустриальное освоение Западно-Сибирского Севера привело к тому, что численность стад стала снижаться и уже ко второй половине 1980-х гг. на Ямале общее стадо не превышало 300 тысяч голов, а в Ханты-Мансийском автономном округе эта цифра едва достигала 55 тысяч голов. По мнению исследователей, потери в оленеводческих хозяйствах за период экстенсивного развития, а также негативного воздействия нефтегазового комплекса достигали трети от общего количества стада³⁸⁴.

При этом основная отрицательная экологическая нагрузка ложилась на район распространения так называемого таежного оленеводства. Он включал в себя территорию бассейна рек Северная Сосьва, Казым, Назым, Пим, Тромъеган. Здесь, в отличие от зоны «тундрового» оленеводства, которое было распространено на Ямале, существовали небольшие пастбищные резервы.

На территориях тундровой зоны ежегодного выпасалось более 88 % общесоюзного поголовья оленей. Однако, несмотря на принимаемые государством меры по сохранению поголовья и экономической эффективности оленеводства – вакцинация поголовья, методические рекомендации по сохранению молодняка, стимулирование обмена опытом по выпасу между представителями различных хозяйств, к середине 1970-х гг. оно стало постепенно вступать в полосу кризиса. Главная причина упадка этой сельскохозяйственной отрасли заключается в снижении профессионализма пастухов и использовании пастбищ без учета их оленеемкости. При рассмотрении оленеемкости угодий необходимо учитывать следующий факт: общая площадь оленьих пастбищ Ямало-Ненецкого автономного округа равнялась 47 372,7 тыс. га, что позволяло выпасать около 385 тыс. оленей. При этом в 1980-е гг. выпасалось 472,7 тыс.

---

³⁸⁴ Народы Советского Севера. М., 1991. С. 49.

олений³⁸⁵. В результате это приводило к очень быстрому истощению кормовой базы пастбищ.

Так, несмотря на произошедшее в Тюменской области увеличение оленеводческих коллективов на 40 %, стаж работы пастухов не превышал 5–10 лет. Соответственно, пастухи плохо ориентировались в сложных погодных условиях, проводили большое количество времени на промежуточных базах. Закономерным итогом стало то, что оленеводческие хозяйства несли ощутимые потери в размерах поголовья, а следовательно, снижалась их рентабельность.

Все это свидетельствует о непродуманности и отсутствии четко сформулированной и научно обоснованной политики со стороны государства по отношению к коренным народам Севера и их промысловым традициям.

Подводя итог социальной и экономической политики государства в отношении использования биоресурсов на Севере Западной Сибири в период со второй половины 1950-х по конец первой половины 1980-х гг., важно выделить несколько определяющих и характерных для нее черт.

Во-первых, говоря об индустриальном развитии Западно-Сибирского Севера, представители властных структур подразумевали, что традиционный уклад жизни коренных северных народов сможет без каких-либо особых проблем встроиться в создаваемую промышленную реальность. Несмотря на то, что на государственном уровне декларировалось, что «малые северные народы преодолели отсталость и стали в один ряд с другими народностями СССР», в действительности оказывалось, что патронаж со стороны государства не исчез.

Во-вторых, принимаемые государством меры по «улучшению жизни и быта» коренных северных народностей, призванные сделать их жизнь лучше, на практике приносили больше вреда. На наш взгляд, это может быть связано с двумя основными причинами.

---

³⁸⁵ Народы Советского Севера. М., 1991. С. 156.

Первая из них, это то, что социально-экономическая политика государства по отношению к коренным народностям не опиралась на научную основу и в большинстве своем была одинакова вне зависимости от особенностей культуры и территории расселения.

Вторая причина была связана с политическими моментами. Коренные северные народности выступали как элемент общей пропаганды преимуществ социалистического строя. Основной тезис заключался в том, что при «капитализме северные народности угнетались, а с приходом социализма они смогли шагнуть на новую степень своего развития».

В-третьих, говоря о традиционных для северных жителей отраслях хозяйства, стоит сказать, что государство также попыталось их изменить под свои собственные «индустриальные нужды». Создание и укрупнение колхозов, внедрение колхозного лова, стимулирование увеличения поголовья оленей все это преследовало лишь одну цель – поддержать коренные народности, поскольку, как уже отмечалось, государство не могло их бросить по политическим мотивам, пусть даже в ущерб своим экономическим интересам. Однако вместе с тем и окружающей природе наносился значительный ущерб.

Таким образом, попытка перестроить систему традиционных для Севера Западной Сибири отраслей хозяйства, а также их деятельность на производственные формы не всегда оказывалась удачной. Безусловно, фактор нефтегазового развития играл свою роль служил основным источником загрязнения среды обитания промысловых видов. Однако это было не единственным моментом. Модернизация традиционных отраслей проводилась без попытки разрешить уже имевшие место быть в охоте, рыболовстве, оленеводстве организационные и материальные проблемы. Убыточные хозяйства могли стать рентабельными лишь при рациональном способе организации их деятельности, что в конечном счете не было сделано.

Заключение

Рост потребностей в сырье на протяжении столетий являлся основной предпосылкой движения на Север. Сначала это была пушнина, рыба и золото во второй половине XX в. – нефть и газ. Во многом эта тенденция сохраняется до сих пор. Такой утилитарный подход к северным территориям не мог не привести к быстрому истощению природных ресурсов. Формирование государственной политики в сфере использования биологических ресурсов во второй половине XX в. протекало в условиях необходимости экономического освоения новых территорий. Решения XX съезда предусматривали масштабное развитие территории Сибири и Дальнего Востока. Основой развития советского государства продолжала оставаться плановая экономика, при которой производственные показатели определялись руководством страны. Для регионов, чья экономика основывалась на использовании биологических ресурсов, такой подход был неприемлем, поскольку он не учитывал популяционные колебания.

Развитие ЗСНГК в 1960-е гг. стало приоритетным направлением в государственной политике на Севере Западной Сибири. Проблемы традиционного природопользования были отнесены на периферию государственных интересов. «Энергия века», «открытие века», так характеризовался процесс становления и развития нефтегазового комплекса не только в публицистической литературе того времени, но и в официальных документах тех лет. То, что это было событие исторического масштаба, признавалось уже современниками. Все это объективно снижало экономическую и политическую значимость биоресурсов для государства.

Традиционные формы хозяйствования на Севере рассматривались государством и научным сообществом как экстенсивные. Перевод на интенсивные формы экономической деятельности осуществлялся через «социалистическую реконструкцию» оленеводческих, охотничьих и рыболовецких хозяйств, которая выражалась в их огосударствлении, укрупнении, переходе населения на оседлый образ жизни. Это стало

основным направлением государственной политики в области развития традиционного хозяйства коренных народов Севера.

В рамках принимаемых государством мер по развитию традиционного промыслового хозяйства коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири можно выделить следующие направления.

Первое направление – развитие системы охотничьих хозяйств. В этой сфере государство стремилось преобразовать небольшие и экономически маломощные хозяйства в единую систему по добыче и заготовке промысловой пушнины и боровой дичи. Совершенствовалась нормативно-правовая база деятельности отрасли, повышалась техническая оснащенность хозяйственных коллективов, проводилось разграничение охотничьих угодий. Научными организациями вырабатывались рекомендации по рационализации охоты. Государственная политика в данной области реализовывалась ведомствами министерства сельского хозяйства и партийными структурами, в чью компетенцию входили обязанности по контролю за исполнением решений партии и правительства по вопросам развития северных промысловых хозяйств.

Второе направление – регулирование рыболовства у представителей коренных народностей. Для них выделялись особые квоты по вылову рыбы. Так, все, что вылавливалось сверх этих квот должно было сдаваться государству, а сами коренные северяне обязаны были трудиться в колхозах и рыбартелях.

Третье направление – коренное переустройство оленеводства. Государственная политика была ориентирована на создание условий для превращения его в одну из форм отгонного животноводства с переводом оленеводов на оседлый образ жизни.

Четвертым направлением государственной политики в области традиционного хозяйства стало «повышение культуры» и включенности коренных малочисленных народов Севера в экономическое развитие региона. В рамках этой политики предпринимались энергичные меры по переводу

северян на «оседлость», а также созданию производственных бригад и строительству стационарных поселков для проживания КМНС. Все это реализовывалось административно-командным путем, несмотря на принятые правовые механизмы. Основными исполнителями государственных решений в этой области стали общественные и партийные организации. На общественность возлагалась ответственность за помощь по обустройству быта коренных северян, приобщения их к современной советской культуре.

Основным направлением государственной политики в сфере развития рыбной промышленности стала интенсификация производства. Это выразилось в повышении технической оснащенности и увеличении производственных мощностей отрасли. На реализацию этой задачи активно работали научно-исследовательские организации, которые разрабатывали рекомендации по развитию озерного рыболовства, зарыблению уже используемых водоемов новыми видами, а также внедрению новых способов лова. Вместе с тем «голос ученых» по внедрению рациональных объемов вылова очень часто оставался неслышанным, поскольку главной задачей для государства было выполнение и перевыполнение производственных показателей. В области звероводства основным направлением государственной политики стало развитие межотраслевой кооперации с рыболовными хозяйствами и разведение и акклиматизация новых видов пушных зверей.

Таким образом, развитие звероводства и рыбной промышленности осуществлялось на основе механизации и автоматизации производственных процессов, реализации комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих «улучшение» среды обитания объектов промысла, организации перехода от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре – разведению наземных и водных животных и растений.

Бурное развитие нефтегазового комплекса на Севере Западной Сибири обостряло экологическую обстановку в регионе. Негативному воздействию подвергалось традиционное хозяйство северян. Развитие геологоразведочных

работ, интенсивное промышленное развитие оказывали отрицательное влияние на биоресурсы региона. Происходило перераспределение земель, менялись исторически сложившиеся маршруты кочевий и порядок использования угодий, увеличивалось количество пожаров, возрастала площадь использованной и нерекультивированной земли, сокращался ареал распространения промысловых видов животных.

Это потребовало активного включения государства в природоохранную деятельность. Ухудшение качества окружающей среды приводило к тому, что со второй половины 1950-х и до середины 1980-х гг. постоянно принимались различные решения «партии и правительства» об усилении природоохранных мероприятий, рационализации хозяйственной деятельности, но это слабо влияло на экологическую и экономическую ситуацию в регионе.

В вопросах охраны биологических ресурсов государство во многом «самоустранялось», передавая свои природоохранные функции обществу. Очевидно, это было связано с тем, что экологические проблемы не рассматривались властями как первоочередные. Соответственно, на решение этих проблем не выделялось достаточное количество государственных средств и материальных ресурсов. Эту нагрузку государство перекладывало на общественные организации. Эффективное применение законодательства тормозилось отсутствием реальных финансовых и правовых механизмов реализации норм природопользования. Преобладали меры пропагандистского характера и морального воздействия на нарушителей природоохранного законодательства.

Таким образом, механизмы реализации государственной политики использования биоресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. опирались на методы административно-командного регулирования производственной деятельности промысловых хозяйств и традиционных отраслей, разработку и внедрение биотехнических

мероприятий и технологий, интенсифицирующих добычу биоресурсов без должной разработки реально действующих механизмов их охраны.

Список использованных источников и литературы

Опубликованные источники

1. Конституция СССР 1977 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 15.02.2016).
2. Конституция РСФСР 1978 года [Электронный ресурс]. – URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/. (дата обращения: 20.02.2016).
3. Об охране окружающей среды : сб. док-тов партии и правительства (1917–1985). – М. : Политиздат, 1986. – 230 с.
4. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. – М., 1975. – 720 с.
5. XX съезд КПСС : стенографический отчет. – М., 1956. – Т. 1, 2.
6. Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам / сост.: К. У. Черненко, М. С. Смиртюков ; под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. – Т. 1–16.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. – М., 1984. – Т. 9–14.

Справочная литература

8. Большая Советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1977. – Т. 26.
9. Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – М., 1957. – Т. 35, 45, 46.
10. Народное хозяйство РСФСР : ежегодник. – М. : Государственное статистическое изд-во, 1956–1986.
11. Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970). Статистика. ЦСУ РСФСР Статистическое управление Тюменской области. – Омск, 1971. – 200 с.

12. Тюменская область за 50 лет. – Омск : Статистика, 1967. – 403 с.
13. Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1980. – 300 с.

Периодическая печать

14. Охота и охотничье хозяйство : ежемесячный журн. – М., 1956–1985.
15. Рыбоводство и рыболовство : ежемесячный журн. – М., 1958–1984.

Воспоминания

16. Байбаков, Н. К. Дело жизни. Записки нефтяника / Н. К. Байбаков. – М., 1984. – 420 с.
17. Байбаков, Н. К. Большая нефть Тюмени / Н. К. Байбаков. – Свердловск, 1965. – 220 с.
18. Байбаков, Н. К. Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – 350 с.
19. Великопольский, С. Д. Чудо XX века: книга воспоминаний / С. Д. Великопольский. – Тюмень, 2002. – 238 с.
20. Главтюменьнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях / сост.: С. Д. Великопольский, Ю. Переплеткин. – Тюмень, 2005. – 632 с.
21. Муравленко, В. И. Нефтяной гигант Сибири / В. И. Муравленко. – Свердловск, 1966. – 589 с.
22. Салманов, Ф. К. Жизнь как открытие / Ф. К. Салманов. – М., 2003. – 638 с.
23. Салманов, Ф. К. Сибирь – судьба моя / Ф. К. Салманов. – М., 1988. – 318 с.
24. Соратники: Поколение Виктора Муравленко / сост.: С. Д. Великопольский, Ю. Переплеткин. – Тюмень, 2002. – 504 с.

25. Соколова, З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах : полевые материалы, докладные записки и отчеты / З. П. Соколова. – М., 2015. – 990 с.
26. Штильмарк, Ф. Р. Отчет о пережитом / Ф. Р. Штильмарк. – М. : Логата, 2006. – 527 с.
27. Эрвье, Ю. Г. Сибирские горизонты / Ю. Г. Эрвье. – Свердловск, 1968. – 549 с.

Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации

28. Ф. А259. Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР). (Оп. 45. Д. 5089, 4821).

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области

Государственный архив Тюменской области

29. Ф. 814. Тюменский областной Совет Депутатов Трудящихся. Исполнительный комитет. (Оп. 1. Д. 4855а).

30. Ф. 1810. Тюменский областной комитет народного контроля и его предшественники. (Оп. 3. Д. 701).

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области

Государственный Архив социально-политической истории Тюменской области

31. Ф. 2010. Тюменский промышленный областной комитет коммунистической партии Советского Союза, г. Тюмень, Тюменская область. (Оп. 1. Д. 104, 128).

32. Ф.П-124. Тюменский областной комитет КПСС, г. Тюмень, Тюменская область. (Оп. 1. Д. 8207).

Государственный Архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

33. Ф. 6. Комитет государственной статистики ХМАО – Югры, город Ханты-Мансийск. (Оп. 1. Д. 184, 268, 294, 323а, 354, 452а, 474а, 544, 560, 703).
34. Ф. 60. Акционерное общество открытого типа (АООТ) «Аква», город Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (Ханты-Мансийский рыбзавод). (Оп. 6. Д. 6, 7, 13, 14, 16, 17, 18).
35. Ф. 277. Управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, г. Ханты-Мансийск. (Оп. 1. Д. 18, 19, 21, 22, 23, 27, 28а, 30, 32, 34, 35, 37, 38, 38а, 39, 40, 41, 42, 43, 54, 58, 60, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 73, 75, 76, 79, 80, 80а, 83, 84, 87а, 87б, 88, 89, 90, 93, 94, 159, 160).
36. Ф. 297. Обь-Тазовское отделение Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства (СибНИИРХ) города Тюмени, г. Тобольск. (Оп. 1. Д. 29, 40а, 47, 99, 115, 122, 126, 129, 132).
37. Ф. 319. Ханты-Мансийская районная государственная инспекция по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства Нижнеобского бассейнового управления Нижнеобьрыбвод, г. Ханты-Мансийск. (Оп. 1. Д. 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 24, 28, 30, 37, 38, 40, 43).
38. Ф. 398. Ханты-Мансийский окружной Совет Всероссийского общества охраны природы (ВООП) Тюменского областного Совета ВООП, г. Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области 1962–1992 гг. (Оп. 1. Д. 1, 4, 6а, 6б, 8).

Архивный отдел Администрации г. Сургута

39. Ф. 1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. (Оп. 1. Д. 102, 118, 340, 392, 448, 449, 485, 486).

Научный архив Сургутского краеведческого музея

40. Ф. 04. Материалы по вопросам коренного национального населения. (Оп. 1. Д. 16).

Исследовательская литература

41. Абазаев, И. А. Основные направления развития сельского и

- промышленного хозяйства Крайнего Севера : труды науч.-исслед. ин-та сельского хозяйства Крайнего Севера / И. А. Абазаев // Вопросы сельского и промышленного хозяйства Крайнего Севера. – М., 1970. – Т. 18. – 230 с.
42. Агеенко, П. Нам нужны охотоведы / П. Агеенко // Охота и охотничье хозяйство. – 1961. – № 8. – С. 12.
43. Агранат, Г. А. Проблемы освоения канадского севера / Г. А. Агранат. – Москва, 1979. – 150 с.
44. Агранат, Г. А. Энергетика, сельское хозяйство, промышленные хозяйства американского Севера / Г. А. Агранат. – М., 1975. – 238 с.
45. Агранат, Г. А. Зарубежный Север: опыт освоения / Г. А. Агранат ; под ред. С. В. Славина. – М. : Наука, 1970. – 414 с.
46. Агранат, Г. А. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки / Г. А. Агранат ; под ред. К. С. Лосева. – М., 1983. – 164 с.
47. Агранат, Г. А. Освоение Севера: Мировой опыт и региональные проблемы / Г. А. Агранат. – М., 1983. – 136 с.
48. Агранат, Г. А. Экономический опыт СССР в освоении Севера (некоторые сопоставления с зарубежным Севером) / Г. А. Агранат // Вопросы экономики. – 1972. – № 11. – С. 45–74.
49. Агранат, Г. А. Региональные проблемы исследования и освоения Севера / Г. А. Агранат. – М., 1973. – 175 с.
50. Адам, А. М. Природные ресурсы и экологическая безопасность Западной Сибири / А. М. Адам. – М., 1990. – 156 с.
51. Аджиев, М. Э. Край притяжения / М. Э. Аджиев // Природа и человек. – 1986. – № 3. – С. 22–30.
52. Аджиев, М. Э. Размышление о границах Севера / М. Э. Аджиев // Природа. – 1976. – № 10. – С. 74–80.
53. Актуальные вопросы экономики Севера. – М. : Наука, 1971. – 291 с.
54. Алексеев, В. В. Проблемы индустриального освоения севера Сибири и Дальнего Востока в современной буржуазной историографии / В. В. Алексеев // Опыт некапиталистического пути развития малых народов Дальнего

Востока СССР. – Владивосток, 1981. – 349 с.

55. Алексеев, В. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ / В. В. Алексеев, И. В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2000. – № 5, 6.

56. Алексеев, В. В. Прометеи сибирской нефти : монография / В. В. Алексеев, В. А. Ламин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 288 с.

57. Алексеев, Л. И. Охрана окружающей среды и социально-экономические условия освоения Севера Западной Сибири вахтенным методом / Л. И. Алексеева. – Ленинград, 1987. – 178 с.

58. Аманьев, В. А. Природа Севера Сибири, особенности ее использования и охраны : науч. конф. памяти Н. М. Ядринцева (29, 30 окт.) / В. А. Аманьев. – Омск, 1992. – 231 с.

59. Андреева, Е. Н. Экологические проблемы новых районов освоения / Е. Н. Андреева // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. – 1990. – № 7. – С. 45–72.

60. Андреева, Е. Н. Организация природопользования в нефтегазовых районах Аляски / Е. Н. Андреева // География и природные ресурсы. – 1982. – № 1. – С. 2–14.

61. Бакланова, А. Б. Место традиционного хозяйства народностей Крайнего Севера в современном промышленном комплексе / А. Б. Бакланова // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – 1982. – № 1. – С. 34–80. – (Сер. Общественные науки).

62. Балаш, Л. В. Звероводство в ХМНО Тюменской области. Охота, пушнина и дичь / Л. В. Балаш // Сборник науч.-техн. информации ВНИИОЗ. – 1972. – № 37. – С. 35–62.

63. Банников, А. Г. Охрана природы / А. Г. Банников, А. К. Рустамов. – М. : Колос, 1977. – 143 с.

64. Башлаков, Я. К. Географические аспекты природопользования и охраны природы Тюменской области. Природные ресурсы Тюменской области / Я. К. Башлаков. – Ленинград, 1976. – 159 с.

65. Барбаков, М. М. Некоторые экологические проблемы научно-технического прогресса в Западной Сибири / М. М. Барбаков. – Тюмень, 1980. – 139 с.
66. Барбаков, М. М. Некоторые аспекты охраны окружающей среды Тюменской области (включая северные районы) / М. М. Барбаков // Ленинизм и современность. – 1980. – № 6. – С. 2–10.
67. Белан, А. А. Охрана окружающей среды на предприятиях Главтюменнефтегаза / А. А. Белан // Нефтяное хозяйство. – 1981. – № 4. – С. 4–8.
68. Белоконь, Л. С. Хозяйственное освоение Севера в прошлом, настоящем и будущем: смена приоритетов / Л. С. Белоконь // Известия Всесоюзного географического общества. – 1991. – № 3. – С. 12–16.
69. Белорусов, Д. В. Эффективность комплексного развития производительных сил в районах нового освоения Западной Сибири / Д. В. Белорусов. – М., 1971. – 219 с.
70. Белорусов, Д. В. Перспективы развития народного хозяйства северных районов Западно-Сибирской низменности / Д. В. Белорусов // Комплексное освоение водных ресурсов Обского Бассейна. – 1970. – № 1. – С. 4–20.
71. Бескин, И. А. Сохранение природной среды и формирование транспортной сети Севера / И. А. Бескин // Проблемы Севера. – 1973. – № 18. – С. 45–59.
72. Бударин, М. Е. Социалистические преобразования в национальных районах севера Сибири : дис. ... д-ра ист. наук / М. Е. Бударин. – Омск : Изд-во Омск. гос. пед. ин-та им. А.М. Горького, 1971. – 280 с.
73. Бударин, М. Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму: КПСС – организатор социалистических преобразований в национальных районах Севера Западной Сибири / М. Е. Бударин. – Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во : Омск. отд-ние, 1968. – 476 с.
74. Будьков, С. Т. Актуальные вопросы охраны природной среды в связи с освоением газовых ресурсов региона / С. Т. Будьков // Нефть и газ. – 1981. –

№ 7. – С. 20–28.

75. Будьков, С. Т. Нефть, газ и природа севера / С. Т. Будьков. – М., 1984. – 180 с.

76. Будьков, С. Т. Охрана природы Тюменского Севера / С. Т. Будьков // География и природные ресурсы. – 1987. – № 4. – С. 21–30.

77. Будьков, С. Т. Хозяйственное освоение Обского Севера и проблемы рыбной промышленности : материалы II семинара-конференции Обь-Иртышской экспедиции / С. Т. Будьков // Институт географии Сибири и Дальнего Востока ; Сибирское отделение Академии наук СССР. – Иркутск, 1970. – 228 с.

78. Будьков, С. Т. Некоторые вопросы охраны природной среды севера Тюменской области в связи с освоением газовых ресурсов региона : материалы III всесоюзного совещания по прикладной географии / С. Т. Будьков // АН СССР Сиб. отд. ин-т географии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1975. – 321 с.

79. Борейко, В. А. История охраны дикой природы в США / В. А. Борейко. – Киев, 2003. – 230 с.

80. Быкова, О. Ю. Географические подходы к выявлению природоохранных проблем на Тюменском Севере. Ландшафтно-экологические исследования и практика / О. Ю. Быкова. – М., 1991. – 102 с.

81. Васильев, О. Ф. Тенденции изменения природной среды в Сибири и задачи экологических исследований / О. Ф. Васильев // Вестник Академии наук СССР. – 1988. – № 11. – С. 21–31.

82. В стороне от главного // Охота и охотничье хозяйство. – 1962. – № 11. – С. 49.

83. Венглинский, Д. Л. Воздействие промысла на запасы рыб в северных водоемах Сибири / Д. Л. Венглинский // Рыбное хозяйство. – 1984. – № 64. – С. 34–42.

84. Венглинский, Д. Л. Экологические аспекты рационального использования запасов сиговых рыб Севера Западной Сибири и Урала / Д. Л.

Венглинский // Биологические проблемы севера. VI симпозиум. – Вып. 2. Ихтиология. Гидробиология. Энтомология. Паразитология. – Якутск, 1974. – С. 221–224.

85. Веселкина, В. В. Развитие традиционных отраслей хозяйства коренных народностей Тюменского севера в условиях интенсивного промышленного освоения края. Россия и социально-экономическое развитие Сибири / В. В. Веселкина. – Тюмень, 1982. – 340 с.

86. Винер, Д. Экологическая идеология без мифов / Д. Винер // Человек и природа: экологическая история. – 2008. – С. 132–160.

87. Витязева, В. А. Основной метод освоения Севера / В. А. Витязева. – Якутск, 1969. – 89 с.

88. Владимиров, В. А. Разливы нефти: причины, масштабы, последствия / В. А. Владимиров // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2014. – № 1. – С. 227–232.

89. Востряков, П. Н. Северное оленеводство и пушной промысел / П. Н. Востряков // Размещение и специализация сельско-хозяйственного производства РСФСР. – М., 1971. – 178 с.

90. Востряков, П. Н. Резервы повышения продуктивности оленеводства Ямала / П. Н. Востряков, М. М. Броднев // Проблемы Севера. – М., 1968. – Т. 13. – С. 53.

91. Вотинов, Н. П. Больше рыбы стране : материалы к лекциям / Н. П. Вотинов, В. А. Замятин, А. Н. Петкевич. – Тюмень: Тюм. облтипография, 1966. – С. 23.

92. Вышегородцев, А. А. Перспективы воспроизводства пеляди в озерах Кондинского и Сургутского районов Тюменской области. Научные основы охраны природы и их преподавание в высшей и средней школе / А. А. Вышегородцев. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1970. – 112 с.

93. Гаврилова, Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 г.) / Н. Ю. Гаврилова. – Тюмень, 2002. – 239 с.

94. Гайдин, С. Т. Организация охотничьего промысла в северных районах

Красноярского края (1971–1991 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина // Вестник КрасГАУ. – 2014. – № 9. – С. 246–253.

95. Ганопольский, М. Г. Тюменский индустриальный эксперимент: нравственная история и социальная реконструкция / М. Г. Ганопольский // Вестник Омского университета. – 2015. – № 3. – С. 313–318. – (Сер. Экономика).

96. Географические условия освоения Обского Севера. – Иркутск, 1975. – 128 с.

97. Герасимов, И. П. Охрана природы севера Сибири / И. П. Герасимов // Известия Академии Наук СССР. – 1979. – № 1. – С. 13–27. – (Сер. География).

98. Головнев, А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири / А. В. Головнев. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. – 204 с.

99. Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. – Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1995. – 607 с.

100. Головнев, А. В. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и нефтегазовые месторождения / А. В. Головнев. – Екатеринбург : АМБ, 2014. – 232 с.

101. Гололобов, Е. И. Природопользование и охрана окружающей среды на Севере Западной Сибири в 1920–е гг. / Е. И. Гололобов // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299. – С. 77–82.

102. Гололобов, Е. И. Environmental history of the North of Western Siberia: Developing nature resources and nature protection / Е. И. Гололобов // Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований : материалы Междунар. науч. конф. (Елабуга, 13–15 нояб. 2014 г.). – Елабуга : Изд-во Елабужского ин-та КФУ, 2014. – С. 86–106.

103. Гололобов, Е. И. Охрана окружающей среды на Севере Западной Сибири в XIX–XX вв. / Е. И. Гололобов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4(37). – С. 143–

148.

104. Гололобов, Е. И. Методологические аспекты исторического исследования экологической политики государства (на примере Севера Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.) / Е. И. Гололобов, Ю. С. Приходько // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4(37). – С. 195–201.

105. Гололобов, Е. И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930) исторические корни современных экологических проблем / Е. И. Гололобов. – Ханты-Мансийск, 2013. – 222 с.

106. Гололобов, Е. И. Взаимодействие человека и природы на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг. (теоретико-методологический аспект) / Е. И. Гололобов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2009. – № 3(6). – С. 68–76.

107. Гонина, Н. В. Исторический опыт природопользования в Ангаро-Енисейском региона 1945–1970 гг. / Н. В. Гонина. – Красноярск : Изд-во Красноярск. гос. аграр. ун-та, 2009. – 175 с.

108. Гундризер, А. Н. Основные проблемы развития рыбного хозяйства севера Сибири / А. Н. Гундризер // География и природные ресурсы. – 1989. – № 3. – С. 7–19.

109. Деков, В. М. Неотложные задачи охотничьего хозяйства Тюменской области / В. М. Деков // Современное состояние и пути развития охотоведческой науки в СССР : тезисы докладов I Всесоюзной конференции. – Киров, 1974. – С. 23–54.

110. Дёжкин, В. В. Охотничье хозяйство РСФСР / В. В. Дёжкин. – М. : Лесная промышленность, 1978. – 194 с.

111. Дёжкин, В. В. Эколого-экономические основы ведения охотничьего хозяйства / В. В. Дёжкин // Охотоведение. – 1975. – № 2. – С. 55–71.

112. Дёжкин, В. В. Охота и охотничье хозяйство мира / В. В. Дёжкин. – М. : Лесная промышленность, 1983. – 185 с.

113. Дурновцев, В. И. Экологическая история России: что впереди? / В. И.

Дурновцев // Проблемы экологии и устойчивого развития. – М. : Изд-во МНЭПУ, 2010. – С. 45–71.

114. Дурновцев, В. И. Становление экологической истории России (историографические наблюдения) / В. И. Дурновцев ; под ред. Д. Ж. Марковича, С. Н. Глазачева, С. А. Степанова // Социокультурные измерения в условиях глобализации: опыт России и Сербии. – М. : Ниш, 2011. – С. 249–260.

115. Дьяконов, К. Н. Физико-географические аспекты изучения влияния нефтедобывающей техники на природную среду Среднего Приобья / К. Н. Дьяконов. – М., 1974. – 118 с.

116. Елишев, А. В. Проблемы охраны окружающей среды в связи с развитием газовой промышленности в северных районах / А. В. Елишев. – М., 1981. – 119 с.

117. Забродин, В. А. Охотничье хозяйство Севера / В. А. Забродин. – М. : Агропромиздат, 1989. – 357 с.

118. Замятин, В. А. Состояние и перспективы развития рыбного хозяйства ХМНО и ЯННО Тюменской области / В. А. Замятин // Тезисы докладов к научно-практической конференции СибрыбНИИпроект по развитию Тюменского рыбохозяйственного комплекса. – Тюмень, 1975. – С. 102–107.

119. Зимов, С. А. Человек и природа севера: гармония противоположностей / С. А. Зимов // Вестник Академии наук СССР. – 1990. – № 2. – С. 22–34.

120. Иваненко, А. С. Путеводитель по Тюменской области / А. С. Иваненко. – Свердловск, 1984. – 249 с.

121. Игнатович, А. Д. Содержание лисиц и песцов на Крайнем Севере / А. Д. Игнатович. – Красноярск, 1969. – 138 с.

122. Ильин, П. М. Проблемы формирования производственно-территориальной структуры Обь-Иртышского левобережья / П. М. Ильин // Известия Академии наук СССР. – 1970. – № 1. – С. 21–32. – (Сер. География).

123. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 5 / под

ред. А. П. Окладников. – Ленинград : Наука, 1968. – 576 с.

124. Итс, Р. Ф. Современные экологические проблемы и традиционное природопользование народов Севера / Р. Ф. Итс // Вестник Академии наук СССР. – 1982. – № 5. – С. 13–28. – (Сер. География).

125. Иоганзен, Б. Г. Охрана природы в газонефтеносных районах Западной Сибири / Б. Г. Иоганзен. – Томск, 1970. – 202 с.

126. Иоганзен, Б. Г. Водоемы Западной Сибири, их биологическая продуктивность и мелиорация / Б. Г. Иоганзен // Рыбное хозяйство и итоги биологических рыбохозяйственных исследований в Западной Сибири за 1971–1975 гг. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. – С. 110–123.

127. Калимуллин, А. М. Проблемы экологической истории / А. М. Калимуллин // Вопросы истории. – 2006. – № 10. – С. 160–164.

128. Каллимулин, А. М. Историческое исследование региональных экологических проблем / А. М. Каллимулин. – М., 2006. – 369 с.

129. Калякин, В. Н. Актуальные задачи мониторинга на севере Западной Сибири / В. Н. Калякин // Природные экосистемы и их охрана. – М., 1981. – С. 54–72.

130. Калякин, В. Н. Как спасти Север? / В. Н. Калякин // Жилое и коммунальное хозяйство. – 1992. – № 6. – С. 29–33.

131. Карпов, В. П. «Это было спасением!» (к 50-летию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса) / В. П. Карпов // Нефтяное хозяйство. – 2014. – № 5. – С. 119–120.

132. Карпов, В. П. Энергетика и геополитика: тюменский фактор / В. П. Карпов, В. П. Тимошенко // Вестник Тюменского гос. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 84–91.

133. Карпов, В. П. Нефть, политика и научно-технический прогресс / В. П. Карпов // ЭКО. – 2013. – № 9(471). – С. 51–61.

134. Карпов, В. П. За туманом и за запахом тайги? Проблемы заселения нефтегазового тюменского севера / В. П. Карпов, М. Г. Ганопольский // Родина. – 2013. – № 2. – С. 74–76.

135. Карпов, В. П. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960–1980-е гг. / В. П. Карпов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4. – С. 234–239.
136. Карпов, В. П. Стратегия освоения нефтегазовых ресурсов Ямала (1960–80-е гг.) / В. П. Карпов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – Т. 3, № 2. – С. 69–85.
137. Карпов, В. П. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности / В. П. Карпов. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2002. – 174 с.
138. Карпов, В. П. «Третье Баку». Формирование нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960–90-е годы / В. П. Карпов. – Тюмень, 2002. – 127 с.
139. Карпов, В. П. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960–80-е годы) / В. П. Карпов // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 112–132.
140. Карпов, В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.) / В. П. Карпов. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2005. – 307 с.
141. Карпов, В. П. Прометеи Ямальского газа. Очерки истории освоения нефтегазовых ресурсов региона / В. П. Карпов. – Салехард; Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. – 232 с.
142. Карпов, В. П. Традиционный Ямал в индустриальной динамике XX в.: Проблемы адаптации / В. П. Карпов // Северный региона: Наука, образование, культура. – 2015. – № 2. – С. 40–43.
143. Карпов, В. П. Севера и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения / В. П. Карпов // Уральский исторический Вестник. – 2016. – № 1. – С. 91–98.
144. Карпович, И. Ю. Вопросы развития рыбного хозяйства в Ханты-Мансийском национальном округе / И. Ю. Карпович // Проблемы Севера. – М. : Наука, 1968. – Вып. 13. – С. 146–158.
145. Клоков, К. Б. Охрана и рациональное использование территорий

- Крайнего Севера / К. Б. Клоков, А. И. Пика, Е. С. Равкин. – М., 1983. – 302 с.
146. Каплин, А. А. Пушнина в СССР / А. А. Каплин. – М., 1960. – 220 с.
147. Каплин, А. Недостатки организации пушного промысла / А. Каплин // Охота и охотничье хозяйство. – 1961. – № 5. – С. 3, 4.
148. Колева, Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления : в 2 ч. / Г. Ю. Колева. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2005. – Ч. 1. – 152 с.
149. Колева, Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления : в 2 ч. / Г. Ю. Колева. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2005. – Ч. 2. – 159 с.
150. Колева, Г. Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977–1989 гг.) / Г. Ю. Колева. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2006. – 184 с.
151. Колева, Г. Ю. Газовая промышленность Тюменской области / Г. Ю. Колева // Известия высших учебных заведений Нефть и газ. – 2006. – № 6. – С. 8–74.
152. Колева, Г. Ю. Нефтяная промышленность Тюменской области / Г. Ю. Колева // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. – 2006. – № 5. – С. 65–73.
153. Колева, Г. Ю. Стратегия развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980 гг.) / Г. Ю. Колева // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300. – С. 95–102.
154. Костяев, А. И. Агропромысловое хозяйство Севера. Проблемы комплексного развития / А. И. Костяев. – Ленинград : Наука, 1986. – 147 с.
155. Котюх, А. А. Активнее осваивать рыбные богатства водоемов Крайнего Севера / А. А. Котюх // Рыбное хозяйство. – 1968. – № 6. – С. 42–47.
156. Кротов, В. А. Проблемы экономического районирования Сибири и Дальнего Востока / В. А. Кротов // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – 1969. – № 2. – С. 3–11. – (Сер. Общественные науки).
157. Крючков, В. В. Особенности природоохранных мер в условиях севера

- Западной Сибири в связи с его освоением / В. В. Крючков. – Иркутск, 1971. – 289 с.
158. Крючков, В. В. Природно-территориальные комплексы севера Западной Сибири и проблемы безлесья тундры / В. В. Крючков // Известия Академии наук СССР. – 1974. – № 1. – С. 19–45. – (Сер. География).
159. Крючков, В. В. Стратегия охраны природы Севера / В. В. Крючков // Природа. – 1984. – № 1. – С. 76–79.
160. Крючков, В. В. Крайний Север: проблемы рационального использования природных ресурсов / В. В. Крючков. – М. : Наука, 1973. – 156 с.
161. Крючков, В. В. Север: Природа и человек. Перспективы освоения / В. В. Крючков ; отв. ред. П. Ф. Швецов. – М. : Наука, 1979. – 278 с.
162. Крючков, В. В. Экологические проблемы севера / В. В. Крючков. – Ленинград, 1988. – 320 с.
163. Когтева, Е. Повысить качество шкурок белки / Е. Когтева // Охота и охотничье хозяйство. – 1968. – № 12. – С. 5–10.
164. Корнилов, Б. А. Географические предпосылки выбора районов хозяйственного освоения в Среднем Приобье / Б. А. Корнилов // Известия Академии наук СССР. – 1968. – № 1. – С. 68–80. – (Сер. География).
165. Котляков, В. М. Как лучше осваивать север? / В. М. Котляков, Г. А. Агрант // Вестник Академии наук СССР. – 1991. – № 9. – С. 12–23.
166. Краев, Н. В. Государственная политика в области охоты и охотничьего хозяйства в СССР / Н. В. Краев. – М., 2010. – 149 с.
167. Кронон, У. Место для историй: природа, история и повествование / У. Кронон // Человек и природа: экологическая история. – 2008. – С. 84–131.
168. Круторогов, Н. Больше внимания охотничьему промыслу / Н. Круторогов // Охота и охотничье хозяйство. – 1971. – № 2. – С. 1, 2.
169. Кин, А. А. О выборе рациональных методов хозяйственного освоения севера Западной Сибири / А. А. Кин // Известия Сибирского Отделения Академии наук СССР. – 1971. – № 2. – С. 4–19. – (Сер. Общественные науки).

170. Кукуевичкий, Г. М. Проектирование мероприятий по охране окружающей среды при освоении необжитых территорий (на примере севера Тюменской области) / Г. М. Кукуевичкий // Нефтяное хозяйство. – 1979. – № 12. – С. 45–72.
171. Кулемзин, В. Н. Некоторые наблюдения над деградацией культуры чулымцев, селькупов и хантов / В. Н. Кулемзин // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург, 1992. – С. 126–129
172. Кулемзин, В. Н. К вопросу о механизме разрушения традиционных культур / В. Н. Кулемзин // Questions siberiennes. Сибирские вопросы. – 1992. – № 2. – С. 48–87.
173. Кулемзин, В. Н. Взаимодействие культур и его результаты / В. Н. Кулемзин // Западная Сибирь: проблемы региональной культурологии. – Томск, 1992. – С. 92–95.
174. Кулемзин, В. Н. Взаимоотношения культуры и среды: прошлое, настоящее и перспективы / В. Н. Кулемзин // Научные труды. НИИ ВОУН. – Ханты-Мансийск, 1995. – С. 34–92.
175. Кулемзин, В. Н. Ханты: чужие на своей земле? / В. Н. Кулемзин // Народы Сибири: права и возможности ; отв. ред. А. П. Деревянко. – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С. 140–147.
176. Кулемзин, В. Н. Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения / В. Н. Кулемзин // Культурологические исследования в Сибири. Вып. 1. – Омск, 1999. – С. 209–221.
177. Куницын, Л. Ф. Освоение Западной Сибири проблема взаимодействия природных комплексов и технических систем. Россия и социально-экономическое развитие Сибири / Л. Ф. Куницын. – Тюмень, 1982. – 379 с.
178. Куприянов, А. Г. Охрана и рациональное использование наземных животных на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / А. Г. Куприянов // Экология нефтегазового строительства: проблемы, пути решения. – М., 1990. – С. 132–142.

179. Куражсковский, Ю. Н. Экологические основы природопользования / Ю. Н. Куражсковский, Ю. С. Чуйков // Астраханский Вестник экологического образования. – 2011. – № 2. – С. 74–150.
180. Кутасова, Э. Б. Беречь природу севера / Э. Б. Кутасова // Строительство трубопроводов. – 1988. – № 12. – С. 33–41.
181. Лаптев, И. П. Проблема рационального использования охраны и восстановления природы Севера СССР / И. П. Лаптев // Проблемы охраны природы в Сибири. – Томск, 1978. – С. 32–48.
182. Лагунов, К. Я. После нас... / К. Я. Лагунов // Наш современник. – 1989. – № 5. – С. 110–120.
183. Лукина, Н. В. Знакомьтесь: ханты / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Новосибирск : Наука, 1992. – 136 с.
184. Лукина, Н. В. Традиции и инновации в культуре хантов Томской области / Н. В. Лукина // Из истории Сибири. – 1973. – № 6. – С. 120–125.
185. Лукина, Н. В. Оленеводство ваковских хантов / Н. В. Лукина // Из истории Сибири. – 1973. – № 5. – С. 134–147.
186. Лукина, Н. В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов / Н. В. Лукина // Этнография народов Сибири ; отв. ред.: И. Н. Гемуев, Ю. С. Худяков. – Новосибирск, 1984. – С. 178–190.
187. Лукина, Н. В. Материальная культура восточных хантов в прошлом и настоящем / Н. В. Лукина // VI Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 24–30 июля. 1985 года : тез. докл. – Сыктывкар, 1985 – С. 90.
188. Лукина, Н. В. Историческая память и спасение Югры / Н. В. Лукина // Пути выживания народов ханты и манси : материалы науч.-практ. конф. – Ханты-Мансийск, 1993. – С. 34, 35.
189. Лукина, Н. В. Материалы по оленеводству восточных хантов (конец XIX –70-е годы XX в.) / Н. В. Лукин // Советская этнография. – 1979. – № 6. – С. 110–121.
190. Лукина, Н. В. История и культура хантов / Н. В. Лукина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1995. – 162 с.

191. Лукина, Н. В. Народы Северо-Западной Сибири / Н. В. Лукина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1995. – 216 с.
192. Лукина, Н. В. Народы Северо-Западной Сибири / Н. В. Лукина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. – 80 с.
193. Любимова, Г. В. Феномен «ресурсного проклятия» в этноэкологической истории сибирского региона (от «баррелей меха» – к «баррелям нефти») / Г. В. Любимова // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики : сб. науч. ст. по итогам всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.). – Кемерово : Практика, 2014. – С. 138–148.
194. МакНилл, Дж. Р. О природе и культуре экологической истории / Дж. Р. МакНилл // Человек и природа: экологическая история. – 2008. – С. 23–83.
195. Мантейфель, П. А. Спутник промыслового охотника / П. А. Мантейфель, Б. А. Кузнецов. – М. : Заготиздат, 1954. – 60 с.
196. Мараков, С. Проблемы охотоведческого образования / С. Мараков, В. Сафонов // Охота и охотничье хозяйство. М., 1984. – № 7. – С. 1–3.
197. Марков, Ю. Г. Политика охраны окружающей среды в условиях промышленного освоения Севера / Ю. Г. Марков. – М., 1992. – 150 с.
198. Макридин, В. Совершенствовать охотопромысел Севера / В. Макридин // Охота и охотничье хозяйство. – 1968. – № 12. – С. 21–23.
199. Марков, Ю. Г. Политика охраны окружающей среды в условиях промышленного освоения Севера / Ю. Г. Марков // Известия Сибирского отделения РАН: История, филология и философия. – 1992. – № 2. – С. 12–16.
200. Мельников, П. И. Проблемы и направления исследований в области охраны окружающей среды Севера / П. И. Мельников // Проблемы мерзловедения. – 1975. – № 8. – С. 15–32.
201. Михайлов, Ю. П. Географическое изучение Обского Севера в связи с его освоением / Ю. П. Михайлов // Проблемы развития районов с

- экстремальными природными условиями. – Иркутск, 1986. – С. 4–16.
202. Михайлов, Л. Укреплять охотничье хозяйство / Л. Михайлов // Охота и охотничье хозяйство. – 1957. – № 1. – С. 5.
203. Народы Советского Севера. – М. : Наука, 1991. – 264 с.
204. Некрасов, В. Л. Н.С. Хрущёв и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология / В. Л. Некрасов, Е. А. Хромов // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 123–126.
205. Некрасов, В. Л. Модели региональной политики и социально-экономического развития регионов Севера Западной Сибири (1957–1965 гг.) / В. Л. Некрасов // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4. – С. 183–189.
206. Некрасов, В. Л. Партийные, региональные и ведомственные группы интересов в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961–1965 гг.) / В. Л. Некрасов, Е. А. Хромов // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 45.
207. Некрасов, В. Л. Проекты индустриального обновления регионов Севера Западной Сибири (1950-е – первая половина 1960-х гг.) / В. Л. Некрасов, О. Н. Стафеев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2010. – № 3. – С. 72–83.
208. Некрасов, Н. Место Сибири в общесоюзном разделении труда / Н. Некрасов // Сибирские огни. – 1969. – № 9. – С. 4, 5.
209. Нефедов, В. Б. Исследование состояния природной среды на севере Западной Сибири в связи с хозяйственным освоением и охраной природы / В. Б. Нефедов // Вестник Московского университета. – 1967. – № 5. – С. 56–72. (Сер. 5. География).
210. Нефедов, В. Б. Устойчивость природной среды и охрана природы (на примере севера Западной Сибири) / В. Б. Нефедов // Сибирские огни. – 1969. – № 9. – С. 11–19.
211. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая

- половина 1960–х гг.): экономические и институциональные аспекты развития / Е. А. Хромов, О. Н. Стафеев, В. Л. Некрасов. – Сургут : РИО СурГПУ, 2012. – 250 с.
212. Нефтяная эпопея Западной Сибири / под ред. М. М. Крол. – М., 1995. – 220 с.
213. Обновленная Югра. – Свердловск, 1970. – 99 с.
214. Огородников, Е. Осваиваем богатства Сибири / Е. Огородников // Экономика строительства. – 1969. – № 9. – С. 51–60.
215. Олдак, П. Проблемы освоения ресурсов Сибирского Севера / П. Олдак, С. Рязанцев // Охота и охотничье хозяйство. – 1974. – № 9. – С. 78–90.
216. Орлов, Б. П. О рациональных методах освоения природных ресурсов в новых районах Сибири / Б. П. Орлов // Экономика и организация промышленного производства. – 1971. – № 2. – С. 15–26.
217. Орлов, Б. П. Сибирь сегодня: проблемы и решения / Б. П. Орлов. – Москва : Мысль, 1974. – 298 с.
218. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – М., 1971. – 111 с.
219. Основные направления технического и экономического развития рыбного хозяйства Тюменской области. – Тюмень : Сиб.НИИРХ, 1969. – 178 с.
220. Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980–1989 гг.). – М., 1990. – 120 с.
221. Охрана окружающей среды при освоении газовых месторождений севера Тюменской области. – М. : ВНИИ.Газпром, 1978. – 87 с.
222. Охотничье и промысловое хозяйство Севера. – М. : Колос, 1979. – 137 с.
223. Охотничье хозяйство РСФСР / под ред. В. В. Дежкина. – М. : Лесная промышленность, 1978. – 346 с.
224. Павленко, В. И. Узловые научные проблемы эффективного освоения Севера / В. И. Павленко // Проблемы Севера. Вып. 22. Основные научные

- проблемы хозяйственного освоения Севера. – М., 1986. – С. 8–20.
225. Петкевич, А. Н. Рыбное хозяйство Обского Бассейна при условии создания Нижне-Обской ГЭС / А. Н. Петкевич // Сельское и промысловое хозяйство ЯННО. – Новосибирск : Наука, 1970. – С. 43–59.
226. Петров, И. Север, далекий и близкий / И. Петров // Земля сибирская, дальневосточная. – 1974. – № 8. – С. 6, 7.
227. Петренко, В. Ханты-мансийские зверпромхозы / В. Петренко // Охота и охотничье хозяйство. – 1980. – № 9. – С. 57–60.
228. Пика, А. И. Социальные и культурные изменения в образе жизни сосьвииских манси / А. И. Пика // Социальные и демографические проблемы социалистического образа жизни. – М., 1982. – С. 78–120.
229. Пика, А. И. Формирование Западносибирского ТПК и народы Севера / А. И. Пика // Социальные аспекты советского народа, как новой социально-исторической общности людей. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – С. 156–198.
230. Пика, А. И. Охрана и рациональное использование охотничьих животных и промысловых рыб на Севере Западной Сибири / А. И. Пика // Охрана и рациональное использование биоресурсов Крайнего Севера. – М. : Колос, 1983. – С. 38–42.
231. Пика, А. И. Полевые социально-демографические исследования в национальных поселках Крайнего Севера / А. И. Пика // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск, 1987. – С. 48–78.
232. Пика, А. И. Демографическая политика в районах проживания народов: проблемы и перспективы / А. И. Пика // Региональные проблемы социально-демографического развития. – М. : ИСИ АН СССР, 1987. – С. 78–95.
233. Пика, А. И. Большие проблемы малых народов / А. И. Пика // Охота и охотничье хозяйство. – 1989. – № 4. – С. 2–7.
234. Пика, А. И. «СОС» из сургутско-бермудского треугольника (тревожная ситуация на оз. Пяку-то) / А. И. Пика // Северные просторы. – 1990. – № 3. – С. 10–28.
235. Пика, А. И. Индустриальное развитие Севера и проблемы коренного

- населения / А. И. Пика // Проблемы обеспечения рациональной занятости малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в общественном производстве : материалы науч.-практ. конф. – Якутск, 1992. С. 6–14.
236. Пика, А. И. Ямальский конфликт: промышленное освоение и коренное население / А. И. Пика // Этика Севера. – 1990. – Т. 1. – С. 34–76.
237. Пилитович, С. С. Промысел и заготовки пушнины / С. С. Пилитович, В. В. Правоторов, В. В. Дёжкин. – М. : Экономика, 1971. – 137 с.
238. Пилитович, С. С. Заготовки пушнины на новом этапе / С. С. Пилитович // Охота и охотничье хозяйство. – 1970. – № 4. – С. 12, 13.
239. Пилясова, А. Н. Зарубежный опыт экологического планирования на Севере (на примере штата Аляска) / А. Н. Пилясов // Колыма. – 1985. – № 1. – С. 3, 4.
240. Плисецкий, Е. Л. Опыт экономической оценки влияния природных условий и ресурсов на хозяйственное освоение новых территорий (на примере Тюменского севера) / Е. Л. Плисецкий // Некоторые региональные вопросы развития производительных сил СССР. – М., 1975. – С. 32–41.
241. Побережников, И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы / И. В. Побережников // Экономическая история. Обзорение. – 2002. – Вып. 8. – С. 146–168.
242. Побережников, И. В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы / И. В. Побережников // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург : Изд-во УрПГУ, 1999. – С. 124–144.
243. Побережников, И. В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии / И. В. Побережников // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетия. Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2000. – С. 105–121.
244. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.

245. Побережников, И. В. Азиатская Россия: фронтир, модернизация / И. В. Побережников // Известия Уральского Федерального Университета. – 2011. – № 4. – С. 191–203. – (Сер. 2: Гуманитарные науки).
246. Пирожников, П. Л. Рыбное хозяйство на озерах, реках и водохранилищах СССР / П. Л. Пирожников ; отв. ред. А. Н. Петкевич // Рыбное хозяйство Обь-Иртышского бассейна. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1977. – 203 с.
247. Прибыльский, Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке / Ю. П. Прибыльский. – М. : Наука, 2008. – 350 с.
248. Природа и природные ресурсы Тюменской области. – Тюмень, 1973. – 204 с.
249. Природа Тюменского Севера. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1991. – 162 с.
250. Приходько, Ю. С. Деятельность региональных органов власти на Севере Западной Сибири в реализации государственной экологической политики во второй половине XX в. / Ю. С. Приходько // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 4(36). – С. 48–52. – (Сер. История).
251. Проблемы современного социального развития народностей Севера. – Новосибирск, 1987. – 172 с.
252. Проблемы охраны природы и рационального использования природных ресурсов в северных регионах // Географическое общество СССР. – М., 1982. – 123 с.
253. Проблемы освоения природных ресурсов Уральского Севера / отв. ред. В. П. Пахомов. – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. – 219 с.
254. Проблемы Севера. Сельское и промысловое хозяйство севера СССР. – 1968. – Вып. 13. – 124 с.
255. Пономорев, Г. В. Охотничье-промысловые ресурсы Сосьвинского Приобья и их использование / Г. В. Пономорев // Сибирское географическое общество. – 1980. – № 15. – С. 79–89.

256. Радкау, Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / Й. Радкау. – М. : Высш. шк. экономики, 2014. – 505 с.
257. Ракита, С. А. Природа и хозяйственное освоение Севера / С. А. Ракита. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 329 с.
258. Рациональное использование в условиях Севера / отв. ред. Н. Т. Агафонов // Сб. научных трудов АН СССР. Географическое общество СССР. – М., 1985. – 221 с.
259. Реймерс, Н. Ф. Охрана природы и окружающей человека среды : словарь-справочник / Н. Ф. Реймерс. – М. : Просвещение, 1992. – 320 с.
260. Рыбное хозяйство Обь-Иртышского бассейна / отв. ред. А. Н. Петквич // Труды Обь-Тазовского отделения. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1977. – Т. 4. – 238 с.
261. Рязанцев, С. Н. Комплексное исследование об освоении биологических ресурсов Сибирского Севера / С. Н. Рязанцев // Вестник Моск. ун-та. – 1975. – № 1. – С. 23–34. – (Сер. № 5. География).
262. Сдобников, В. Промысел на Крайнем Севере и задачи научных исследований / В. Сдобников // Охота и охотничье хозяйство. – 1957. – № 11. – С. 7–9.
263. Силин, А. Н. Некоторые вопросы охраны природной среды в связи с освоением газовых ресурсов Тюменского Севера / А. Н. Силин // Известия Сибирского Отделения Академии наук СССР. – 1975. – № 11. – С. 39–48. – (Сер. Общественные науки).
264. Силин, А. Н. О сохранении окружающей среды при освоении газовых ресурсов севера Тюменской области / А. Н. Силин // Проблема развития и размещения производительных сил Сибири. – Новосибирск, 1976. – С. 67–82.
265. Скалон, В. Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири / В. Н. Скалон. – Иркутск, 1957. – 70 с.
266. Славин, С. В. К истории развития современного хозяйства СССР / С. В. Славин // Современные проблемы освоения севера СССР. – М., 1970. – С. 54–62.

267. Славин, С. В. Освоение Севера / С. В. Славин. – М., 1975. – 200 с.
268. Слезкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин ; пер. с англ. О. Леонтьевой. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.
269. Смирнов, Н. Г. Историческая экология: между повседневностью и вечностью, или поиск решений на перекрестке проблем / Н. Г. Смирнов // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 23. – С. 84–98.
270. Смирняков, Ю. Вклад государственных промхозов / Ю. Смирняков // Охота и охотничье хозяйство. – 1971. – № 10. – С. 1, 2.
271. Соколова, З. П. Современное положение малых народностей Томской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов Тюменской области : материалы второго пленума межвед. комиссии по проблемам Севера / З. П. Соколова. – М., 1964. – С. 7–10.
272. Соколова, З. П. Ямало-Ненецкий национальный округ (экономико-географическая характеристика) / З. П. Соколова // Сов. этнография. – 1966. № 6. – С. 140–142.
273. Соколова, З. П. Новая жизнь народов Севера / З. П. Соколова. – М. : Наука, 1967. – 118 с.
274. Соколова, З. П. Постановления партии и правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера / З. П. Соколова // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – М. : Наука, 1971. – С. 66–116.
275. Соколова, З. П. Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера / З. П. Соколова // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 155–166.
276. Соколова, З. П. Народы Советского Севера (1960–1980) / З. П. Соколова. – М. : Наука, 1991. – 350 с.
277. Соколова, З. П. Этносоциальная ситуация и проблемы традиционного природопользования восточных хантов и лесных ненцев / З. П. Соколова // Народы Сибири. – 1995. – № 7. – С. 5–20.

278. Соколова, З. П. Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера / З. П. Соколова // Расы и народы. – 2002. – № 28. – С. 61–79.
279. Социальные проблемы труда у народностей Севера. – Новосибирск, 1986. – 219 с.
280. Состояние запасов осетра в реках Сибири и мероприятия по их увеличению (в Обь-Иртышском, Енисейском, Ленском бассейнах). – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. – 230 с.
281. Стафеев, О. Н. Образ региона. Индустриальное освоение Севера Западной Сибири в общественном сознании / О. Н. Стафеев // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 20. – С. 360–370.
282. Стафеев, О. Н. Источниковедческий анализ исследований по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири / О. Н. Стафеев, В. Л. Некрасов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2008. – № 1. – С. 68–86.
283. Стафеев, О. Н. Воспоминания Ф.К. Салманова как исторический источник развития нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960–80-е гг. / О. Н. Стафеев // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 166–169.
284. Суспицын, С. А. Исследования территориальных систем / С. А. Суспицын // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 20–48.
285. Сыроечковский, Е. Е. Биологические ресурсы Советского Севера: проблемы освоения / Е. Е. Сыроечковский. – М. : Наука, 1974. – 219 с.
286. Сыроечковский, Е. Е. Охотничье-промысловые ресурсы и таежное хозяйство южной части зоны проектируемого Нижне-Обского водохранилища / Е. Е. Сыроечковский // Влияние водохранилищ лесной зоны на прилегающие территории. – М. : Наука, 1970. – С. 132–145.
287. Сыроечковский, Е. Е. Таежное природопользование: с основами биогеоэкономики / Е. Е. Сыроечковский. – М. : Лесная промышленность, 1982. – 286 с.

288. Сысоев, В. Романтика древней профессии / С. Сысоев // Охота и охотничье хозяйство. – М., 1989. – № 1. – С. 7–11.
289. Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. – М. : Новое литературное обозрение, 2012.
290. Тарасенков, Г. Н. На просторах Обь-Иртышья (Природа, хозяйство, культура Тюменской области) / Г. Н. Тарасенков. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. – 431 с.
291. Тимошенко, А. И. Проекты социально экономического развития Сибири в XX веке.:концепции и решения. Исторические очерки / А. И. Тимошенко. – Новосибирск : Параллель, 2007. – 287 с.
292. Тимошенко, А. И. Освоение Сибири: Ключевые решения Российской государственной политики / А. И. Тимошенко // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2. – С. 134–144.
293. Тимофеев, Л. Г. К вопросу о комплексном развитии производительных сил Тюменской области / Л. Г. Тимофеев // О некоторых особенностях развития экономики социализма. – Тюмень, 1970. – С. 12–17.
294. Трофимов, Г. Забытая отрасль хозяйства / Г. Трофимов // Охота и охотничье хозяйство. Москва, 1957. – № 4. – С. 12–15.
295. Ханты-Мансийский автономный округ : атлас. – М., 1980. – 50 с.
296. Харитонова, В. Н. Экономические исследования проблем Севера: от плановой экономики к рыночной / В. Н. Харитонова // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 283–297.
297. Хилл, Ф. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России : пер. с англ. / Ф. Хилл, К. Гэдди. – М., 2007. – 328 с.
298. Федоров, В. Природно-экономические условия севера Тюменской области / В. Федоров // Труды науч.-исслед. ин-та сельск. хоз-ва Сев. Зауралья. – 1973. – Т. 1, № 8. – С. 121–123.
299. Чесноков, Н. И. Рациональное использование и охрана природы Тюменского севера в связи с его интенсивным промышленным освоением /

- Н. И. Чесноков // Вопросы охотничьего хозяйства : материалы к науч. конф. ВНИИОЗ, посвященные 50-летию ин-та. – Киров, 1972. – Ч. 1. – С. 126–132.
300. Чиждова, В. П. Прогноз изменения природы Западной Сибири в связи с нефтегазодобычей / В. П. Чиждова // Охрана природы. – М., 1977. – С. 113–119.
301. Шмидт, В. С. Охотопромысловое хозяйство Обь-Иртышского Севера как источник товарных ресурсов и фактор повышения доходов населения / В. С. Шмидт. – Киров : ВНИИЖП, 1969. – 371 с.
302. Щербаков, А. Дадим стране больше пушнины / А. Щербаков // Охота и охотничье хозяйство. – 1961. – № 1. – С. 3–5.
303. Щербина, Б. Е. Проблемы развития производительных сил Тюменской области в связи с освоением Обского Севера / Б. Е. Щербина // Проблемы Севера. – № 15. – 1970. – С. 32–38.
304. Фейгин, Ю. М. Проблемы охраны канадского Севера / Ю. М. Фейгин // США: экономика, политики, идеология. – 1983. – № 10. – С. 42–64.
305. Эткинд, А. Русская литература. XIX век: роман внутренней колонизации / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 103–124.
306. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России : пер. с англ. / А. Эткинд. – 2-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 300 с.
307. Юргенсон, П. Б. Биологические основы охотничьего хозяйства в лесах / П. Б. Юргенсон. – М. : Лесная промышленность, 1973. – 207 с.
308. Ямало-Ненецкий национальный округ. – М., 1965. – 150 с.
309. 30 лет Ямало-Ненецкого округа. – Тюмень, 1960. – 132 с.
310. Brain, S. Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953 / S. Brain. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2011. – 345 s.
311. Bredley, B. W. Environmental Politics / B. W. Bredley, J. R. McNeill, C. Merchan // Encyclopedia of World Environmental History. – 2004 – Vol. 1. A–E. – S. 234–245.

312. Cronon, W. *Ecological Prophecies* / W. Cronon. – New York, 1995. – 250 s.
313. Crosby, A. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900* / A. Crosby. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 250 s.
314. Josephson, P. *An environmental history of Russia* / P. Josephson, N. Dronin, R. Mnatsakanian, A. Cherp, D. Efremenko, V. Larin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 200 s.
315. Josephson, P. *Industrialized nature* / P. Josephson. – Washington : Island Press, 2002. – 313 s.
316. Josephson, P. *The Conquest of the Russian Arctic* / P. Josephson. – Harvard University Press, 2014. – 441 s.
317. Donald, J. H. *What is Environmental History?* / H. J. Donald. – New York : Wellie, 2006. – 258 s.
318. MacDowell, L. S. *An Environmental History of Canada* / L. S. MacDowell. – Ottawa, 2008. – 271 s.
319. Moon, D. *Plough that broken steppe* / D. Moon. – California : California Press, 2013. – 287 s.
320. McNeill, R. J. *A Companion to Global Environmental History* / J. R. McNeil, E. S. Mauldin. – London : Blackwell Publishing, 2012. – 298 s.
321. McNeill, J. R. *The Anthropocene: Conceptual and Historical Perspectives* / J. R. McNeill // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. – 2011. – Vol. 369. – S. 42–67.
322. McNeill, J. R. *Observation on the Nature and culture of Environmental history* / J. R. McNeill // *History and Theory*. – 2003. – Vol. 10. – S. 34–60.
323. Miller, S. W. *An Environmental History of Latin America* / S. W. Miller. – Berkeley and Los Angele : University of California Press, 2003. – 389 s.
324. Myllyntaus, T. *Environmental History. A New Discipline with Long Traditions* / T. Myllyntaus, M. Saikku. – Athens : Ohio University Press, 2001. – 263 s.
325. Richards, J. F. *The unending frontier: an environmental history of the early modern world* / J. F. Richards. – Berkeley and Los Angeles : University of

California Press, 2003. – 241 s.

326. Sutter, P. Environmental History and the American South / P. Sutter, C. Manganiello. – California : University of Press, 2005. – 603 s.

327. Totman, C. An Environmental History of Japan / C. Totman . – California : University of Press, 2000. – 402 s.

328. Warren, L. American environmental history / L. Warren. – Pittsburgh : University of Press, 2011. – 208 s.

329. Weiner, R. D. Models of Nature / D. R. Weiner. – Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1990. – 600 s.

330. Weiner, R. D. A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev / D. R. Weiner. – Los Angeles : University of California Press, 1999. – 556 s.

331. Weiner, D. A death-defying attempt to articulate a coherent definition of Environmental history / D. Weiner // Environmental History. – 2005. – № 10. – S. 404–420.

332. Worster, D. The Wealth of Nature: Environmental History and the Ecological Imagination / D. Worster. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 389 s.

333. Worster, D. The Two Cultures Revisited: Environmental History and the Environmental Sciences / D. Worster // Environment and History. – 1996. – № 13. – S. 3–14.

334. Woster, D. Nature's Economy: A History of Ecological Ideas / D. Woster. – Cambridge and New York : Cambridge University Press, 1994. – 450 s.

Авторефераты диссертаций

335. Артемов, Н. Н. Исторический опыт государственной политики СССР в сфере природопользования и охраны окружающей среды в 1960–1980-е : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Н. Артемов. – М., 2005. – 30 с.

336. Гаврилова, Н. Ю. Социальное развитие районов нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Н. Ю. Гаврилова. – Екатеринбург, 2003. – 41

с.

337. Гололобов, Е. И. Взаимодействие человека и природы в истории Обь-Иртышского Севера в 1920-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. И. Гололобов. – Омск, 2009. – 46 с.

338. Гонина, Н. В. Исторический опыт природопользования в Ангаро-Енисейском регионе (1945–1970 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Гонина. – Красноярск, 2002. – 29 с.

339. Колева, Г. Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Г. Ю. Колева. – Томск, 2007. – 40 с.

340. Лисина, Л. Ю. Экологический компонент исторического процесса : автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01 / Л. Ю. Лисина. – Саратов, 1988. – 24 с.

341. Приходько, Ю. С. Экологическая политика государства на Севере Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. С. Приходько. – Сургут, 2015. – 24 с.

342. Савчук, Н. В. Социально-экологические проблемы хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона (1950–1991 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Н. В. Савчук. – Иркутск, 2007. – 51 с.

343. Шмыглева, А. В. Экологическая политика в Западной Сибири (1970–1990-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Шмыглева. – Томск, 2003. – 18 с.